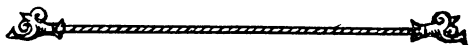

Б. Д. Греков

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ РУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА

Б. Д. ГРЕКОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ РУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
социально-экономической литературы

МОСКВА
1958

Работа принадлежит перу акад. Б. Д. Грекова, одного из крупнейших советских историков, выдающегося исследователя исторического прошлого нашего народа. В доступной, популярной, но в то же время строго научной форме автор освещает основные моменты истории русского крестьянства с древнейших времен до середины XVII в.

Многолетняя исследовательская работа Б. Д. Грекова в этой области predeterminedила то, что в небольшой по объему книге он смог дать общую схему истории русского крестьянства и четко охарактеризовать основные ее этапы.

Автор подробно излагает историю крестьянства как класса феодального общества, особо выделяя при этом такие проблемы, как значение территориальной общины, появление крупной феодальной собственности на землю, роль внеэкономического принуждения в процессе формирования феодально-зависимого населения и т. д. Автор внимательно рассматривает положение русского крестьянства в период феодальной раздробленности и образования Русского централизованного государства. Важное место в книге занимает исследование проблемы развития барщинного хозяйства и законодательного оформления в России крепостного права. Большое внимание в работе уделяется освещению классовой борьбы в деревне на всех этапах развития феодальных отношений.

Используя при написании работы как архивные материалы, так и монографические труды, автор сумел изложить материал живо и интересно. Книга рассчитана на широкие круги читателей, интересующихся историей нашей Родины, и может служить учебным пособием для студентов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Б. Д. Греков как историк русского крестьянства

В области изучения истории крестьянства русская историческая наука имеет более чем двухвековую традицию.

Начиная от В. Н. Татищева, который по праву может считаться первым историком русского крестьянства, и кончая трудами современных исследователей, в том числе Б. Д. Грекова, история крестьян в России являлась на всем протяжении развития русской исторической мысли одной из центральных проблем русской историографии, привлекая внимание и служа предметом исследования наиболее выдающихся русских историков XVIII, XIX и XX вв.

Такой интерес к истории русского крестьянства объясняется огромным значением крестьянского вопроса в политическом развитии России XVIII—XX вв. Но именно эта политическая актуальность крестьянского вопроса в России придавала особенно тенденциозный характер концепциям дворянско-буржуазных историков русского крестьянства, стремившихся путем обращения к прошлому крестьянства обосновать свои позиции в политической борьбе вокруг крестьянского вопроса.

Советская историческая наука получила от старых, дореволюционных историков огромное наследство в виде литературы по истории крестьян в России. Бесспорна научная ценность этого наследства. Наиболее ярким показателем достижения дворянско-буржуазной историографии в изучении истории русского крестьянства могут служить работы М. А. Дьяконова, образцовые по

тщательности анализа источников, полноте их охвата, по свежести и новизне документального материала, положенного в основу исследования. С другой стороны, дворянско-буржуазная историография имела в своем активе и ряд теоретических построений по истории крепостного права в России, в том числе блестящую концепцию В. О. Ключевского, поражающую своей логической стройностью и смелостью постановки вопроса.

Но вместе с тем бесспорно и другое: дворянско-буржуазная историография оказалась неспособной создать подлинно научную историю русского крестьянства. Своеобразным итогом развития дворянско-буржуазной историографии явился глубокий кризис, в состоянии которого она находилась накануне Великой Октябрьской социалистической революции. В борьбе двух основных концепций в вопросе о крепостном праве в России — «указного» и «безуказного» закрепощения крестьян — вышла победительницей «безуказная» теория происхождения крепостного права в России Ключевского — Дьяконова, созданная наиболее выдающимися исследователями истории русского крестьянства и завоевавшая себе «всеобщее» признание. Вместе с тем эта теория стала все отчетливее обнаруживать свои слабые стороны и уязвимые места: недооценку роли государства как активного фактора в развитии крепостного права, эволюционизм, схематизм и т. д.

Развитию кризиса способствовал ряд открытий документального характера, наиболее крупным из которых были документы о «заповедных годах», опубликованные Д. Я. Самохваловым в 1909 г. во II томе его «Архивного материала». Логически стройная и совершенная концепция «безуказного» закрепощения крестьян оказалась совершенно несостоятельной перед лицом документов о «заповедных годах». Между тем проблема «заповедных лет» быстро выдвинулась на первое место среди актуальных вопросов истории крепостного права в России. Исследование проблемы «заповедных лет» сделало очевидной необходимость коренного пересмотра теории «безуказного» закрепощения крестьян. Нагляднее всего это назревание неизбежности ревизии в вопросе о происхождении крепостного права в России можно проследить на примере М. А. Дьяконова, тщетно и безуспешно пытавшегося в ряде своих статей, посвященных «запо-

ведным летам», примирить новые открытия со старой теорией¹.

Такой итог развития дворянско-буржуазной историографии по крестьянскому вопросу в России явился вполне закономерным следствием неудовлетворительности исходных теоретических, принципиальных предпосылок в работах дворянских и буржуазных историков. История общественных классов, в том числе и история крестьянства, могла быть построена лишь на базе подлинно научной теории общества, которую дал в руки исследователям только марксизм.

Б. Д. Греков начал свою научную деятельность как историк в последнее десятилетие перед Великой Октябрьской социалистической революцией. Революция застала его уже сложившимся ученым, дипломированным профессором-историком, автором капитального исследования о вотчине Новгородского архиепископа — Новгородском Софийском доме.

Первый период научной биографии Б. Д. Грекова неразрывно связан с исследованиями истории землевладения и хозяйства Софийского дома. Этой теме посвящены обе диссертации Б. Д. Грекова: магистерская — «Новгородский дом св. Софии», вышедшая в свет в 1914 г., и докторская, частично опубликованная в 20-х годах под названием «Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома», частью оставшаяся в рукописи. Характерной чертой этих исследований Б. Д. Грекова является стремление искать в монографическом изучении конкретных явлений социально-экономической истории России XV—XVII вв. материал для разрешения общих вопросов экономической и со-

¹ См. статьи М. А. Дьяконова: «Заповедные лета» и «Старина» «Сборник статей по истории русского права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову», Киев 1904.—«Выходные и заповедные лета». «Известия Петроградского политехнического института», т. XXIII, 1915.—«Поместье и крестьянская крепость». Оттиск из не вышедшего в свет «Сборника, посвященного А. С. Постникову».

Не менее показательными для характеристики кризиса буржуазной историографии предреволюционных лет являются работы П. И. Беляева, пытавшегося искать новые пути для разрешения вопроса о возникновении крепостного права, сосредоточивая свое внимание на анализе строя отношений внутрифеодальной вотчины удельных времен (П. И. Беляев, Древне-русская сеньория и крестьянское закрепощение. «Журнал Министерства юстиции», 1916, октябрь и ноябрь).

циальной истории эпохи. Изучение новгородской экономики XV—XVII вв. вплотную подводит Б. Д. Грекова к центральной проблеме социальной истории древней Руси — к проблеме крепостного права, составившей главный предмет исследований Б. Д. Грекова в 20-х годах.

В развитии советской историографии о крестьянстве 20-е годы занимают весьма своеобразное место.

Первые годы после Октябрьской революции не внесли существенных изменений в состояние вопроса по изучению истории русского крестьянства.

В обстановке гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда решался вопрос о самом существовании молодой Советской республики, было не до разработки таких сравнительно далеких от актуальности проблем, как история крепостного права в России. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы не имеем за это время новых, марксистских работ, посвященных истории крепостного права в России. Но и представители старой, буржуазной науки до начала 20-х годов почти ничего не дали по вопросам истории русского крестьянства, если не считать посвященных крестьянам нескольких страниц в книге А. Е. Преснякова «Московское царство» (1918).

Возрождение интереса к истории русского крестьянства падает на 1921—1922 годы. В 1922 г. почти одновременно два видных представителя исторической науки того времени, А. Е. Пресняков и С. Ф. Платонов, опубликовали программные статьи, посвященные «судьбам крестьянства в русской историографии» (А. Е. Пресняков)¹ и вопросу «о времени и мерах прикрепления крестьян» (С. Ф. Платонов)². И Пресняков и Платонов, давая обзор того, что сделано в области изучения истории русского крестьянства, выдвигают в качестве одной из важнейших задач исследование проблемы «заповедных лет». Годом раньше, в 1921 г., С. Ф. Платонов в своей книге «Борис Годунов» сделал попытку дать новое решение проблемы «происхождения крепостного права в России», причем, отказываясь от ключевско-дьяконовской теории «безуказного» закрепощения кре-

¹ А. Е. Пресняков, Судьбы крестьян в России и задачи их изучения. «Архив истории труда в России», кн. 1, 1922.

² С. Ф. Платонов, О времени и мерах прикрепления крестьян. «Архив истории труда в России», кн. 3, 1922.

стьян, с которой солидаризировался в своих прежних работах, С. Ф. Платонов выдвигает тезис, что крепостное право было оформлено законодательным путем особым «уложением» Ивана IV, содержание которого, по мнению С. Ф. Платонова, состояло в установлении «заповедных лет»¹.

Взгляды С. Ф. Платонова оказали очень сильное влияние на историков, работавших в 20-х годах над историей русского крестьянства. Можно сказать, что течение всех 20-х годов разработка истории русского крестьянства проходит под знаком «заповедных лет». Одна за другой появляются работы В. Г. Геймана, И. М. Кулишера, С. И. Тхоржевского, И. И. Полосина, С. Б. Веселовского, в которых проблема «заповедных лет» подвергается оживленному обсуждению и исследованию².

С большим блеском принимает участие в исследовании проблемы «заповедных лет» и Б. Д. Греков³. Проблема «заповедных лет» надолго становится одной из его любимых тем. Интенсивно изучается Б. Д. Грековым в 20-х годах экономика России XVI в. как феодальной вотчины⁴, так и поместья⁵. Наконец, к концу 20-х годов относится и первый опыт создания Б. Д. Грековым общего построения истории русского крестьянства — в опубликованной в 1930 г. статье «Происхождение крепостного права в России»⁶.

¹ С. Ф. Платонов, Борис Годунов, Пгр. 1921.

² В. Г. Гейман, Новое освещение вопроса о прикреплении крестьян. «Русский исторический журнал», 1922, № 8.— И. М. Кулишер, Несвободное состояние крестьян в XVI—XVII вв. Сб. «Труд в России», кн. 1, 1924.— С. И. Тхоржевский, Поместье и крестьянская крепость. Сб. «Труд в России», кн. 1, 1924.— И. И. Полосин, Поместье и крестьянская крепость. «Ученые записки Института Истории РАНИОН», т. IV, 1928.— С. Б. Веселовский, Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня). «Ученые записки Института Истории РАНИОН», т. V, 1929.

³ Б. Д. Греков, Юрьев день и заповедные годы. «Известия Академии Наук СССР», 1926, № 1—2.

⁴ Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома, «Летопись занятий Археографической комиссии» (далее — ЛЗАК), вып. 33, Л. 1926 и вып. 34, Л. 1927.

⁵ Б. Д. Греков, Хозяйство новгородских помещиков XV—XVII вв. «Ученые записки Института Истории РАНИОН», т. VI, 1929.

⁶ Б. Д. Греков, Происхождение крепостного права в России. Сб. «Крепостная Россия», Л. 1930.

Наиболее существенной чертой Б. Д. Грекова как историка в этот период является стремление объяснить установление крепостного права в России в конце XVI в. переменами в экономике Руси XV—XVI вв. и вызванным этими экономическими моментами стремлением помещика закрепить за собой крестьянина как рабочую силу. Именно эта черта исследований Б. Д. Грекова 20-х годов дала основание А. Е. Преснякову в одной из статей, посвященных проблемам развития крепостного права в России, охарактеризовать «Очерки по истории Новгородского Софийского дома» Б. Д. Грекова как труд, открывающий новые пути в исследовании истории крепостного права в России¹. Однако в целом для историографии 20-х годов о крестьянстве характерным является то, что при всем различии общеисторических взглядов, разнообразии точек зрения в вопросе о «заповедных годах» исследователи истории крестьянства, по существу, оставались на старых, буржуазных позициях. История русского крестьянства все еще отождествлялась с историей крепостного права и исследовалась главным образом в плане историко-юридическом². Новой, марксистской постановки вопроса еще не было.

Начало 30-х годов открывает новый этап в советской историографии о крестьянстве. Его можно охарактери-

¹ А. Е. Пресняков, Вотчинный режим и крестьянская крепость. «Летопись занятий Постоянной историко-археологической комиссии», вып. I (34), Л. 1927.

² Особое место среди работ 20-х годов, посвященных истории крепостного права в России, занимает исследование С. Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима». В этом исследовании С. Б. Веселовский выдвинул оригинальную концепцию происхождения крепостного права, как права, уходящего своими корнями в вотчинный режим удельных времен, основу которого, в свою очередь, составляли иммунитетные привилегии землевладельцев (С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, М. 1926).

Несмотря на целый ряд весьма ценных и важных наблюдений и выводов по отдельным вопросам, концепция С. Б. Веселовского в целом не получила признания, причем критика, в лице А. Е. Преснякова, справедливо отметила главный недостаток построения С. Б. Веселовского, состоящий в формально-юридическом подходе к проблеме крепостного права, исследование которого сознательно ведется С. Б. Веселовским в отрыве от процессов социально-экономической истории (А. Е. Пресняков, Вотчинный режим и крестьянская крепость. «Летопись занятий Постоянной историко-археологической комиссии», вып. I (34), Л. 1927, стр. 186).

зовать как переход историографии на новые, марксистско-ленинские позиции.

Первые шаги этого перехода были еще очень робкими, неуверенными и содержали немало ошибок. Особенностью этого этапа в развитии советской историографии являлось чрезмерное увлечение абстрактно-социологической постановкой вопроса, переходящей нередко в схоластику. Вместо конкретно-исторического исследования социально-экономических отношений древней Руси историки упражнялись в длинных и весьма малопродуктивных дискуссиях на тему об общественно-экономических формациях.

Такое положение на фронте исторической науки в начале 30-х годов явилось результатом господства в значительной части руководящих исторических учреждений так называемой «исторической школы Покровского» с ее социологическими воззрениями и концепциями. Однако несмотря на господство «школы Покровского» и вопреки этой «школе», советская историческая наука, руководимая Коммунистической партией, продолжала расти и развиваться по пути овладения марксистско-ленинской теорией, по пути превращения в марксистскую историческую науку.

Марксистское учение о феодализме ознаменовало коренной переворот в исследовании истории крестьянства. Крепостное право — основная форма зависимости непосредственного производителя феодального общества, крестьянина. Без крепостного крестьянина нет феодализма. Эти общие положения марксизма о феодальном обществе необходимо было применить к изучению русской истории, к истории крестьянства в России.

При такой, марксистской, постановке проблемы первое, что подлежало исследованию, — это вопрос о генезисе русского феодализма, о возникновении крепостного права в России.

В вопросе о возникновении крепостного права в России дворянско-буржуазная историография занимала вполне определенную и в основе единую, несмотря на расхождения в отдельных частных вопросах, позицию. Суть этой позиции заключалась в том, что дворянские и буржуазные историки относили возникновение крепостного права в России к XVI в., считая первыми при-

знаками зарождения этого права судебники 1497 и 1550 годов с их правилами о Юрьевом дне. Таким образом, до XV—XVI вв. русский крестьянин оказывался незакрепощенным, свободным. Этот тезис о «свободе» русского крестьянина до XVI в. был общим местом в дворянско-буржуазной историографии, и в этом дворянские и буржуазные историки видели одно из проявлений национальной «самобытности» России, одну из особенностей русского исторического процесса по сравнению с Западной Европой.

Марксистско-ленинская историческая наука доказала неправильность такой трактовки вопроса о генезисе крепостного права в России. Она рассматривает вопрос о происхождении крепостного права как составную часть более общего вопроса, вопроса о происхождении феодального общества и государства. Но отсюда следует, что истоки крепостного права в России надо было искать не в эпоху Русского государства XV—XVI вв.— в эпоху судебныхников, а гораздо раньше — в эпоху Киевского государства, во времена «Русской Правды».

Такова была та новая постановка вопроса о происхождении крепостного права в России, которая вытекала из основ учения марксизма о феодальном обществе. Именно так ставила вопрос марксистско-ленинская наука, причем — что было особенно замечательно и важно — ставила этот вопрос не только абстрактно-теоретически, но и конкретно-исторически, применительно к русской истории. В работах В. И. Ленина советские историки нашли замечательные мысли о том, что крепостничество в России существует с IX в., что крестьянина стали закрепощать еще во времена «Русской Правды». Эти ленинские мысли легли в основу исследований советских историков о крепостном праве и явились как бы маяком, освещающим путь, по которому двинулись в своих работах по истории русского крестьянства советские историки-марксисты.

Внимание советских историков — исследователей истории русского крестьянства — сосредоточилось в 30-х годах вокруг двух основных проблем. Первой из этих проблем была проблема общественного строя Киевской Руси. Без разрешения вопроса о природе общественного строя Киевской Руси нельзя было решить вопроса о генезисе крепостного права в России. Вторым вопросом,

подвергнутым пересмотру советскими исследователями, был вопрос о том, какое значение имела в истории развития крепостного права в России эпоха XV—XVI вв., т. е. эпоха, которой дворянско-буржуазная историография датировала самое возникновение крепостного права.

Исследование этих проблем составляет основное содержание научного творчества Б. Д. Грекова в 30-х и последующих годах. Его исследования по истории Киевской Руси открывает доклад «Рабство и феодализм в Киевской Руси», сделанный им в Государственной академии истории материальной культуры в 1932 г. В этом докладе Б. Д. Греков сформулировал свой взгляд на общественный строй Киевской Руси как строй феодальный, дав вместе с тем характеристику форм феодальной зависимости крестьянства, присущих Киевской Руси¹.

Предложенное Б. Д. Грековым решение вопроса о природе общественного строя Киевской Руси вызвало оживленную дискуссию, продолжавшуюся на протяжении всех 30-х годов. В этой дискуссии наиболее острым вопросом являлся вопрос о роли рабства в общественном строе Киевской Руси. Концепции Б. Д. Грекова о феодализме как основе общественного строя Киевской Руси его оппоненты пытались противопоставить концепцию о наличии рабовладельчества в Киевском государстве. Эта точка зрения, однако, очень скоро выявила свою несостоятельность, и в итоговом докладе на тему «Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим?», сделанном в 1939 г.², Б. Д. Греков мог с удовлетворением констатировать, что основные положения его воззрений на общественный строй Киевской Руси остались непоколебленными и получили общее признание³.

¹ Б. Д. Греков, Рабство и феодализм в древней Руси. «Известия Государственной Академии истории материальной культуры» (далее — «Известия ГАИМК»), 1934, вып. 86. В переработанном виде этот доклад лег в основу книги Б. Д. Грекова «Феодальные отношения в Киевском государстве», М.—Л. 1935.

² Б. Д. Греков, Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? «Историк-марксист», 1939, № 4.

³ Итогом исследований Б. Д. Грекова по истории Киевской Руси явилась его книга «Киевская Русь», получившая широкое признание в СССР и за рубежом.

Разрешение проблемы общественного строя Киевской Руси означало вместе с тем и решение вопроса о возникновении крепостного права, ибо именно Киевская Русь — эпоха, начинающая собой многовековой процесс закрепощения крестьянства, и киевский смерд — это первый крепостной.

Опираясь на ленинские высказывания о Киевской Руси, Б. Д. Греков доказал, что корни крепостничества надо искать именно в Киевской Руси, когда слагаются основы феодального строя. Блестящий анализ «Русской Правды» и договоров Руси с Византией дал возможность Б. Д. Грекову обосновать свою схему возникновения крепостного права в России.

Характерной особенностью построения Б. Д. Грекова по вопросу о происхождении крепостного права является то, что крепостное право, т. е. формы зависимости непосредственных производителей — крестьян, рассматривается Б. Д. Грековым как закономерный продукт общественного развития, расколовшего общество славян на классы и превратившего прежнего свободного общинника в зависимого крепостного. Из такой постановки вопроса о генезисе крепостного права вытекала огромная важность выяснения основ экономики древней Руси. Отсюда исключительное внимание, уделяемое Б. Д. Грековым таким вопросам, как вопрос о роли земледелия в древней Руси и вопрос о формировании крупного феодального землевладения. Без господства земледелия не было бы и крупной земельной собственности, а эта последняя невозможна иначе, как на базе эксплуатации труда зависимого производителя. Так можно охарактеризовать связи и взаимную обусловленность этих трех основных звеньев концепции Б. Д. Грекова о возникновении крепостного права в России.

Исследования Б. Д. Грекова по истории Киевской Руси заложили прочную основу для изучения древнейшего периода истории русского крестьянства и вместе с тем для исследования дальнейших этапов истории крестьян в России до конца XVI в.

Б. Д. Греков напряженно работает над этой проблемой на протяжении 30—40-х годов. Его исследования по истории крестьянства феодальной Руси открывают «Очерки по истории феодализма в России», вышедшие в

свет в 1934 г.¹ В этой работе Б. Д. Греков попытался построить историю русского крестьянства со времен Киевской Руси до конца XVI в. Ведя борьбу с буржуазной теорией «свободы» русского крестьянства до конца XVI в. и доказывая, что крестьяне были закрепощены уже в Киевской Руси, Б. Д. Греков построил свою теорию как прямую антитезу традиционной дворянско-буржуазной схемы развития крепостного права в России. «Перед нашим временем,— писал Б. Д. Греков во введении к «Очеркам»,— поставлена задача на место старой рухнувшей схемы истории России... создать новую схему»². В противопоставлении Б. Д. Грековым своих взглядов старым, буржуазным нашло свое выражение его стремление создать новую, марксистскую концепцию истории крепостного права в России. В этом было, бесспорно, положительное значение развитой Б. Д. Грековым теории. Однако в позитивной части концепция Б. Д. Грекова не во всем полно решала вопрос. Требовалась, как это подчеркнул позднее и сам Б. Д. Греков в специальном примечании к книге «Феодальные отношения в Киевском государстве», дальнейшая упорная работа над выяснением основных этапов в истории крепостного права, особенно над изучением форм крепостной зависимости крестьян наименее изученных эпох в истории Руси.

Отражением этой работы Б. Д. Грекова над историей русского крестьянства является его книга «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России»³. В этой работе, рассчитанной на широкого читателя, Б. Д. Греков, подводя итог того, что сделано по истории русского крестьянства, намечает направление, в каком должно идти исследование проблемы истории крепостного права в России. Наконец, к середине 40-х годов Б. Д. Греков смог подвести итоги своих тридцатипятилетних исследований по истории русского крестьянства в виде книги «Крестьяне на Руси с древнейших времен

¹ Б. Д. Греков, Очерки истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне. «Известия ГАИМК», 1934, вып. 72.

² «Известия ГАИМК», 1934, вып. 72, стр. 25.

³ Б. Д. Греков, Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, М.—Л. 1940.

до середины XVII в.», впервые опубликованной в 1946 г. и переизданной в 1952—1954 гг.¹

В «Крестьянах на Руси» Б. Д. Греков дает нам более полное и вместе с тем наиболее зрелое изложение истории русского крестьянства. Свое исследование истории крестьян на Руси Б. Д. Греков ведет с новых, марксистских позиций, выступая как выдающийся историк-марксист, и развитая им концепция представляет собой марксистскую историю русского крестьянства.

Положив в основу своей концепции истории русского крестьянства марксистское учение о феодальном обществе и его классах, Б. Д. Греков поставил своей целью изучить крестьянство как один из классов феодального общества, показать «место крестьянства в производстве в различные периоды в истории русского общества в целом, начиная с того времени, когда крестьянин в значительной своей части был свободным членом сельской общины, и кончая временем его окончательного закрепощения»². В соответствии с этим в основу периодизации истории русского крестьянства Б. Д. Грековым положена «смена форм эксплуатации зависимого крестьянства, в свою очередь обусловленная развитием экономической и политической жизни страны»³.

В большой эпохе, охватывающей историю русского крестьянства с древнейших времен до XVII в., Б. Д. Греков намечает четыре периода. Первый из этих периодов — время до формирования феодального строя — Б. Д. Греков называет периодом первобытно-общинного земледелия. В общем построении Б. Д. Грекова древнейший период в истории русского крестьянства играет очень важную роль. Из этого древнейшего периода ведет свое начало важнейшая социальная категория древней Руси, родоначальник русского крестьянина — смерд. Рассматривая общественные отношения периода первобытно-общинного земледелия, Б. Д. Греков приходит к выводу, что в этот период именно смерды составляли основную массу сельского населения, которая и после

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века (далее — «Крестьяне на Руси»), М., кн. I, 1952 кн. II, 1954.

² Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 4.

³ Там же, стр. 11.

образования классов «по-прежнему продолжала носить название смердов», тогда как для обозначения выделенной из общины знати появились новые термины: боярин, княж муж, гость и др.¹

Решая так проблему генезиса смерда-крестьянина, Б. Д. Греков не только получает исходный момент для изучения истории крестьян, но и определяет дальнейшее направление этой истории. В такой постановке вопроса центральной проблемой истории крестьян на Руси становится история смердов и их судеб в эпоху классового, феодального общества. Все же другие категории зависимого населения оказываются производными от смердов, иными словами, смердами, попавшими в ту или иную форму феодальной зависимости (за исключением форм зависимости, уходящих своими корнями в рабство). Так, уже в характеристике исходного момента в истории русского крестьянства, даваемой Б. Д. Грековым, намечается генеральная линия развития истории крестьян на Руси.

С появлением классов и образованием государства начинается второй период в истории крестьян на Руси. Основное содержание второго периода в истории русского крестьянства, намечаемого Б. Д. Грековым, составляет процесс образования крупной земельной собственности, процесс возникновения феодальной вотчины.

В процессе образования крупной земельной собственности на Руси находил свое выражение «процесс разложения родовых отношений и образования классового общества в земледельческой среде»². Поэтому оборотной стороной процесса образования крупной земельной собственности являлось превращения свободных земледельцев-общинников в класс зависимых от крупных землевладельцев крестьян.

Б. Д. Греков называет второй период в истории русского крестьянства (в основном совпадающий с временем Киевской Руси) «периодом господства примитивной отработочной ренты». Основной особенностью организации феодальной вотчины этого периода являлось преобладание отработочной ренты, барщины как главной формы эксплуатации *челяди* — термин, которым древ-

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 19.

² Там же, стр. 94.

нейшая «Русская Правда» обозначает совокупность работающего на вотчинника населения¹.

Однако в процессе дальнейшей феодализации древней Руси старая форма организации феодальной вотчины, основанная на труде челяди, не могла уже удовлетворить растущие аппетиты феодалов. В эпоху раннего феодализма у феодала «еще не было средств и побуждений для расширения и интенсификации своего барского хозяйства, обслуживаемого челядью»². Поэтому единственно возможным путем увеличения количества прибавочного продукта, извлекаемого феодалом из эксплуатируемых им непосредственных производителей, было «экстенсивное расширение земельных владений» путем захвата общинных земель и подчинения власти землевладельца сидевших на этих землях и обрабатывавших их смердов. Вместе с тем, несмотря на попытки феодалов трактовать попавших под их власть смердов как челядь, феодал фактически не мог превратить всех подвластных ему смердов в челядь, т. е. согнать смердов с их земли, переселить насильственно в барский двор и превратить землю смердов в барскую пашню. Этот путь расширения собственного хозяйства феодала исключался всем характером эпохи. Поэтому для феодала оставался один-единственный путь — обложить смердов, попавших под его власть, повинностями в натуральной форме — в виде определенного количества продуктов, которые должны были давать ему смерды.

Но вступление феодалов на путь эксплуатации смердов в форме ренты продуктами предreshало судьбу челяди. По мере роста количества смердов, обложенных оброком в пользу феодала, значение собственного барского хозяйства, обрабатываемого трудом челяди, уменьшалось. Челядь из основной рабочей силы вотчины стала превращаться в непроизводительный элемент, обслуживающий личные потребности феодала.

Основой экономики феодальной вотчины становился труд смерда.

Развитие этих новых форм эксплуатации и победа их над старыми методами эксплуатации труда зависимого крестьянина составляют содержание третьего пе-

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 126.

² Там же, стр. 4.

риода в истории крестьян на Руси, хронологически охватывающего промежуток времени между эпохой «Русской Правды» и эпохой судебныхников XV—XVI вв.

В общем построении Б. Д. Грекова третий период в истории русского крестьянства занимает совершенно особое место. Основная задача, стоящая перед исследователями этого периода, заключается в том, чтобы «найти ответ на вопрос, что несли крестьянству XIII и XIV века». Иными словами, исследователь третьего периода в истории крестьян на Руси должен восстановить то звено в истории русского крестьянства, которое заполнило бы разрыв в исторической цепи развития русского крестьянства между эпохой «Русской Правды» и эпохой судебныхников XV—XVI вв. Чтобы правильно оценить все значение этой задачи, следует сказать, что для дворянско-буржуазной историографии вопрос об эволюции форм феодально-крепостнической зависимости крестьянства от «Русской Правды» к судебникам вообще не стоял, и, как подчеркивает Б. Д. Греков, дворянско-буржуазные историки «начинали изучать историю крестьянства едва ли не с XVI в. в уверенности, что до этого времени все крестьяне свободны и их судьба не имеет для исследователя интереса»¹.

Новый, принципиально иной подход к истории крестьян на Руси, при котором история русского крестьянства рассматривается как единый по своим историческим корням и характеру развития процесс, открывает совершенно другие перспективы для разрешения проблемы: «что несли крестьянину XIII и XIV века?» «Мы более или менее точно знаем,— писал Б. Д. Греков,— состояние вотчинного хозяйства эпохи «Русской Правды», основанное преимущественно на эксплуатации зависимых людей в форме отработочной докапиталистической ренты, и совсем хорошо знаем боярское или церковное хозяйство середины XV в. с совершенно ясно обрисованной системой эксплуатации зависимого крестьянства в форме оброка.

Подобно тому, как в геометрии две точки определяют направление прямой, два известные нам момента в истории вотчины определяют путь ее эволюции»².

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 14.

² Там же, стр. 124. (Курсив мой.—И. С.)

В такой постановке вопроса задача исследователя истории крестьян на Руси в XIII—XIV вв. заключается в том, чтобы установить момент перехода от одного типа организации вотчинного хозяйства к другому и тем самым определить время и пути превращения смерда-барщинника эпохи «Русской Правды» в крестьянина-оброчника времен судебныхников.

Б. Д. Греков блестяще разрешил эту задачу, используя в качестве материала для решения вопроса о том, «что несли крестьянству XIII и XIV века», историю крестьян Галицко-Волынской Руси, где наиболее полно по сравнению с другими частями древней Руси можно исследовать этот наиболее темный период в истории русского крестьянства. Именно история крестьян Галицко-Волынской Руси и дала возможность Б. Д. Грекову путем анализа Вислицкого статута 1347 г. установить момент ломки норм «Русской Правды», определявших формы зависимости смерда, и замены их новыми нормами, провозглашенными Вислицким статутом.

Установление этого факта является крупнейшей научной заслугой Б. Д. Грекова. Оно означало ликвидацию разрыва в истории крестьян между Киевским периодом и XV в., реальное доказательство единства и неразрывности истории крестьян на Руси с древнейших времен до XVII в.

Последнее звено в концепции истории русского крестьянства Б. Д. Грекова составляет четвертый период в истории крестьян на Руси, охватывающий время с середины XV до середины XVII в.

Этот новый период в истории русского крестьянства возникает как закономерный результат коренного изменения форм эксплуатации зависимого крестьянства в связи с глубокими сдвигами в экономической и политической жизни Европы и Русского государства в XV—XVI вв.

В виде общей формулы Б. Д. Греков определяет существо этого периода следующим образом: «...рыцарь стал превращаться в хозяина. На крестьянина легла барщина и появилось крепостное право в самом ярком его проявлении (Leibeigenschaft)»¹.

В отличие от предшествовавших периодов истории

¹ Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси*, кн. I, стр. 6.

русского крестьянства общий характер данного периода не вызывал разногласий. То, что в XVI в. существовало крепостное право, признавал еще Татищев. Больше того, вся дворянско-буржуазная историография (за немногими исключениями) видела в XVI в. грань, разделяющую крестьянскую свободу и крепостное право. Но если самый факт существования «крепостного права» в XVI в. был очевиден для всех исследователей истории русского крестьянства, то этим и исчерпывалось то общепризнанное, что имелось в дворянско-буржуазной исторической литературе относительно рассматриваемой эпохи. Все остальное — и в том числе коренной вопрос о том, как возникло это крепостное право и какими причинами оно было вызвано, — являлось предметом многочисленных, иногда весьма тонких и остроумных, но тем не менее совершенно неудовлетворительных теорий, самое обилие которых свидетельствовало о неспособности их авторов найти верное решение вопроса.

Нам сейчас нет даже нужды доказывать, насколько неудовлетворительны были обе основные теории «происхождения крепостного права», созданные дворянско-буржуазной историографией: «указная» теория с ее закрепощением крестьянина государством в процессе общего «закрепощения сословий» государством для нужд «обороны» и «безуказная» теория, отрицавшая какое бы то ни было участие государства и выводившая крепостное право из «задолженности» крестьянина землевладельцу. Несмотря на внешнюю противоположность этих теорий, их роднило то, что обе они исходили из представления о «свободе» крестьянина до XVI в. и не могли поэтому рассматривать новые методы эксплуатации крестьян и новые формы зависимости крестьянина от феодала как закономерный результат предшествующего развития. Обе названные теории роднит и взгляд на государство как на надклассовую и внеклассовую силу, с той лишь разницей, что сторонники «указной» теории рассматривали государство как силу активную, но независимую от классов и их интересов, а сторонники «безуказной» теории изображали государство как нечто пассивное и не вмешивающееся в отношения между классами.

Для Б. Д. Грекова, как и для всякого исследователя-марксиста, самый подход к проблеме «крепостного права

XVI в.» должен был быть принципиально иным. Раз «крепостное право XVI в.» есть лишь новый этап в развитии форм зависимости феодального крестьянина, то, очевидно, задача исследователя должна заключаться в том, чтобы выяснить, почему возникло это право, какими причинами оно было вызвано и в чьих интересах было введено это право.

Исходным моментом анализа Б. Д. Грекова является общая оценка им периода XV—XVI вв. как времени «крупнейших перемен в жизни всей Европы», вызванных развитием рыночных отношений и прежде всего — ростом внутреннего рынка. Но, будучи явлением обще-европейским, эти перемены по своему характеру существенным образом отличались в различных странах Европы. Если такие страны, как Англия, Нидерланды, Италия, Кастилия, Португалия и в значительной степени Франция, переживали в это время «переходный период от средневековья к новому времени», «от феодализма к капитализму» и соответственным образом «перестраивали всю свою хозяйственную систему», то другие европейские страны, лежащие на восток от реки Эльбы: Австрия, Венгрия, Восточная Пруссия, Польша, Литва, Ливония, Русь, «еще долго оставались феодальными и вынуждены были приспособлять новые требования жизни к феодальным общественным отношениям»¹.

Эти различия в уровне и характере общественного развития европейских стран к западу и востоку от Эльбы определили собой и судьбы крестьянства в этих странах. Если для первой из названных групп европейских государств «сравнительно рано труд крепостного крестьянина делается анахронизмом», то своеобразие общественного развития стран, расположенных на восток от Эльбы — рост внутреннего рынка в обстановке господства феодального режима, — привело к «новому нажиму на крестьянина» со стороны феодала и к дальнейшему его закреплению, принявшему такие формы, при которых крепостной крестьянин оказался низведенным «до состояния, очень близкого к рабскому»².

Такова общая концепция четвертого периода в исто-

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. II, стр. 5.

² Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 367.

рии русского крестьянства, предложенная Б. Д. Грековым.

С этих позиций Б. Д. Греков подвергает рассмотрению весь комплекс вопросов по истории крестьян на Руси в XV—XVI вв.

Новые формы крепостного права (*Leibeigenschaft*), возникшие в XVI в., неразрывно связаны с барщиной. Б. Д. Греков выдвигает исключительной важности тезис: «...не крепостничество привело к барщине, а барщина вызвала крепостничество»¹.

Принципиальное значение этой формулы состоит в том, что она вскрывает экономические корни новых правовых норм, которыми стало определяться положение крестьянина. Вместе с тем формула о барщине и крепостничестве представляет собой конкретное выражение общего положения о том, что новые формы зависимости крестьян от феодалов были вызваны изменившимися экономическими условиями.

В условиях растущей роли рынка и денег старая форма организации вотчинного хозяйства оказывается уже не в состоянии обеспечить потребности феодалов. «Их перестает удовлетворять доставляемый с поместий и вотчин натуральный, издавна определенный оброк. Они стремятся увеличить доходность своих имений, чтобы получить возможность жить так, как требовали новые условия. Уровень этих требований все поднимался. Деньги стали необходимостью, их нужно было гораздо больше, чем землевладелец обычно получал от своего поместья или вотчины»². Но разрешение этой основной проблемы — увеличение доходности феодальных имений — было возможно для феодалов-землевладельцев лишь «феодальными средствами», т. е. на базе труда все того же феодально зависимого крестьянина.

Эта проблема была разрешена землевладельцами путем «создания крупных барских хозяйств, обслуживаемых барщинным трудом зависимого крестьянства». Б. Д. Греков подчеркивал, что барщина представляла собой в обстановке господства феодального режима «единственное, самое простое, доступное средство, при помощи которого при господстве феодализма можно

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 404

² Там же, стр. 6.

было наладить новую систему хозяйства»¹. Но если для феодалов барщина создавала возможность извлечения из крестьянина новых, добавочных количеств прибавочного труда, то «для зависимой крестьянской массы» барщина была «тяжелым нововведением». Это определило позиции феодалов и крестьян в отношении к барщине. На введение феодалами барщины крестьянство ответило усиленными побегами.

Так, перед феодалами во весь рост встала проблема рабочих рук, проблема привлечения и удержания на своих землях крестьянина. «Землевладельцы в погоне за необходимыми им рабочими руками изошряются в способах сманивания к себе чужих крестьян, делают крестьянина «биржевой ценностью», стремятся приобрести рабочие руки и другими путями. Замаскированный и совершенно открытый наем играет здесь далеко не маловажную роль». Но все перечисленные способы не могли разрешить проблемы рабочей силы феодального имения. «Принудительный труд крепостных крестьян — вот идеал, лелеемый прежде всего основной массой землевладельцев средней руки (т. е. помещиков.— *И. С.*), из которых составлялась московская великокняжеская, а потом и царская армия»².

В этой борьбе землевладельцев «за рабочие руки» позиция государственной власти предопределилась ее природой: «Будучи по своей социальной природе помещицей, власть не могла не поддерживать интересы помещиков. Она и поддержала их»³.

Поддержка государственной властью интересов землевладельцев-феодалов нашла свое выражение в законодательстве по крестьянскому вопросу, законодательстве, содержанием которого являлись уничтожение важнейшего из сохранившихся у крестьянина прав — «права выхода» — и закрепление личности крестьянина за землевладельцем. В своей совокупности это законодательство и создало те нормы, которые составили «крепостное право» в тесном смысле этого термина, т. е. самую тяжелую форму зависимости крестьянина от господина, приближающуюся к состоянию рабства

¹ *Б. Д. Греков*, *Крестьяне на Руси*, кн. 1, стр. 7—8

² Там же, стр. 8.

³ Там же

Такова в самых общих чертах концепция истории русского крестьянства, развитая Б. Д. Грековым в «Крестьянах на Руси».

Наиболее существенной ее чертой является последовательно проводимый Б. Д. Грековым взгляд на историю крестьян на Руси как на единый и закономерный процесс, неразрывно связанный с общим ходом исторического развития Русского государства и обусловленный развитием экономики феодальной Руси. Именно такой взгляд на историю русского крестьянства дал возможность Б. Д. Грекову раскрыть исторические корни крепостного права, проследить развитие форм крепостной зависимости крестьянства от самых истоков крепостничества во времена «Русской Правды» до окончательного оформления крепостного права в XVI—XVII вв.

Концепция истории русского крестьянства Б. Д. Грекова, созданная им на основе исследования огромного материала источников и подведшая итоги исследований как самого Б. Д. Грекова, так и других советских историков, заложила прочные основы марксистской истории русского крестьянства.

Этим определяется место и значение Б. Д. Грекова как историка русского крестьянства.

И. Смирнов

ВВЕДЕНИЕ

Крестьянству в исторических судьбах нашей страны принадлежит весьма важная роль. Являясь самой многочисленной частью населения феодальной России, крестьянство на протяжении очень длительного времени было основным производителем материальных благ. Русский крестьянин со своим топором и сохой привел в культурное состояние необозримые пространства восточноевропейской равнины и сумел перенести свои трудовые навыки за Урал, в далекую Азию. Крестьянин с оружием в руках защищал свою родную землю в борьбе с многочисленными врагами и заслужил славу непобедимого. Крестьянин, несмотря на очень неблагоприятные условия, в которых он веками жил, дал своей стране сотни великих людей в области науки, искусства и литературы.

Многосторонна и содержательна история крестьян в России. Разумеется, что охватить историю русского крестьянства с разных сторон — это задача, требующая комплексного исследования и тем более не выполнима в рамках одной работы. Задача настоящей работы состоит в том, чтобы проследить на основе марксистско-ленинской методологии основные этапы развития крестьянства в феодальной России, показать место крестьянина в различные периоды социально-экономической и политической жизни русского общества, начиная с того времени, когда крестьянин в значительной своей части был свободным членом сельской общины, и кончая временем его полного закрепощения.

Нельзя упрекнуть историков в недостаточном внимании к этому важному сюжету. В той или иной мере его были вынуждены затрагивать и решать как дворянские, так и буржуазные историки. Но ни те, ни другие не могли встать на путь строго научного изучения истории крестьянства. Весьма характерно, что обобщающих работ по истории русских крестьян интересующего нас периода дореволюционная дворянская и буржуазная историография почти не дала. В ней преимущественно рассматривались лишь отдельные стороны истории крестьян и прежде всего вопрос о происхождении крепостного права.

Так, например, виднейший представитель дворянской историографии начала XIX в. Н. М. Карамзин, стремясь в идиллическом свете представить феодально-крепостнические порядки, старался показать, что отмена Юрьева дня была проведена в интересах и дворянства и крестьянства одновременно. «Без сомнения,— писал Карамзин,— желая добра не только владельцам, но и работникам сельским, желая утвердить между ними союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном,— он (Борис Годунов.— *Б. Г.*) в 1592 или 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян... и навеки укрепил их за господами»¹.

Ввиду обострения крестьянского вопроса в условиях нараставшего кризиса крепостнических отношений царское правительство решило в 1818 г. запретить публичное обсуждение проблемы крепостного права. Это запрещение формально было снято только накануне крестьянской реформы 1861 г.

В то время как в дворянских официальных кругах либо искажали, либо пытались не допустить обсуждения этой проблемы, дворянские революционеры — декабристы, выступая против самодержавия, подвергли критике крепостнические теории реакционных дворянских историков. Энергично возражая против утверждения, что крепостничество в России возникло на основе добровольного соглашения крестьян с помещиками, декабристы подчеркивали, что крепостное право явилось резуль-

¹ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, изд. 5-е, Эйнерлинга, т. X, стр. 120.

татом насилия помещиков и самодержавия над крестьянами. Несмотря на определенную ограниченность их общих исторических построений, несмотря на то что дворянские революционеры были «страшно далеки... от народа»¹, их взгляды на происхождение крепостного права были, несомненно, прогрессивны для своего времени.

В обстановке дальнейшего кризиса крепостнического строя и роста крестьянского движения в России представители официальной дворянской историографии, выступая в защиту самодержавия, выдвинули тезис о непричастности государственной власти к созданию крепостного права (М. П. Погодин). Стремясь доказать прочность самодержавно-крепостнического строя в России, они обосновывали теорию об особом пути исторического развития России, якобы не знающем классовой борьбы и революций.

С идеализацией русского исторического прошлого выступили в это время и славянофилы (К. Аксаков, И. Беляев, Ф. Леонтович и др.). В своих исторических построениях они идеализировали допетровскую Русь, в которой, по их мнению, наиболее полно выявились особые самобытные начала исторической жизни славянских народов вообще и русского народа в частности. Отстаивая тезис о своеобразном пути исторического развития России, они видели это своеобразие в общинном строе славянских народов. Славянофильские представления о России вообще и о крестьянстве в частности положены в основу труда И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси» (1860 г.). В дореволюционной историографии эта книга является единственной работой, освещающей историю русских крестьян с древнейших времен до конца XVIII в. Идеализируя положение крестьян в России, автор считает их «полноправными членами русского общества наравне с боярами, боярскими детьми, духовенством и купцами» вплоть до времени Петра I, когда лишение крестьян их прав было «окончательно утверждено ревизиею и на последующие времена»².

В работах буржуазных историков середины XIX в., К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, история русского

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

² И. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, М. 1879, стр. 71, 110, 235.

крестьянства занимала незначительное место. Игнорируя роль трудящихся масс, они обращали основное внимание на развитие форм государства, понимая его как надклассовую организацию.

В пореформенный период взгляды Кавелина и Соловьева получили дальнейшее развитие в работах буржуазного историка Б. Н. Чичерина. С особой силой подчеркивая роль государства как творца общественных отношений, Чичерин пытался доказать, что как и «закрепощение», так и «раскрепощение» всех сословий в России, в том числе и крестьянского, явилось всецело результатом деятельности государственной власти.

Совершенно по-иному к истории крестьян в России подошли русские революционные демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Критикуя взгляды буржуазных историков, революционные демократы указывали на то, что народные массы были главной действующей силой в истории России. Вместе с тем они отмечали крайне тяжелое положение русского крепостного крестьянства; в крестьянских движениях они видели форму протеста против крепостничества. Возникновение крепостного права Н. Г. Чернышевский объяснял как результат насильственных действий помещиков и самодержавного государства.

Для буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. характерно, с одной стороны, стремление свести историю всего общественного развития России лишь к истории государства, с другой — перенесение буржуазных институтов в феодальное общество (В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.). Так, например, крупнейший буржуазный историк этого времени В. О. Ключевский объяснял закрепощение крестьян ростом их задолженности, т. е. чисто экономическими причинами, рассматривая закрепощение как частноправовой акт. Ему следовал и М. А. Дьяконов. Другой буржуазный историк, В. И. Сергеевич, основатель договорной теории происхождения Русского государства, выдвинул тезис об извечности частной собственности, о полном якобы отсутствии следов общинного землевладения в русской древности.

Касался сюжетов, связанных с историей крестьян, и украинский буржуазный националист М. С. Грушев-

ский. Стремясь противопоставить историю украинского народа истории великорусского и белорусского народов, игнорируя их тесное родство и общность исторических судеб, Грушевский вопреки исторической правде пытался отрицать, что Киевская Русь была общей колыбелью великорусского, украинского и белорусского народов. Грушевский, в частности, утверждал, что нормы «Русской Правды» и отраженные в них социальные отношения применялись только на территории Украины, а не в других частях Руси. Между тем, как мы убедимся ниже, нормы «Русской Правды» и породившие их социальные отношения были распространены в Северо-Восточной Руси, в Новгородской и Псковской феодальных республиках.

Не менее тенденциозно изображал Грушевский структуру общества в более позднее время. Грушевский представлял дело таким образом, будто у украинского народа на всем протяжении его истории, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, не было классов и не было буржуазии. Тезис о безбуржуазности украинского народа нужен был Грушевскому для «обоснования» его положения о якобы неоправданности социалистической революции историческим ходом развития украинского народа. Подобно другим буржуазным историкам Грушевский постоянно проводил мысль о надклассовости государственной власти. В связи с этим он считал, что в ущемлении интересов крестьянства виновата государственная власть, а не класс феодалов. Всем этим предвзятым концепциям в работах Грушевского подчинено и конкретное изложение истории крестьянства, что, в частности, проявилось в идеализации положения смердов Киевской Руси и украинских крестьян.

Совершенно очевидно, что при подобных искусственных построениях буржуазных историков не могло быть и речи о подлинно научном освещении истории крестьян в России.

Сказанным, конечно, далеко не исчерпывается характеристика основных направлений русской домарксистской историографии в изучении вопросов, связанных с историей крестьян. Более подробно литературу вопроса я рассматриваю в отдельных главах книги в связи с трактовкой различных сторон сложной и часто запутан-

ной истории крестьян. Здесь же мне было необходимо подчеркнуть, что, несмотря на кажущееся обилие литературы, история крестьянства оставалась по существу не изученной. В старой историографии для нас представляют интерес лишь отдельные накопленные ею факты и некоторые наблюдения по частным вопросам.

Подлинно научное изучение истории крестьянства стало возможным лишь на основе марксистско-ленинского подхода к пониманию исторического развития общества. В. И. Ленин открыл новый, марксистско-ленинский этап в изучении истории нашей родины вообще и крестьянства в частности.

В 90-х годах XIX в., когда на историческую арену выступил В. И. Ленин, в официальной науке господствовала, хотя и с различными оттенками, мысль об «особом» пути развития России. Защитники этой «теории» пытались «карантинной стеной» отгородить историю России от исторического процесса в Западной Европе с ее пролетариатом и революциями. В этой связи официальная наука старалась доказать отсутствие в России феодализма, ибо признать в России наличие феодального периода означало признать, что в своем развитии она принципиально не отличалась от других европейских стран. Из всех буржуазных историков того времени только Н. П. Павлов-Сильванский пытался ставить вопрос о существовании феодализма в России, но и он был далек от научного решения этого вопроса, поскольку рассматривал феодализм не как общественно-экономическую формацию, а лишь как сумму учреждений, т. е. трактовал его с узкоюридической точки зрения.

Пользуясь марксистским учением об общественно-экономических формациях и применяя его к обширному конкретному материалу русской истории, В. И. Ленин разгромил антинаучную теорию «особого пути» истории России и, в частности, доказал существование в России в IX в. феодального строя. Ленин определил социальную природу древнерусского смерда и его место в феодальном обществе и дал классическую характеристику барщинного феодального хозяйства.

Только с позиций марксизма-ленинизма стало возможным научное изучение истории крестьянства в России. Освещению с этих позиций отдельных сюжетов из истории крестьян на Руси посвящено немало работ

советских историков¹. Занимался исследованием этих сюжетов и автор настоящей работы, представляющей собой краткий итог его основных наблюдений над историей русского крестьянина в период раннего и развитого феодализма².

¹ Например, см. обзор советской литературы по этому вопросу в статье И. И. Смирнова «Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе» (Сб. «25 лет исторической науки в СССР» (1917—1942), М.—Л. 1942).

² См. Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси*, и другие более ранние работы.

I. КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Предварительные замечания

Изучая исторический путь русского крестьянства, пройденный им с древнейших времен до оформления крепостнических отношений, мы должны внимательно рассмотреть отдельные этапы этого большого и сложного пути, проследить наиболее заметные изменения в самом крестьянстве, а также в среде феодалов, проанализировать развитие отношений между этими двумя классами в тесной связи с общим ходом экономической и политической жизни феодальной России.

Вполне естественно, что первой проблемой, которая привлечет наше внимание, будет проблема становления крестьянства как класса.

Исследуя процесс формирования класса крестьянства в славянском обществе, мы обязаны иметь в виду весь комплекс социально-экономических и политических условий жизни славян в этот период, учитывать как состояние производительных сил, так и развитие производственных отношений в данном обществе, обращая особое внимание на эволюцию общины, на процесс становления феодального землевладения, возникновения феодальной эксплуатации и оформления феодальной надстройки.

При изучении ранней истории славянства следует вместе с тем учитывать и ту общеевропейскую историческую среду и международную обстановку, в которой жили и развивались «варварские» народы Европы вообще и славяне в частности.

В то время как «варварские» народы Европы в течение многих столетий медленно развивались в условиях первобытно-общинного строя, в странах Средиземноморья успело сложиться несколько рабовладельческих государств, значительная часть которых позднее различными путями подпала под власть Римской державы.

Опираясь на труд рабов, как на основу своего производства, Римская империя должна была осуществлять активную внешнюю политику, способную обеспечить постоянный приток рабов для римских рабовладельцев. И действительно, почти не прекращавшиеся военные операции римлян на соседних с Римским государством территориях, в том числе на территориях, населенных германцами и славянами, служили едва ли не главным источником пополнения рабов. Греческие и римские рабовладельцы пренебрежительно называли эти народы «варварами» и считали, что сама природа создала их для рабства. Однако с течением времени такая политика Римской державы по отношению к «варварскому» миру наталкивалась на все большие трудности. С одной стороны, в самой Римской империи в начале и в середине первого тысячелетия нашей эры стали все заметнее проявляться симптомы загнивания производительных сил общества и разложения рабовладельческого строя, все ощутимее становились признаки усиления классового антагонизма и обострения классовой борьбы. С другой стороны, и сами «варвары» и прежде всего германцы и славяне по мере своего поступательного развития и консолидации в политические союзы стали представлять для Римской державы все более грозную силу.

Столкновение двух миров — рабовладельческого и «варварского» — было неизбежным, и оно произошло именно тогда, когда рабовладельческий строй обнаружил свою непрочность и когда «варвары» стали проявлять все большую активность в борьбе с Римской державой.

В этом столкновении значительную роль играли и славяне, занимавшие в первой половине I тысячелетия большие пространства Восточной и Центральной Европы и начавшие в V—VI вв. проникать на территорию Балканского полуострова, подвластную тогда Восточно-Римской империи. Под натиском «варваров» Восточно-Римская империя должна была уступать одну территорию за другой. Так, в течение VI—VII вв. Балканский

полуостров «ославянился», славяне перенесли сюда общинное устройство точно так же, как германские племена в V в. перенесли в Италию «осколок настоящего родового строя в форме марковых сбщин»¹.

Борьба славян с рабовладельческими порядками в Империи, переселение на Балканы и перенесение на эти территории общинных форм социальной жизни — все это свидетельствовало о том, что не только переселившиеся на Дунай отдельные группы славян, но и оставшаяся на территории Восточной и Центральной Европы основная масса славянства продолжали в этот период жить общинным строем.

Хотя славяне в этот период были знакомы с первыми признаками разделения общества на классы (по свидетельству византийских авторов, они знали пленных рабов, которых, однако, возвращали за выкуп обратно), тем не менее в целом у славян в этот период продолжал существовать общественный строй, основой которого был труд свободного общинника. Мы можем утверждать, что первобытно-общинный строй в V—VII вв. господствовал в славянском обществе.

Вместе с тем нельзя не учитывать и другой стороны дела; происходивший в это время процесс перехода от родовой общины к сельской, появление частной собственности общинников на землю при сохранении общинного землепользования, политическое развитие славянских племен, становление «военной демократии», появление союзов племен, усиление роли вождей и т. д. — все это свидетельствовало о том, что родовой строй у славян переживал завершающий этап своего развития.

И тот факт, что последняя стадия в эволюции родового строя у «варваров», в том числе у славян, совпала по времени с процессом нарастания противоречий рабовладельческого строя и его разложения в Римской империи, исторически исключал для «варварской» Европы возможность возрождения на ее территории рабовладельческих отношений в сколько-нибудь широких масштабах. «Варварская» Европа пошла по иному пути, по пути становления феодализма. Изучая этот интересный и сложный период в истории нашей страны, период перехода от первобытно-общинного строя к строю клас-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 162.

совому, феодальному, мы видим, что каждому этапу социальной жизни славян соответствовал, с одной стороны, определенный уровень производительных сил, а с другой, определенная стадия в политическом развитии восточного славянства. Именно поэтому перед нами стоит задача проследить во взаимосвязи и взаимодействии все стороны исторической жизни восточного славянства: развитие производительных сил, эволюцию общественных и политических отношений у восточных славян.

§ 2. Развитие производительных сил.

Место земледелия в хозяйстве восточных славян

Изучая раннюю историю славянства, мы не можем не считаться с тем фактом, что жизнь восточнославянского общества, как и всякого другого «варварского» общества, протекала в условиях, несколько отличных от условий, существовавших в свое время в античных странах Средиземноморья.

Если в странах античного Средиземноморья общество очень рано достигло такого уровня в развитии своих производительных сил, при котором стал возможным переход к классовой структуре — начало этого процесса связывается с эпохой бронзы и образованием классового общества на Крите, — то народы средневековой Европы должны были пройти несравненно более трудный и длительный путь в развитии своих производительных сил, прежде чем труд непосредственных производителей стал давать не только необходимый, но и прибавочный продукт, прежде чем появилась возможность перехода от бесклассового общества к классовому. Этот переход, как мы знаем, произошел уже в эпоху развитого железа, иными словами, он произошел на более высоком уровне развития производительных сил, чем в античных странах. Историк, уловивший эти различия в ходе исторического развития средневековой Европы и античного рабовладельческого общества, не может не признать, что среди ряда причин, определяющих темпы этого развития, существенную, хотя, конечно, далеко не главную, роль играют условия материальной жизни общества¹. Осо-

¹ В III томе «Капитала» Маркс специально остановился на анализе тех условий, которые, по его мнению, позволили обществу производить не только необходимый продукт, но и прибавочный.

бенно заметно их влияние на ранних ступенях развития. В самом деле, чем тяжелее были условия материальной жизни общества, чем суровее климат, короче лето и длиннее зима, чем сложнее было обрабатывать землю и выращивать на ней те или иные культуры, тем труднее было людям добывать «необходимые жизненные средства» (Маркс), тем медленнее увеличивалась масса производимого ими прибавочного продукта, тем позже появились и условия для зарождения классового общества.

Исследуя развитие производительных сил у славян в ранний период их истории, мы должны учитывать, что на территории «варварской» Европы непосредственному производителю приходилось затрачивать больше труда для получения необходимого продукта, чем затрачивалось труда для этой цели в античных странах Средиземноморья. Неудивительно поэтому, что на территории Европы, населенной «варварами», период развития производительных сил в условиях бесклассового общества оказался значительно более продолжительным, чем в античном Средиземноморье.

Что же нам известно о развитии производительных сил у славян на протяжении первого тысячелетия нашей эры?

Опираясь на результаты археологических исследований, на сравнительно небольшое количество письменных источников, а также на данные фольклора, мы убеждаемся в том, что с древнейших времен ведущей отраслью хозяйства восточных славян было земледелие, мы видим, что наша страна была земледельческой задолго до образования древнерусского государства.

Нет ни одного археолога, который на основании своего археологического материала думал бы иначе. Хлебные злаки — просо, пшеница, рожь, волокнистые расте-

«Естественные условия,— писал Маркс,— должны быть таковы, чтобы *части* (курсив Маркса.— Б. Г.) рабочего времени, которым они (непосредственные производители.— Б. Г.) располагают, хватало для их воспроизводства и самосохранения как производителей, чтобы производство необходимых им жизненных средств не поглощало всей их рабочей силы. Плодородие природы представляет здесь одну границу, одну исходную точку, одну основу. Другую же представляет развитие общественной производительной силы труда».
(К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 647.)

ния и среди них лен; орудия земледелия — наральники, мотыги, серпы, косы, находимые во время раскопок, ясно говорят о господстве земледелия в нашей стране уже в V—VI вв. н. э. и раньше. Крупный знаток истории пшеницы Фляксбергер в своей специальной работе «Находки культурных растений доисторического периода»¹ приходит к выводу, что «Геродот ел скифскую, т. е. нашу южную пшеницу». Этот же исследователь изучал зерна пшеницы, добытые во время раскопок 1928 г. в Банцеровском городище под Минском VI—VIII вв. н. э., пшеницу из Донецкого городища XI в. и др.

Византийский военный писатель конца VI в. Маврикий, специально интересовавшийся славянами южными и восточными, замечает: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса». И дальше, в том же своем труде он, рекомендуя своему войску наиболее выгодные с его точки зрения приемы войны с антами и славянами, говорит: «Необходимо даже и в летнее время беспрестанно причинять неприятелю вред, опустошая его нивы...»²

Древний славянский календарь с его названиями месяцев родился безусловно в земледельческом обществе, так как он делит время по ходу земледельческих работ (сечень, когда секут деревья; сухой, когда их сушат; березозол, когда они превращаются в золу; травень, кветень, серпень — не требуют комментария; вресень от врещи — молотить). Языческая религия славян — тоже земледельческая.

Археологи находят в большом количестве остатки сельскохозяйственных орудий, свидетельствующих о раннем развитии земледелия в нашей стране.

Необходимые для пашенного земледелия взрыхляющие орудия — рало, соха — вначале были целиком деревянными и поэтому археологически прослеживаются плохо. Появившиеся позднее железные сошники (наральники) часто обнаруживаются археологами. Так, при раскопках старого русского города Ладоги был найден

¹ «Труды Института истории науки и техники», 1934, сер. 1, вып. 2, стр. 176 и др.

² Маврикий, Тактика и стратегия, перев. Цыбышева, СПб. 1903, стр. 186.

в слоях VII—VIII вв. прекрасно сохранившийся сошник¹. О раннем развитии земледелия говорят факты широкого использования уже в древнейшую эпоху (в VII—VIII вв.) лошади в качестве тягловой силы.

Наш первый историк, составитель «Повести временных лет», с полным основанием заставил новгородцев, якобы приглашавших к себе Рюрика с братьями, говорить: «Наша земля велика и обильна», под «обилием» понимая изобилие плодов земных и прежде всего хлеба («Даю за все два села с обилием и с лошадьми и с боротью»,— читаем и в более поздней Духовной новгородца Климента).

В былинном эпосе главнейшая фигура богатыря — Микула Селянинович, это пахарь-земледелец. Он сильнее людей военных, его конь выносливее и быстрее боевых коней, никто из богатырей не в состоянии вытащить сошку Микулы из земли. Микула пашет сохой. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что наша страна с давних пор страна земледельческая прежде всего.

Изменения в технике земледелия оказывали определенное влияние и на соответствующие перемены в общественном строе славян рассматриваемого времени. Древнее подсечное хозяйство соответствовало родоплеменному строю в период его расцвета, земледелие пашенное положило начало процессу утверждения соседской общины, возникновению частной собственности на землю, подготовило почву для становления имущественного и социального неравенства.

В былинном эпосе о Микуле Селяниновиче, например, подсечное земледелие, как более ранняя ступень развития земледелия вообще, уже основательно забыто, хотя мы знаем, что оно долго еще жило рядом с земледелием сошным.

Заметные сдвиги в развитии сельскохозяйственного производства происходили и в период существования древнерусского государства (IX и XI вв.²). Основным земледельческим орудием оставалась соха; в южных

¹ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Советская археология», т. XI, стр. 5—54; т. XII, стр. 7—40.

² См. «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л. 1948, стр. 56—77; см. Б. А. Рыбаков, Радзімічы. «Працы Археалагічна камісіі Б. А. Н.», т. III, Минск 1932.

районах применялись плуг и близкое к сохе рало; употреблялась и борона. Поля имели определенные границы и вспахивались систематически. Следовательно, и в период IX—XI вв. налицо было устойчивое земледелие.

Основной системой земледелия была переложная, или залежная, когда вспахиваемая земля время от времени получала передышку на два — четыре года. В северных лесных районах существовали подсека, лесной перелог. Сеяли на Руси пшеницу, рожь, горох, ячмень и просо. Хлеб был яровой и озимый. Было широко распространено выращивание льна, известен был и хмель. Урожай собирали серпом и косой. В «Слове о полку Игореве» есть образы, навеянные сельскохозяйственным производством: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела»¹.

Зерно мололось на ручных жерновах и хранилось в ямах. Водяные мельницы появились не ранее XII в. В крупных феодальных хозяйствах имелись огороды и сады; из овощных и плодовых культур были известны репа, капуста, яблоки; здесь обработка земли производилась лопатой — «рыльцем» или «мотыкой».

Княжеские и монастырские хозяйства владели огромными стадами рогатого скота и табунами лошадей нередко в тысячи голов. Судя по «Правде Ярославичей», более всего ценились верховые кони. В том же памятнике упоминаются рабочий скот, волы, коровы, овцы, козы, свиньи, а из птиц — куры, гуси, утки, лебеди, голуби. Производились заготовки кормов для стойлового содержания скота; известна специальная коса — «горбуша», служившая для косьбы травы.

Масса земледельческого населения была далеко не обеспечена рабочим скотом. Коней забирали для войны, широко распространены были феодальные поборы скотом. Древнерусский смерд, зачастую лишенный рабочего скота и орудий труда, шел в зависимость к феодалу за пользование его скотом или сельскохозяйственным инвентарем.

Хозяйство смерда-общинника включало небольшое жилище, часто типа землянки, к которому примыкала

¹ «Слово о полку Игореве», М.—Л. 1950, стр. 25.

клеть, где содержался скот: лошадь, корова, две-три овцы, куры. Имея одного коня, крестьянин применял только соху. Урожаи были (как и во всей тогдашней Европе) низкие, недород и голод представляли частые явления.

Из промыслов была распространена охота главным образом с целью добычи пушнины. В обширных лесах водились рысь, тур, зубр, лось, олень, кабан, медведь, заяц. На внешний рынок шли меха белок, куниц, выдр, бобров, соболей, лисиц. Орудиями охоты служили лук со стрелами, различные сети и тенета и другие виды ловушек. Дикую птицу ловили с помощью «перевесов» — больших сетей, которые натягивались высоко над землей в местах перелета.

В IX—XII вв. богатые охотничьи угодья становятся собственностью князей, бояр, монастырей. Охота («ловы») составляла излюбленное развлечение князей; популярностью пользовалась спортивная охота с ловчими птицами (соколы, ястребы). В «Слове о полку Игореве» говорится, что князь Игорь «полете соколом под мглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине».

В экономике сельского хозяйства большое значение имела и рыбная ловля. Археологи при раскопках постоянно встречают крючки, остроги, грузила и поплавки от сетей, а также кости щук, сомов, лещей, осетров. Рыбу ловили неводом или бреднем, на крючок, били острой. Устраивали «заколы» или «езы» (сооружения для рыбной ловли).

Из других отраслей хозяйства продолжало существовать лесное бортничество, где лучшие участки также были захвачены феодалами.

«Таким образом,— пишет один из знатоков сельскохозяйственного производства древней Руси, П. Н. Третьяков,— если основные отрасли сельскохозяйственного производства, земледелие и скотоводство, в основных чертах достигли в XI—XIII вв. того уровня, который был присущ и последующим столетиям, то второстепенные разделы экономики — охота, рыболовство и бортничество в эту эпоху еще удерживали много архаичных черт»¹.

¹ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 77.

Итак, все археологические и неархеологические данные свидетельствуют о том, что наша страна с давних пор была страной земледельческой, что земледелие в течение первого тысячелетия прошло сложный путь развития, подготовив условия для появления имущественного и социального неравенства для возникновения классов и классового общества.

§ 3. Разложение первобытно-общинного строя и генезис феодальных отношений на Руси

Нам надлежит сейчас прежде всего сосредоточить внимание на жизни сельской общины, этой организации земледельческого населения, того самого населения, которое с известного момента мы имеем основание называть крестьянами.

Конкретное (насколько, конечно, позволяют наши источники) изучение эволюции крестьянской общины позволит нам познакомиться с положением основной массы сельского населения как в период ее независимого состояния, так и во время наступления на нее нарождающейся феодальной знати.

Тут же мы можем найти и разрешение вопроса, который так остро ставился в литературе еще накануне крестьянской реформы 1861 г. и перешел в той же постановке в более позднее время, вопроса об отношении крестьянина к земле: был ли крестьянин когда-нибудь собственником земли или же искони сидел на земле господской.

Вопрос об общественном строе славян, в частности восточных и древней Руси, очень стар. Об этом предмете много думали и писали. Особенно горячие споры по этому вопросу разгорелись во второй половине XIX в. Эти споры были отнюдь не просто академическими. Одни выступали в защиту исконности и незыблемости русской общины (К. Аксаков и др.). Отрицая какую-либо эволюцию в жизни общины, они видели в ней доказательство самобытности исторических судеб России. Община, по их мнению, предохраняла Россию от проникновения в деревню капитализма и от зарождения пролетариата, с выступлением которого они связывали европейские революции и появление «язв капитализма».

Другие буржуазные историки, наоборот, делали попытку опровергнуть существование общины в древности. Самым ярким представителем этого направления был В. И. Сергеевич. По его мнению, период поднятия интереса к древней общине у германцев, славян и других народов — «это... время глубокой веры в древность поземельной общины»¹. Он ставит себе задачу бороться с этим «предрассудком» и решительно выдвигает тезис об исконности частной собственности на землю и о полном отсутствии следов общинного владения землей в русской древности.

Выступая в защиту исконности частной собственности, он тем самым отстаивал устои буржуазного общества.

В. И. Сергеевич не заметил того, что параллельно с его работой шла другая, приведшая в конечном счете к подлинному разрешению спорного вопроса. Это труды Льюиса Моргана (1818—1881), Максима Ковалевского (1851—1916) и особенно Фридриха Энгельса (1820—1895).

Моргану в его «Древнем обществе» на основе огромного фактического материала из жизни индейских племен Америки удалось осветить труднейшие участки истории и дать разъяснение основных черт общественного устройства первобытного времени, предшествующего появлению государства.

В том же направлении много и плодотворно поработал, главным образом над изучением кавказских народов, и М. М. Ковалевский. Энгельс использовал все эти наблюдения и дал нам в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» ключ к раз-

¹ В. И. Сергеевич, Древности русского права, т. III, СПб. 1903, стр. 412.

В 1884 г. Энгельман выступает не менее ярко против славянофилов и их общинной теории. Возражая И. Д. Беляеву, он пишет: «Лишенный критического чутья, он (Беляев.— Б. Г.), подобно всем славянофилам, питал непоколебимую уверенность в недостижимом совершенстве всех древнерусских порядков и учреждений. Так, вместе со своими друзьями старыми славянофилами — Аксаковым, Хомяковым и др. Беляев твердо держится фантастической гипотезы существования древнерусской исконной поземельной общины, на которую не имеется решительно никаких указаний в источниках» (И. Энгельман, История крепостного права в России, М. 1900, стр. 22, прим.).

решению проблем, до него остававшихся неразрешенными.

Сейчас мы можем представлять этапы развития первобытного периода в следующем виде:

1. Род есть основа общественного порядка у всех первобытных народов земли.

2. На высшей ступени развития родового строя, а именно при отцовском роде, возникает патриархальная семейная община, т. е. организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семейной общины (*familia*). Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут на одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются из общих запасов. Глава общины избирается, при нем имеется совет, состоящий из всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин.

3. С распадом родовых отношений у многих народов возникает сельская община как переходная ступень от родовой организации к политической. Однако и при сельской общине, отнюдь не противореча ей, в течение длительного периода продолжает существовать и сохранять свою силу патриархальная семейная община, или большая семья.

4. Родовая и сельская общины на протяжении своей жизни не остаются неизменными. Сельская община испытывает на себе не только влияние внутриобщинных процессов, но и воздействие государства, — приспособляясь к его требованиям, она изменяется сама.

5. Родовое общество дальше союза племен не пошло. Союз племен означает уже начало его разрушения. Территориальное деление, идущее на смену племенному, и имущественное неравенство вместо равенства — это уже предпосылки государственного строя.

Таковы основные общие положения, к которым пришла современная нам наука.

Мы хорошо знаем, что территориальная община была известна и странам древнего мира и странам средневековой Европы. Однако, сравнивая исторические судьбы общины в древности и в средневековье, мы убеждаемся в том, что если на самых ранних стадиях развития этих народов положение общины было примерно одним и тем

же, то на последующих этапах их социальной эволюции оказались различными и исторические сроки существования общины и ее роль в экономической и политической жизни общества. Поступательное движение стран древнего мира, как известно, очень рано стало осуществляться не столько на основе использования труда крестьян-общинников, сколько на основе бурного развития рабских форм эксплуатации. Какова же при этом была роль общины, этой сложной социальной организации, основанной на синтезе индивидуального и коллективного землепользования? Община как институт в данных условиях либо почти совсем прекращала свое существование, либо, если и сохранялась в силу тех или иных особых обстоятельств (например, из необходимости обеспечения совместного водопользования в странах с искусственным орошением), то и тогда теряла свое монопольное положение в производственной жизни данного общества, переставала играть ведущую роль в развитии производительных сил данной страны. Одной из причин этого явления, по-видимому, могло быть то, что в странах древнего мира в силу благоприятных условий материальной жизни общества сельская община очень рано перестала быть экономически необходимым институтом, что здесь рано появилась возможность усилиями одного индивидуального крестьянского хозяйства сравнительно легко добывать значительные массы прибавочного продукта, а практика коллективного землепользования все чаще оказывалась излишней. В этих условиях сельская община усиленно подвергалась процессам внутреннего расслоения и «размывания», становилась все менее устойчивой изнутри и все более уязвимой извне. Вполне понятно, что такое состояние общины в античных странах не только не могло препятствовать развитию рабства, но в какой-то мере содействовало становлению в данном обществе рабовладельческих отношений. Возникавшие при таких обстоятельствах различными путями социальные верхи общества (родовая аристократия, военные вожди, усилившиеся экономически общинники и т. д.) уже на ранних этапах развития получали возможность содержать и эксплуатировать людей, лишенных так или иначе средств производства (военнопленных, обедневших общинников и др.), т. е. содержать и эксплуатировать рабов.

Что касается Европы, населенной «варварами», то здесь материальные условия жизни общества, как уже подчеркивалось, оказались гораздо более трудными, что не могло не повлиять на темп и характер эволюции данного общества. Замедленное по сравнению с античными странами развитие производительных сил у «варваров», при котором люди длительное время вынуждены были ограничиваться добыванием необходимого продукта и при котором накапливание массы прибавочного продукта происходило крайне медленно и в незначительных размерах, превращало общину в экономически необходимый и исторически устойчивый институт социальной жизни «варварского» общества. В этих условиях именно сельская община, основанная на сосуществовании индивидуальной собственности общинников на парцеллярные участки и коллективной собственности на выгоны, луга, леса, обеспечивала поступательное развитие производительных сил данного общества, прежде всего пашенного земледелия, а также тесно связанного с ним скотоводства. И чем длительнее был переход от производства необходимого продукта к прибавочному, тем устойчивее был общинный строй, тем дольше община занимала монопольное положение в общественном производстве. Но это, однако, не означало, что община в «варварском» обществе была каким-то окостеневшим институтом, не знавшим процессов внутреннего расслоения, имущественной дифференциации и т. д. Эти процессы протекали и здесь, но в крайне замедленном темпе и — что особенно характерно — не приводили к изживанию общины как таковой. Выход из общины отдельных, экономически усилившихся общинников отнюдь не сопровождался ликвидацией общинной организации, на что указывает хотя бы хорошо известный факт существования института «дикой виры».

Таким образом, территориальная община играла весьма важную роль на всех этапах социально-экономической и политической жизни «варварского» общества, обеспечивая крестьянству «локальную сплоченность и средство к сопротивлению»¹ против натиска феодалов.

В этих условиях была исключена возможность широ-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 162.

кого распространения эксплуатации людей, полностью лишенных средств производства, т. е. возможность широкого применения рабского труда. Правда, рабство было известно «варварскому» миру, но оно носило здесь иной характер, чем в античном обществе. У «варваров» получило некоторое распространение патриархальное рабство, часто рабы содержались и эксплуатировались целым коллективом (общиной, большой семьей и т. д.). Энгельс подчеркивал, что «варвары» (он имел в виду в данном случае германцев, хотя в этом отношении они ничем, по его мнению, не отличались от славян), несмотря на наличие рабов, «не довели у себя эту зависимость до вполне развитого рабства... до античного трудового рабства». Таким образом, рабство в «варварском» обществе не имело условий для широкого развития, здесь оно было нерентабельным. Результаты трудовой деятельности раба, лишенного инициативы и какой бы то ни было заинтересованности в труде, не могли покрывать затрат на его содержание. Поэтому поступательное движение общества в средневековой Европе могло происходить не на основе гипертрофированного развития рабских форм эксплуатации, массового обезземеливания крестьян-общинников и превращения их в рабов, а на основе такой формы эксплуатации населения, которая сохраняла бы элементы общинного строя и которая могла бы в целях производства как необходимого, так и прибавочного продукта использовать труд крестьянина-общинника, его инициативу, заинтересованность и вековые земледельческие навыки.

Не случайно процесс становления классов и государственности у «варваров» не устранил общины, а сохранил ее, правда, в несколько модифицированном виде. Постепенно возникавшие в ходе исторического развития социальные верхи общества (родовые старшины, вожди, выделившиеся общинники и т. д.), становясь землевладельцами, начинали эксплуатировать различными способами земледельческую массу крестьян-общинников, основного производителя материальных благ в тех условиях. В формирующемся таким образом классовом феодальном обществе именно община становилась своего рода гарантией регулярного поступления ренты феодалам-землевладельцам, штрафов и дани феодальному государству.

Материалов для суждения о ранних этапах развития общины у славян очень мало: археологические данные, случайные свидетельства соседних народов и более поздние русские письменные источники, из которых приходится извлекать по крупицам все то, что в них имеется о более раннем времени. При таких условиях, конечно, трудно дать полную картину эволюции общины и всего общественного строя у славян.

Тем не менее и на основании имеющихся в нашем распоряжении данных мы все же можем проследить отдельные этапы развития первобытно-общинного строя у славян; можем установить важнейшие стадии в эволюции общины.

Данные археологии позволяют проследить смену форм поселений на территории Восточной Европы в течение первого тысячелетия н. э.

До V—VI вв. господствующей формой поселения был укрепленный родовой поселок, свидетельствующий о том, что славяне в этот период жили устойчивым родовым строем. Именно таким укрепленным родовым поселением является известный поселок Березняки, изученный П. Н. Третьяковым. Подобный тип родового поселка отражал тот период в истории населенной Восточной Европы, который был связан с подсечным земледелием и отчасти скотоводством, с существованием больших родовых общин, коллективно занимавшихся подсечным земледелием, с отсутствием больших и устойчивых племенных объединений. В случае опасности извне каждая такая родовая община защищала себя сама, укрываясь в своем собственном «городище».

Археология прослеживает и следующую стадию в развитии славянских поселений: на территории Восточной Европы примерно с V—VII вв. широко распространяется тип неукрепленных поселков-деревень с индивидуальными домами-землянками в более южных районах и избами в северных районах. Эта форма поселений, по-видимому, связана с новым этапом в эволюции производительных сил, в частности с интенсивным развитием пашенного земледелия, связана также с распадом родовой общины и с становлением территориальной соседской общины — марки. В этот период функцию защиты

от нападений извне, по-видимому, брал на себя не каждый поселок в отдельности (отсутствие укреплений делало его мало пригодным для этой цели), а племя или даже союз племен. Именно на это время, судя по данным письменных источников, падает формирование союза племен, усиление роли вождей, расцвет «военной демократии» и т. д.

Следующий этап в развитии поселений — появление рядом с неукрепленным поселком укрепленной усадьбы — замка — археологически изучен еще недостаточно. Однако нет сомнения в том, что такие усадьбы-замки уже существовали в VIII—IX вв. Примером такого поселения может явиться Райковецкое городище. Появление подобных усадеб-замков получило отражение и в былинах. Так, в былине о Чуриле Пленковиче говорится: «Двор у Чурилы на семи верстах, около двора булатный тын»¹.

По-видимому, и «Русская Правда» имеет в виду подобные усадьбы в статьях, говорящих о фактах укрытия беглых холопов в усадьбах — «хоромах».

Прослеживаемое археологами развитие форм поселений на территории Восточной Европы является убедительным доказательством непрерывности существования общины у славян на протяжении I тысячелетия н. э., сначала родовой, потом соседской общины дофеодалного и феодального периодов.

В свете всех этих археологических наблюдений становятся гораздо понятнее отрывочные и немногочисленные свидетельства готских, византийских, арабских и других источников о социальном строе славян и о первых политических объединениях на территории Восточной Европы. Так, византийские авторы VI в. Прокопий Кесарийский и Маврикий Стратег подчеркивают «любовь славян к свободе», невозможность склонить их к рабству или подчинению, стремление славян жить в «демократии». Маврикий Стратег (псевдо-Маврикий) говорит об особом положении пленных у славян, из чего становится ясным, что славянскому обществу в VI в. было чуждо рабство как система социальных отношений и что в массе своей славяне в этот период жили общинным строем. Маврикий писал: «Находящихся у них в

¹ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 187.

плену они не держат в рабстве, как другие народы,— ...но, ограничивая (их пребывание в плену) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или оставаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей». Ясно, что, если бы у славян были тогда условия для развития рабства, они не превращали бы пленных с такой легкостью в «свободных и друзей». Несомненно, положение пленного у славян радикально отличалось от судьбы пленника в Византии. Здесь он не превращался в раба, тем не менее попытки задержать пленника до получения за него выкупа говорили о том, что внутри славянского общества уже были социальные элементы, готовые использовать пребывание у них пленных в своих интересах.

Для древних авторов не осталось незамеченным возникновение политических союзов в славянском обществе, появление вождей и усиление внешнеполитической активности славянства. Так, еще Иордан (писатель VI в.), сообщая подробности борьбы антов с готами в IV в. н. э., писал о том, что вождь остготов Винитар захватил в плен вождя антов Божа вместе с сыновьями и 70 старейшинами. Наличие вождей — военачальников у славян и существование политических союзов, проникновение славян на Балканы — все это было хорошо известно и Прокопию, однако он подчеркивал, что у славян и антов «вся жизнь и узаконения одинаковы», что они не подчиняются одному властителю, а «живут в демократии».

Таким образом, все эти данные, говорящие, с одной стороны, о господстве первобытно-общинных отношений в славянском обществе VI в. и, с другой, о возникновении в это время союзов племен, появлении вождей, усилении военной активности славян на Балканах, свидетельствовали о том, что славяне в V—VII вв. переживали завершающий этап первобытно-общинного строя, находились на стадии «военной демократии».

Последующее развитие восточнославянского общества в VII—VIII вв. протекало в условиях дальнейшего разложения первобытно-общинных отношений, усиления роли вождей и старейшин, появления землевладения, возникновения все более прочных политических объединений.

Анализ всех имеющихся в нашем распоряжении материалов, в частности данных археологии и показаний письменных источников (византийских, арабских и собственно русских), позволяет трактовать VI—IX вв. как период значительных сдвигов в развитии производительных сил, в эволюции общественных отношений и в политической жизни славянства. Эти сдвиги знаменовали собой наступление качественно нового этапа в истории славянства. Мы знаем, что в течение этого времени родоплеменной строй восточнославянского общества не находился в застывшем состоянии. В связи с интенсивным распространением пашенного земледелия, превращением родовой общины в территориальную общину — марку в восточнославянском обществе стали возникать условия, при которых общинники смогли производить не только необходимый, но прибавочный продукт. В этой обстановке родовые старшины и племенные вожди наряду с военно-политическими функциями стали осуществлять и иные функции: они все чаще под тем или иным предлогом (сборы на военные нужды, подарки, штрафы и т. д.) практиковали изъятие прибавочного продукта от непосредственного производителя в свою пользу. Возможность такого обогащения одной части населения за счет другой постепенно сделала власть старейшин и вождей наследственной, превратила эпизодические сборы «дани» с населения в регулярные, позднее привела к распределению определенных территорий, населенных общинниками, между отдельными представителями родоплеменной знати. Однако подобная форма эксплуатации при тогдашнем уровне производительных сил не всегда гарантировала регулярное поступление прибавочного продукта. Поэтому землевладельцы (из числа родоплеменной знати, усилившихся экономически общинников и т. д.) приступали к расширению своих собственных хозяйств, в которых они эксплуатировали «челядь» — людей, попадавших к ним различными путями в зависимость.

Так шел процесс становления феодального землевладения и феодальной эксплуатации на территории нашей страны до IX в. Этот процесс был ускорен возникавшими в это же время у славян политическими объединениями.

По сообщению арабских авторов, в VIII в. на терри-

тории Восточной Европы возникло несколько государственных образований, более зрелых и прочных, чем известное политическое объединение славян VI в. Этими государственными образованиями были Куявия, Славия и Артания, прямые предшественники обширного древнерусского государства. Существование этих политических образований находит свое косвенное подтверждение и в дошедшей до нас древнейшей арабской карте Восточной Европы. Очень вероятно, что на территории Восточной Европы в период с VI по VIII в. возникали и другие политические объединения, существование которых мы пока только можем предполагать.

«Повесть временных лет» как будто подтверждает такое предположение сообщением о существовании особых княжений у полян (где «держали княжение» Кий, Шек и Хорив, а потом и их потомки), а также указанием на наличие подобных княжений и в других восточнославянских землях (...«княжение в Деревлях свое, а в Дреговичах свое, а словене свое в Новгороде»). Этот легендарный рассказ в своей подоснове, несомненно, содержит элементы реальной исторической действительности.

Возникшие в условиях разложения первобытно-общинного строя, усиления роли вождей и старейшин, в обстановке роста имущественного и политического неравенства, эти политические организации содействовали дальнейшему упрочению экономических и политических позиций зарождавшейся землевладельческой верхушки.

Изучение данных археологии и письменных источников (византийских, арабских и др.), правильное их теоретическое осмысление заставляют нас прийти к выводу, что отдельные показания сравнительно поздних русских источников («Русская Правда», летопись, где помещены договоры с греками и др.) могут быть отнесены не только к X—XII вв., но и к значительно более раннему времени. Подходя к этим русским источникам, мы уже знаем, что перед их появлением русский народ успел пройти длительный путь своего развития, что успехи его на этом пути были весьма значительны и что, следовательно, источники эти не только являются основой для изучения русского общества X—XII вв., но могут и должны быть использованы при анализе более ранних периодов истории древней Руси.

Дошедшие до нас сравнительно поздние письменные источники, фиксирующие становление феодальных отношений в древней Руси, проливают свет и на предшествующие этапы социального развития восточнославянского общества, содержат отдельные указания на пережитки гербовытно-общинного строя у славян. Древнерусским памятникам хорошо знакомы такие термины, как «род», «племя», «семья», «вервь», «мир», «град-город» и т. д. Правильное раскрытие этих терминов давно стало задачей исторической науки. Анализ социальной сущности всех этих терминов позволяет углубить и конкретизировать наши представления о том периоде в истории восточного славянства, который является переходным периодом от первобытно-общинного строя к строю классовому, феодальному.

Но, раскрывая социальное содержание этих важных терминов, имеющих в письменных памятниках XI—XII вв., мы не должны забывать, что они далеко не всегда сохранили полностью свой первоначальный смысл, что в отдельных случаях происходило изменение прежнего значения того или иного слова. Именно этим обстоятельством мы должны объяснять тот факт, что в источниках XI—XII вв., в частности в летописи, нет четкого и единого понимания отдельных терминов, позволяющего дать конкретную картину развития исторических закономерностей в жизни общества.

Дело в том, что, когда на Руси появилась потребность оглянуться на свое прошлое, русское общество успело уйти от родового строя уже так далеко, что представить его себе в XI в. было достаточно трудно. Летописец, всегда вообще умеющий конкретно передавать подробности переживаемых им событий, решительно теряет эти свои свойства, переходя к характеристике родового строя.

По-разному раскрывается, например, на страницах «Повести временных лет» значение таких терминов, как «род» и «племя».

В отдельных случаях род — это форма древних общественных отношений, давно изжитых, плохо понятных, но все же известных летописцу.

Иначе нельзя, например, понять то место в летописи, где сообщается о полянах: «Подем же жившем особе и володеющем роды своими и живяху каждо со своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим».

Однако «Повести временных лет» известно и другое осмысление этого термина. Так, слово «род» часто указывает на связь того или иного исторического деятеля с княжеской династией (отсюда понятие «княжеского рода»), вместе с тем слово «род» иногда подчеркивает принадлежность кого-либо к данному народу или к данной стране в целом. Эта расплывчатость в содержании терминов говорит о том, что они в древнерусском обществе XI в. уже успели потерять свое первоначальное содержание, что этому термину перестали придавать тот смысл, который когда-то принадлежал ему исключительно и полностью. Тем не менее очевидно, что летописец, употребляя такие термины, как «род», «племя» и т. д., имел в виду определенные формы жизни славян в прошлом, подразумевая уже пройденные этапы исторического развития полян, северян, родимичей и других племенных объединений восточного славянства.

Большое значение для правильного понимания важнейших этапов развития восточнославянского общества имеет анализ таких терминов, как «мир» и «вервь», обозначающих общину. Правда, фигурирующие в источниках «мир» и «вервь» отражают прежде всего положение общины уже в раннефеодальном обществе IX—XI вв., т. е. фиксируют поздний этап развития общины. Тем не менее, судя по всем данным, этот институт, уходя своими корнями в далекое прошлое, сохраняет некоторые следы предшествующих стадий эволюции общинной организации.

Нам важно отметить наиболее существенные стороны мира — верви, для того чтобы понять, в каком направлении протекало перерождение родовой общины в соседскую общину — марку, чтобы в этой соседской общине IX—XI вв. с ее подчиненным положением в феодальном обществе и с ее особенностями внутреннего устройства (переделами пашенной земли, сохранением общинных, пастбищных земель, наличием наряду с индивидуальной семьей пережитков большой семьи и т. д.) увидеть, с одной стороны, следы родовой об-

щины, а с другой, признаки развивающихся феодальных отношений.

Прежде всего следует определить, что подразумевают источники древней Руси под терминами «мир» и «вервь». Этот вопрос вызвал большую полемику в историографии, и поэтому на нем стоит остановиться подробнее.

В дореволюционной и в советской литературе есть, в частности, мнения о том, что вервь «Русской Правды» — это не соседская община, а кровный союз, семейная община. В старой историографии подобного взгляда придерживались Ф. И. Леонтович, К. И. Бестужев-Рюмин, А. Я. Ефименко, Г. Ф. Блюменфельд. Противниками этой точки зрения выступили Владимирский-Буданов М. Д., Лешков В., Беляев И. Д. Из советских историков предлагает трактовать вервь как большую семью С. В. Юшков. Не вдаваясь в детали спора с С. В. Юшковым, считаю нужным проследить положение верви — мира по источникам древней Руси, которые, как всегда, следует понимать в целом, руководствуясь всеми их данными, прямыми и косвенными. Прежде всего надó иметь в виду, что обе «Правды» («Правда Ярославичей» и «Правда пространная») и документы XI—XII вв., содержащие тексты о верви, изображают общество, где, безусловно, доминируют индивидуальная семья, частная собственность на землю, крупное землевладение и другие признаки уже зрелого феодального строя. Стало быть, аргюги можно думать, что в этих источниках должна по крайней мере подразумеваться сельская община — марка, а не родовые организации, несомненно, уже ушедшие (конечно, не бесследно) в прошлое. «Чем дольше жил род в своем селе, — пишет Энгельс, — ...тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины»¹.

Но ведь документы кое-что и прямо говорят о верви, не давая, однако, ни одного намека на наличие кровного родства среди членов верви.

Как уже подчеркивалось, письменные русские источники застают общину именно в тот период ее развития,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 156—157. (Курсив мой.— Б. Г.)

когда она оказалась подчиненной феодалам и феодальному государству.

На основании этих источников мы получаем возможность убедиться в том, что основная масса земледельческого населения все еще была организована в общины. В древнем сборнике русского права начала XI в., так называемой «Правде Ярослава», нормы которой создавались задолго до Ярослава, примерно в VII—VIII вв., мы имеем упоминание об общине под северным термином «мир»: «Аще поиметь кто чужь конь, либо оружие, либо порт, а познает в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривна за обиду» (ст. 13). «Мир» — уже не патриархальная домашняя, а соседская община, знающая частную собственность и индивидуальное хозяйство. Здесь пашенная земля, бортные угодья находятся в частной собственности; за нарушение межи, отделяющей эти участки, взыскивается высокий штраф; луга, по-видимому, находятся еще в общем пользовании: кони землевладельца и зависевших от него крестьян-общинников пасутся на одном лугу.

«Миру» древнейшей «Правды» соответствует «вервь» «Пространной». На это указывает сравнение только что приведенной статьи 13 древнейшей «Правды» со статьей 70 «Пространной»: «Аже будет росечена земля.., то по верви искати татя». Сюжетно эти статьи расходятся, но, несомненно, процедура искания пропавшей вещи и татя происходит на одной и той же территории. Это будет мир-вервь. «Пространная Правда», по времени отстоящая от древнейшей не меньше чем на три столетия и относящаяся к южной территории, вместо термина «мир» пользуется, очевидно, аналогичным термином «град». «Аче кто конь погубить, или оружие, или порт, а заповесть на торгу, а после познаеть в своем городе, свое ему лицомъ взяти...»¹ В этой статье, несомненно, соответствующей статье 13 «Краткой Правды», под городом разумеется не просто город, а городской округ. Когда Ольга говорит древлянам: «А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делаютъ нивы своя и земле своя; а вы хочете измерети гладом, не имучеся по дань»², она под градами разумеет не только города, а и

¹ «Пространная Правда», ст. 34.

² «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), ч. 1, М.—Л. 1950, стр. 42.

земли, так или иначе связанные с этими городами. «Пространная Правда» знает прекрасно и вервь, известную в «Правде Ярославичей», составленной в Киеве приблизительно в середине XI в., но сохранившей в себе и более древние черты.

Различные этапы развития общины мы можем наблюдать не только по восточнославянским памятникам, но также по феодальным законодательствам западных и южных славян. В частности, существенную помощь в решении вопроса о верви может оказать Полицкий статут, который хорошо знает термин «вервь» и который строго различает вервь и большую семью.

О большой семье ясно говорится в статье 33 Статута: «Если братья или иные, имеющие право на участие в дележе (имеются в виду братья ближние, или дальние, или сыновья от отца, или иные родственники.— Б. Г.), пока еще не разделились, у них все общее: и добро, и зло, и корысть, и убытки, и долги; кому они должны и кто им должен — все это общее, пока не разделились, а когда разделились, тогда каждому своя часть». Это большая семья. В Полицком статуте она вервью не называется. Здесь вервь рисуется иначе. Ст. 59а Статута гласит:

«Закон о разделе леса или пастбища («котара») ¹ между собой. Если бы случилось, чтобы какое-либо село захотело между собой разделить лес или пастбища, ссылаясь на то, что они не могут или не хотят совместно пасти или держать, т. е. если бы один или больше просили от этого села части, которая им может достаться, или если бы все село захотело разделиться, пусть разделят и пусть смотрят, что есть чье: прежде всего пастбище, где нет леса, не может быть разделено между собой потому, что нельзя селянам возбранять пасти не только жителям этого самого села, но также и соседнего села, поскольку они не находятся по ту сторону третьего села, как было выше сказано.

Если есть лес, им можно делиться следующим образом: прежде всего, если бы знала «вервь» части, причи-

¹ «Котар» имеет несколько значений. Здесь легче всего понимать в смысле «пастбища». Тут «вервь», очевидно, часть села, где живут селяне, уже разделившие между собой поля, имеющие свои сады и усадьбы, но связанные между собой более тесными соседскими узами, чем богатые люди, раньше выделившиеся из общины и успевшие стать над нею (привилегированные землевладельцы).

тающиеся от племенщины внутри села по мере и по верви по праву наследования, тогда не надо изыскивать иного никакого деления леса, как только по правой верви и по числу голов, подворниц и племенщин...

Если вервь не знает и не может узнать частей внутри себя из племенщины, как это обычно встречается там, где есть в селе больше членов, участвующих в разделе, тогда лес делится так: прежде всего и первоначально издавна есть правило, чтобы на старые законные жеребьи на сады и на «подворницы» приходилась часть леса»¹.

Вервь здесь упоминается в двух смыслах: 1) вервь — общественная организация и 2) вервь — линия наследников. Подворница — приусадебная земля.

Из этого текста ясно вытекает, что вервь — не большая семья, а часть села, именно та часть, которая сидит на «вервной племенщине», которая состоит из «вервных братьев»², не родственников, которая успела уже поделить между собой землю «по мере и по верви», т. е. по праву наследования, и теперь собирается делить по тому же принципу и лес. Вервь тут — соседская община, из которой успели выделиться наиболее богатые люди³.

Итак, на основании сопоставления двух названных памятников, пока единственных, знающих вервь, ясно, что вервь — это определенная территория: «А иже убьют огнищанина в разбой, или убийца не ищуть, то вирное платити в ней же вири (верви) голова начеть лежати»⁴. Совершенно очевидно, что мертвое тело обнаружено на определенной территории. Отвечают люди, живущие здесь, связанные общностью интересов; иначе они не могли бы и отвечать совместно. Стало быть, вервь — общественно-территориальная единица.

Что это за общество, в чем заключается связь ее членов, мы отчасти можем узнать из той же «Правды Ярославичей». В верви живут «люди», которые очень хорошо знают свои права и обязанности. До недавнего времени

¹ Б. Д. Греков, Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв., М. 1951, стр. 247.

² «Вервная племенщина» — это общинная земля; «вервные братья» — не родственники. Поличане все называли себя братьями, причем различались братья «присные», т. е. родные, родственники «не прем присные» — боковые и вервные — не родственники.

³ См. Б. Д. Греков, Полица, стр. 66 и сл.

⁴ «Краткая Правда, Академический список», стр. 20

они обязательно совместно отвечали за совершенное на их территории преступление. Сейчас закон разъясняет, что ответственность эта падает не всегда на коллектив, что есть случаи, когда преступник должен отвечать сам за себя. Если убьют управляющего княжеским имением умышленно («аще убьют огнищанина в обиду»), «то платити за нь 80 гривен убиини, а людем не надобе»¹. Люди платят только в том случае, если того же огнищанина убили в разбое и убийца неизвестен; тогда платят те люди — члены верви, в пределах чьей верви обнаружен труп.

В сущности, то же дает и Полицкий статут с той только разницей, что «Русская Правда» рисует нам вервь XI—XII вв., а Полицкий статут — XV—XVI вв. В Полице вервь играет уже более скромную роль, чем в Киевской Руси.

«Правда Ярославичей» — специальный закон. Она по духу близка к *Capitulare de villis* Карла Великого. Ее назначение — оберегать интересы княжеского имения, окруженного крестьянскими мирами-вервями, враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа-феодала. Недаром феодал укреплял свое жилище и защищал себя суровыми законами. Крестьянские миры призваны нести ответственность за своих членов, и вполне понятно, почему в княжной «Правде» подчеркивается главным образом только эта сторона верви.

«Пространная Правда» начала XII в. знакомит нас с общественными отношениями еще глубже и дает нам возможность еще лучше всмотреться в организацию и функции верви. Она также свидетельствует о коллективной ответственности членов верви за убийство и вместе с тем разъясняет, что вервь не должна ничего платить, если труп, обнаруженный в ее пределах, не опознан. «А ко костех и оп мертвеци не платити верви, аже имене не ведають, ни знають его»².

Члены верви должны отвечать не только за убийство: «А оже будет расечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви и скати татя ли платити продажу»³. И здесь вервь обязана либо найти

¹ «Правда Ярославичей», Академический список, стр. 19.

² «Пространная Правда», ст. 19.

³ Там же, ст. 70.

преступника, либо возместить убытки собственника земли или испорченной вещи.

Разбойника вервь должна выдать вместе с женой и детьми на поток и разграбление. Этого раньше в «Правде Ярославичей» не было. Стало быть, на наших глазах усиливается ответственность отдельных семейств, идет отмежевание их от верви. Закон точно говорит в этой же статье: «за разбойника люди не платят»¹.

Наконец, в «Пространной Правде» мы имеем очень интересный институт «дикий виры», который говорит нам о том, что вервь в XII в. уже перестает помогать всем своим членам в платеже штрафов, а помогает лишь тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т. е. тем, кто вложил в предварительную «дикую виру». «Аже кто не вложится в дикую виру, тому людье не помогают, но сам платит»². Это говорит нам о том, что к XII в. члены верви перестали быть равными в своих правах, что среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных, которые могли противопоставить себя общине. Перед нами симптом разложения старой верви.

Совершенно с теми же функциями мы встречаемся и в польской общине (Gegenote). Она тоже отвечает за убийство, совершенное на ее территории. Здесь мы видим в сущности то же, что и в «Русской Правде», только тут с большей ясностью указывается на то обстоятельство, что община находится во власти феодала. Господин зовет к себе «Gegenote», он взыскивает «Schuld», и пр.³

В «Русской Правде» нет этой отчетливости, не обязательной как для ее редактора, так и для юриста-практика, поскольку им тут все было и без того ясно. Немцу, записывавшему «Польскую Правду» в чужой для него стране, многое было совершенно непонятно. Он должен был обращать внимание на все детали и записывать их для практических целей: немцу, овладевшему польской землей, необходимо было знать право подчиненного ему народа.

¹ «Пространная Правда», ст. 7.

² Там же, ст. 8.

³ Подробнее об общине по «Русской Правде» и «Польской Правде» см. *Б. Д. Греков*, *Крестьяне на Руси*, кн. 1, стр. 283 и сл.

Тем не менее и в «Русской Правде», если постараться извлечь из нее не только то, что там написано, но и то, что явно подразумевается, картина общественных отношений откроется с достаточной полнотой.

Она свидетельствует, на наш взгляд, о том, что значительная группа общинников не попала еще в частновладельческую зависимость и подчинена только государству. Этих «свободных» общинников, как и зависимых, она подразумевает под термином «смерд». Ст. 45 «Пространной Правды» гласит: «То ти уроци смердам, оже платять княжю продажу». Стало быть, не все смерды платят князю продажу, т. е. отвечают за себя, а только свободные. Зависимые смерды отсюда исключаются; они, как мы увидим, находятся в ином положении, определявшемся прежде всего взаимоотношением с феодалом.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что общинная организация, отраженная в письменных источниках XI—XII вв., была своего рода итогом длительного развития общины, берущей начало в родовом строе и продолжавшей свою жизнь в несколько модифицированном виде в раннефеодальном обществе. В древнейших дошедших до нас русских письменных памятниках мы видим развитие классового общества.

Земледельческая масса, организованная в общины, продолжает свое существование, но она под влиянием частной собственности на землю сильно изменила свою внутреннюю структуру. Члены общины ведут свое индивидуальное хозяйство. Дым, рало, плуг стали единицей, с которой члены общины несли свои повинности, чего не знала родовая община. Сельская община в освещении древнейших русских письменных памятников изображается находящейся под сильным воздействием государства: члены общины обложены податью (подымной, иначе поральной, или поплужной), по требованию власти они становятся в ряды войска, они обложены многими натуральными повинностями (подводная повинность, устройство дорог, построение крепостей и т. п.). Если налоги — дань выплачивал, как мы видим, отдельный общинник, то некоторые судебные штрафы, и, надо сказать, довольно высокие, вносила община. Это обстоятельство, на наш взгляд, должно привлечь внимание исследователей. Еще проф. Грацианский пришел к выводу, что «чрезмерная величина материальных взысканий

Варварских правд, совершенно непосильная для рядового крестьянского хозяйства, может быть объяснена только тем, что виры и пени возникли еще в родовом обществе и платились родом роду»¹.

Как мы видим, практика высоких материальных взысканий сохранилась в пользу феодализирующегося государства и не с родов, а с территориальной общины. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что в процессе феодализации «варварского» общества именно община, уходящая своими корнями ко временам родового строя, являлась не только «средством сопротивления» класса крестьянства натиску феодалов и в какой-то мере условием дальнейшего развития производительных сил, но и фактором, гарантирующим поступление высоких штрафов государству, т. е. фактором, обеспечивающим получение одного из видов феодальной ренты.

Однако положение общины в процессе феодализации, естественно, менялось. Нельзя не заметить, что община систематически осваивается растущей знатью, стремящейся расширить свои земельные владения за счет крестьянской общинной земли и превратить сидящее на ней земледельческое население в зависимых людей.

Такова историческая судьба общины в процессе становления феодализма в средневековой Европе вообще и у славян в частности. Восточному славянству, как мы видели, был известен период родового бесклассового общества; в процессе его развития родовая община сменилась общиной соседской, рядом с которой существовала и большая семья. Община, таким образом, не оставалась неизменной: начавшийся очень давно процесс выделения из нее более состоятельных верхов свидетельствовал о том, что община меняла свою внутреннюю структуру и вместе с тем меняла свое положение в социально-экономической и политической жизни всего общества.

Итак, восточному славянству, как мы видели, был известен период родового бесклассового общества; в процессе его развития родовая община сменилась общиной соседской, рядом с которой существовала и большая семья. Оценивая таким образом значение общины в истории нашей страны, мы должны отдавать себе отчет в том, что община не была национальной особенностью того

¹ «Историк-марксист», 1940, № 7, стр. 56.

или иного народа, как это тщетно пытались доказывать славянофилы разного толка, а что община явилась закономерным для всех народов этапом исторического развития, этапом, который в силу ряда конкретно-исторических обстоятельств был пройден различными народами далеко не в одинаковые исторические сроки.

§ 4. Феодалное землевладение в Киевской Руси и положение зависимого крестьянства в IX—XII вв.

Анализируя состояние древнерусской общины на поздних этапах ее развития, мы видим, что община оказалась тесно связанной с процессом феодализации древнерусского общества, с процессом возникновения класса землевладельцев-феодалов и класса зависимых от них крестьян-общинников.

Обычно принято думать, что древнейшая, недатированная, часть так называемой «Краткой Правды» не содержит в себе никаких данных об отношении отображенного там общества к земле, не говорит о феодальном землевладении. Если рассуждать формально, то это, конечно, так. Но, если мы вдумаемся в то, что говорит эта древнейшая «Правда», если мы попытаемся конкретно представить себе, как жили те люди, о которых она говорит, то мы едва ли сможем удовольствоваться обычными принимаемыми в нашей науке первыми внешними впечатлениями.

Несомненно, эта «Правда» говорит главным образом о «мужах», под которыми можно разуметь свободных людей — мужчин вообще, но нетрудно вскрыть тут также и дружинную, рыцарскую среду в обычном понимании термина. Тут мы имеем рыцаря-мужа с его неразлучным спутником — боевым конем и оружием, с которым рыцарь не расстаётся, наконец, с его одеянием. Что эти мужи существуют не со вчерашнего дня, видно из того, что в их среде успел вырасти и окрепнуть условный кодекс рыцарской чести, обычный в этой среде для всей Европы. Но мы прекрасно знаем, что западноевропейское рыцарство своими корнями уходит в землю. Его кормят крестьяне, сидящие на его земле, оно входит в состав класса землевладельцев-феодалов, землей оно

связано с деревней, с общиной, в каких бы отношениях оно к ней не состояло.

И, конечно, у всякого исследователя древнерусской жизни, естественно, возникает вопрос о том, как живут «мужи» древнейшей «Русской Правды». На этот вопрос наши исследователи отвечают по-разному либо вследствие неясности предмета предпочитают совсем на него не отвечать. Но мы должны согласиться с тем, что этот вопрос слишком важен, чтобы обходить его молчанием. Если состояние источников не позволяет нам ответить на вопрос точно, то мы не вправе игнорировать и неясные намеки этих источников. Они требуют комментария.

В древнейшей «Правде» в статье 13 читаем: «Аще кто поиметь чюжь конь, любо оружие, или порт, а познаеть в своем миру, то взяти ему свое, 3 гривны за обиду».

Поскольку здесь речь идет о тех же «мужах», интересы которых отображены в тексте этой «Правды», на что также указывает и перечень предметов (конь, оружие, порт), характерных именно для «мужей-рыцарей», на нас лежит обязанность объяснить, в какой связи находятся «мужи» и «миры».

Тут есть стороны дела совершенно ясные и несомненные, а также такие, о которых источник прямо не говорит и относительно которых можно делать лишь более или менее обоснованные предположения: 1) мир — это, несомненно, община — вервь; 2) община имеет определенные границы, которые учитываются законом при разыскивании пропавших вещей; 3) тот, кто ищет свою пропавшую вещь, т. е., по нашему предположению, муж-рыцарь, связан со «своим миром»; это хотя и предположение, но его нетрудно обосновать.

В чем именно выражается эта связь, мы из данного текста не видим, но что она есть, это ясно, потому что мир по отношению к «мужу» называется в «Правде» его миром, т. е. тем миром, с которым он связан, в котором, по всей видимости, он и живет.

Мне думается, что до некоторой степени помочь нам в разрешении загадки могут и другие статьи той же «Правды». Ст. 17, хотя она и не одновременного с первыми статьями происхождения, говорит о господине, владеющем «хоромами», в которых скрывается ударивший «свободного мужа» холоп. Этот господин достаточно силен, чтобы оказать сопротивление тем, кто разы-

скивает скрывающегося холопа. Перед нами встает вопрос о том, где стоят эти хоромы, где живет их господин.

Можем ли мы игнорировать здесь наличие миров-общин?

Думаю, что самая простая гипотеза, способная помочь уяснению конкретного смысла этих статей, заключается в том, что «господин» и «муж» — это два термина, которые могут обозначать одно и то же понятие, что все действие происходит на территории «мира», т. е. в общине.

В городе или в деревне — это в данном случае не столь важно, потому что города, кроме нескольких наиболее крупных, в это время еще не совсем обособились от «мира». Город в «Пространной Правде» не случайно сопоставляется с хоромами («А кто сам своего холопа досочится в чьем любо городе или в хороме...» — гласит статья 114 Карамзинского списка¹). Возникает вопрос — что это за хоромы, где может найти себе убежище укрывающийся от преследования холоп, хоромы, сопоставляемые с городом, т. е. в данном случае с укрепленным пунктом.

Самый простой ответ на этот вопрос будет тот, что хоромы-грады — это укрепленные места, принадлежащие определенным владельцам. На это указывает, — правда, несколько позднее — известие «Повести временных лет» о княжеских усадьбах — градах, конечно, возникших раньше, чем упоминание о них попало в «Повесть».

Князь Владимир Святославич, устанавливая после принятия христианства десятину на содержание киевской Десятинной церкви, распорядился давать десятину «от имения своего и от град своих». Что нужно понимать здесь под термином «град», совершенно точно разъясняет «Повесть временных лет», называя Вышгород, т. е. подгородный княжеский замок-вотчину, градом («бе бо Вышегород град Вользин»).

Делаются понятными и сопоставление хором с городом, и возможность для укрывающегося от преследова-

¹ Хотя есть основание думать, что Карамзинский список является компилятивным, но чтение «в храме» встречается также и в одной редакции «Пространной Правды», имеющей, несомненно, архаические черты (Археографический II список, стр. 114, акад. изд. Ср. С. В. Юшков. Руська Правда, Киев 1935, стр. 152, ст. 100).

ния найти в хоромах убежище и попытка хозяина хором не выдавать его. Подобные попытки, очевидно, были часты, если особая статья очень лаконического закона специально о них заговорила.

Если это так, а иначе едва ли можно понять эти статьи, то мужи древнейшей «Правды», не случайно изображенные здесь всегда вооруженными (даже во время пиров), всегда готовыми обнажить меч, всегда готовыми выступить на защиту своей кастовой чести, понятие о которой уже совершенно ясно успело оформиться,—не кто иные, как владельцы укрепленных хором-градов, где живут они сами, окруженные своей челядью, обязанной их кормить, обувать, одевать, а в случае необходимости и защищать. Хоромы-грады—это то же, что двор средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке.

Итак, наиболее вероятное объяснение ст. ст. 13 и 17 древнейшей «Правды» позволяет нам представить себе дело так: мужи-рыцари связаны с мирами-общинами, живут на их территории, где и стоят их крепко сложенные хоромы, способные защищать своего хозяина и делающие его, по выражению более позднего памятника, «гордым и буйным» и для окрестного населения опасным.

Опасность была весьма реальной, потому что в конечном счете этот владелец замка-хором подчинял себе сельское окрестное население, превращая его в своих подданных.

Таким образом, в дошедших до нас письменных источниках, мы имеем дело с обществом классовым, уже прошедшим значительный исторический путь. Об этом говорят «Русская Правда», летопись, договоры с греками и т. д. Мы уже видели, что в древнейшей части «Русской Правды» отчетливо выступают «мужи», связанные с землей и эксплуатирующие зависимых от них людей. О наличии устойчивых форм феодального землевладения говорят и другие источники. Когда в 911 г. был подписан договор между Русью и Византией, со стороны Руси договор заключали князь Олег и знать, т. е. находившиеся «под рукою его» князь и бояре. Часть этой знати договор 944 г. перечисляет поименно: от великого князя русского Игоря посылается в Константинополь уполномоченный посол—Ивор, от сына Игоря князя

Святослава — Вуефаст, от жены Игоря княгини Ольги — Искусев, от племянника князя Игоря — Слуды, от боярина Володислава — Улеб, от Предславы (очевидно, вдовы боярина) — Каницар, от Сфандры, жены Улеба, — Шихберн и т. д. Свита княгини Ольги, сопровождавшая ее в 957 г. в Константинополь, была составлена по тому же принципу.

✓ Очень важные подробности сообщают договор 944 г. и греческое описание посольства княгини Ольги 957 г. Русская знать отправляет в Византию своих уполномоченных, у которых имеется собственная свита, следовательно, сами уполномоченные также люди влиятельные, но уполномочивают их еще более богатые и знатные люди. Особенно характерно в этом отношении то, что женщины-вдовы также посылают своих уполномоченных. Очевидно, у перечисленных в договоре вельмож и, надо предполагать, у жен и вдов знати имеются свои дворы с усадебной оседлостью, хозяйственными постройками, землей, обрабатываемой руками челяди, известное количество военных и невоенных слуг, живущих за счет своего хозяина. От этих крупных боярских фамилий и посылались представители для заключения договоров с греками. В случае смерти боярина во главе семейного дома (двора, замка) становилась его вдова. Она также посылала своего представителя в Византию. Все это говорит об устойчивости крупных земельных владений, переходивших от отцов к женам и детям, об организованности этих дворов, собиравших под властью своего хозяина значительные людские массы. Становятся понятными также упоминания в «Повести временных лет» о замке княгини Ольги в Вышгороде, об ее селах, среди них — о селе Ольжичи, принадлежавшем, как говорит летописец, именно княгине Ольге¹.

В Новгороде князь также владел землей. Указания на это относятся лишь к самому началу XI в., но, несомненно, так было и в IX в. В 1015 г. упоминается княжеское село Ракома под Новгородом. Оно, конечно, «окняжено», т. е. было захвачено князем, значительно раньше. Мы имеем в летописи шесть упоминаний о княжеских селах в X в.

¹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. I, вып. 1, Л. 1926, стб. 60.

Там, где земледелие было главным занятием населения, боярин заводил небольшое, обслуживаемое челядью хозяйство, так как оно было рассчитано на удовлетворение непосредственных нужд хозяина и его двора. Рынок совсем не требовал сельских продуктов, либо требовал их в очень ограниченном количестве. Главный продукт питания русских людей не только в IX в., но и в предыдущих веках — хлеб — произрастал на земле, принадлежавшей общинам или отдельным собственникам и прежде всего князьям и окружавшей их знати. Эта же знать питалась и мясом собственных домашних животных и птиц; солодовое пиво, упоминаемое в «Русской Правде» наряду с домашним скотом и птицей, также приготавливалось в их собственных хозяйствах. Знать кормилась от своих имений, приобретая значительную часть богатств также на войне.

Киевский князь Владимир Святославич говорил: «Дружиною налезу (добуду.— Б. Г.) серебро и золото, якоже дед мой и отец мой доискася дружиною золота и серебра»¹. Дед и отец Владимира — Игорь и Святослав — действительно добыли с дружиной много ценностей. Игорь даже заплатил жизнью за свою чрезмерную алчность. Князья и другие феодалы брали, конечно, не только золото и серебро, но и все, что было легко превратить на византийских рынках в золото и серебро. Ценности поступали к князьям и дружине не только в виде военной добычи, но и путем взимания наложенной на народ и узаконенной государством дани.

Дань собирали прежде всего, конечно, князья, но не только они. Князья предоставляли право сбора дани также боярам, например, князь Игорь, а потом и Святослав — Свенельду: «И примучи (Игорь.— Б. Г.) Угличе и возложи на ня дань, и вдасть Свенельду, и дасть же дань деревьскую Свенельду; и имаше по черне куне от дыма». Дружина князя Игоря находила, что для одного мужа это даже слишком много («и реша дружина Игоревы: «се дал еси единому мужеву много»)»². Очевидно, князья давали это право и другим мужам своих дружин,

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 126.

² Цитата дана по восстановленному А. А. Шахматовым тексту «Разыскания о древнерусских летописных сводах». СПб. 1908, стр. 543—544.

на что и намекает «Повесть» в рассказе о легендарном князе Рюрике, который якобы «раздая мужем своим грады».

Несмотря на наличие определенных единиц обложения и норм сбора дани («по беле и веверице от дыма», «по черне куне», «по щяльгу», «От Новагорода гривен 300 на лето»), размеры ее зачастую определялись аппетитом сборщика и терпением плательщиков. Кроме того, в определении размера дани не было единообразия: сумма дани с Новгородской земли определялась, исходя из предположения, что новгородские правители будут собирать эту сумму сами, согласно установившимся у них обычаям; за радимичами была оставлена такая же дань, какую они платили хозарам, когда находились под их властью («...и вдаша Ольгови по щяльгу, якоже и козаром даяху»); на северян же была наложена дань, облегченная по сравнению с той, какую они платили хозарам: «возложи (Олег) на нь дань легку»¹ и т. д.

В середине X в. княгиня Ольга провела в этой области реформу. Под 946 и 947 гг. в «Повести временных лет» по этому поводу имеется очень важное сообщение. Ольга с дружиной объездила значительную территорию с явной целью «установления» своей земли. Она «устанавливала» «уставу», «уроки», «оброки» и «дани», намечая при этом «становища» и «погосты» — административно-финансовые центры сбора платежей в пользу государства и лиц, получавших от власти право на эти сборы². В этих «становищах» и «погостах», несомненно, предполагалось пребывание представителей княжеской власти, подобных Свенельду.

Князья являлись землевладельцами, окружавшая их знать — бояре — не отличалась от князей в этом отношении. Стала выработываться практика пожалования государственной властью земли представителям растущей феодальной знати.

Очень интересен в этом отношении факт, записанный Нестором в его «Житии Феодосия Печерского». В самом начале XI в., когда Феодосий был еще ребенком, отец его, очевидно, находившийся на службе у киевского князя, из г. Василева был по распоряжению князя

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 24.

² Там же, стб. 59—60.

(«князю тако повелевшую») переведен в Курск. Здесь на новом месте у него оказалось имение¹. Нет ничего невероятного в том, что именно князь обеспечил своего слугу землей на месте его новой службы.

▼ Первый известный нам факт пожалования земли в полную собственность относится лишь к середине XI в., но из рассказа об этом видно, что это было далеко не первое пожалование такого рода. Киево-Печерскому монастырю понадобилась для стройки земля над пещерами. Монахи, зная, что без княжеского пожалования землей пользоваться нельзя, обратились с соответствующей просьбой к князю Изяславу. Князь охотно согласился исполнить их просьбу и «посла к ним боярина своего, дать им гору ту»². ~~Ясно~~, что уже давно успели выработаться правила юридического оформления сделок подобного рода. Есть основание думать, что и Владимир Святославич жаловал земли церковным учреждениям.

Итак, на Руси оформилась и развивалась феодальная собственность на землю.

Развитие частной, в том числе и феодальной, собственности есть объективно закономерный экономический процесс развития способа производства. «Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития сношений, следовательно, по экономическим причинам»³. Это необходимый экономический процесс, результат непрекращающегося роста производства, а вместе с ним и производительности труда.

Княжеские соратники — дружинники в IX—X вв. составляли преобладающий слой феодальной знати, но рядом с этими людьми в наших источниках стоят «старцы градские», или «старейшины». Это тоже знать, но местная, ведущая свое происхождение от родовых старшин⁴. Иногда их называют, в отличие от княжеских бояр, боярами земскими. Владимир Святославич на свои

¹ «Патерик Киевского Печерского монастыря», СПб. 1911, стр. 16.

² Там же, стр. 13.

³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 152.

⁴ П. Н. Третьяков, Древлянские «грады». «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», М. 1952, стр. 67—68.

пиры созывал «...бояры своя и посадники (и) старейшины по всем градом»¹. В церковном уставе Ярослава (XI в.), правда, дошедшим до нас в списках не ранее XV в., упоминаются бояре большие и меньшие, «нарочитые» городские люди и сельские люди, или «простая чадь». Социальное различие между этими группами можно определить на основании существовавшей системы штрафов за оскорбление представителей этих групп: 250, 150, 22¹/₂ и 17¹/₂ гривен кун².

✓ К высшим слоям общества надо отнести и богатых купцов, которые, вероятно, в церковном уставе Ярослава подразумевались под термином «городские нарочитые люди». В договорах с Византией ясно обрисовано их положение. Они стоят на втором после бояр плане, имеют при себе не золотые, а серебряные печати, в сношениях с греками играют, по сравнению с князем и боярами, роль второстепенную.

Различные группы господствующего класса создавались веками. Сохранившиеся источники X в. подытоживают длительный исторический процесс формирования господствующего класса.

Если для IX—X вв. имеются лишь указания на существование крупных вотчин, княжеских, а следовательно, и боярских, то «Правда Ярославичей» (середина XI в.) рисует крупную вотчину с достаточной полнотой. Есть основания предполагать, что «Правда Ярославичей» составлена «по Ярославе», т. е. непосредственно после его смерти (через несколько лет эта формулировка уже не имела бы смысла), в 50-х годах XI в., и включает в себе изменения в наказаниях за убийство, «а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша»³. Стало быть, при характеристике организации княжеского имения можно пользоваться «Правдой Ярославичей» и для времени Ярослава. «Правда Ярославичей» посвящена прежде всего именно этому предмету, что само по себе весьма показательно для данного этапа в развитии общественных отношений. Несомненно, сыновья Яро-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 125.

² «Памятники русского права», вып. 1, М. 1952, стр. 259; Н. И. Хлебников, Общество и государство в домонгольский период русской истории, СПб. 1872, стр. 106.

³ «Правда Русская», т. I, М.—Л. 1940, ст. 2, стр. 186.

слава — Изяслав, Святослав и Всеволод — со своими боярами специально собирались для составления «Правды», которая главной своей задачей имела защиту интересов крупных землевладельцев против возможных посягательств со стороны крестьян; поэтому вполне понятно, почему в уставе детей Ярослава изображается крупная (в данном случае княжеская) вотчина.

В центре вотчины стоял «княж двор», где, кроме княжеских хором, находились жилые помещения для челяди, обслуживавшей княжеское хозяйство. На обязанности начальника двора («огниша») — «огнищанина» (северный термин, имеющий и более широкое значение: член княжеской старшей дружины, боярин) лежала охрана имущества землевладельца. Рядом с огнищанином названы сборщик платежей, причитавшихся князю-вотчиннику с населения вотчины, начальник конюшен, далее идут старосты — «сельский и ратайный». Один, по-видимому, обязан был следить за селами, входившими в состав вотчины, другой — наблюдать за барской пашней, строго ограниченной межами, нарушение которых каралось высоким взысканием (12 гривен).

* *
*

Рост феодальной земельной собственности связан с обращением в феодальную зависимость непосредственных производителей материальных благ. В этом и состоит значение феодальной земельной собственности как основы феодализма, т. е. системы производственных отношений, основанных на эксплуатации собственниками земли непосредственных производителей материальных благ.

Непосредственные производители разными путями попадают в зависимость от людей богатых и знатных.

Первое упоминание об эксплуатируемой части населения мы находим под термином «челядь» в договорах Руси с греками. Этот же термин упоминается и в древнейшей «Русской Правде». Термин «челядь» связан со словом «челядо», которое еще в XVI в. означало «сын», «ребенок» и «челядин» — холоп, раб. По-видимому, термин «челядь» (равно как и «чадь», отсюда «чадо», «домочадец») возник в очень отдаленные времена, тогда он покрывал собой и пленных рабов и слуг и младших

членов одной патриархальной домашней общины (большой семьи). Позднее термин «челядь» закрепляется за патриархальными рабами, игравшими в хозяйстве своих знатных господ различную роль — от привилегированных слуг до рядовых, выполнявших самые тяжелые работы.

Челядь захватывали во время войн и набегов, челядинами становились также в результате продажи и закабаления. Постепенно господствующая знать переходит от эксплуатации челяди к более интенсивному закабалению и эксплуатации общинников, и тогда старый привычный термин «челядь» начинает применяться и к новым категориям зависимого населения.

Понятие челяди изменяется. Показательно, что в древнеславянских переводах библейских и евангельских текстов XI—XII вв. термину «челядь» уже ни разу не соответствует понятие «раб». Поскольку переводчики Библии стремились к максимальной точности, мы должны серьезно считаться с этими фактами, имеющими подтверждение и в русских источниках. Следовательно челядь в XI в. — это все слуги, эксплуатируемые богатым человеком.

Впрочем, этот старый термин скоро перестает соответствовать новым общественным отношениям и выходит из употребления. Появляются новые слова для обозначения более дифференцированного состава непосредственных производителей, обязанных работать на хозяина.

Перечень основных непосредственных производителей, обслуживавших своим трудом вотчину и доставлявших хозяину все необходимое, мы находим в «Русской Правде». Это холопы рядовичи и смерды — рабочая сила, унаследовавшая некоторые черты старой челяди и в то же время ее заменившая. Форма эксплуатации этих зависимых людей в значительной степени — примитивная отработочная рента. В отношении смердов существовала, по-видимому, смешанная форма эксплуатации: отработочная рента и рента продуктами.

Холопы — это категория подневольных людей, обязанных работать на своих господ, существовавшая в русском феодальном хозяйстве и в XI и XII вв. и позднее. Но, как мы видели, холопы не были главной производительной силой на Руси. Рабский труд постепенно

и систематически вытеснялся более прогрессивным трудом людей зависимых и крепостных. Тенденция сократить источники рабства видна, например, в комплексе статей «Русской Правды» под общим заголовком «О холопстве». Обельным (полным) холопом делается человек купленный, женившийся на рабе или поступивший в тиуны или ключники «без ряду» (без договора). Закон предоставлял возможность заключать в таких случаях договоры, гарантировавшие за договаривающимися сохранение свободы. Купля раба тоже должна была обставляться формальностями, неисполнение которых делало куплю недействительной. Закон категорически запрещал обращать в рабство за хлеб или за деньги, взятые в долг. Только «обельное холопство» соответствует понятию раба. Обычное холопство — это состояние зависимости, но не рабского характера¹.

▼ Под рядовичами разумеются люди, попавшие в экономическую кабалу, юридически оформленную особым договором — «рядом» — и на основании этого договора работающие на хозяина. В «Пространной Правде» (XII в.) подробно говорится об одной из категорий рядовичей, ролейных закупах — людях, не имевших своих средств производства, получавших от хозяина небольшой участок земли (отарица) и небольшую сумму денег (купа), которая, по-видимому, подлежала возвращению в случае ухода закупа от хозяина, а также плуг, борону и право пользоваться хозяйским конем. Закуп работал на земле своего господина, уйти от которого без разрешения не мог. Господин имел право подвергать его телесному наказанию; бежавший от хозяина закуп превращался в холопа. Однако закуп не приравнивался полностью к холопу: господин лишался всяких прав на него, если обращался с ним, как с холопом. Другие нарушения господином условий договора: произвольное изменение выданной при заключении договора суммы денег, уменьшение данного участка земли, побои, причиненные в пьяном виде или не «про дело», также считались наказуемыми. Термин «закуп» впервые встречается в «Правде» начала XII в., но под общим названием «рядовича» институт закупничества, несомненно, существовал и в более раннее время. В случае смерти рядовича

¹ «Правда Русская», т. I, ст. 110, стр. 116—117.

его обязательства переходили на его семью. К рядовичам по своему положению приближались люди, поступавшие в феодальную зависимость на срок, за «милость» хлебом или деньгами.

✓ Работали на феодалов и другие категории населения: отпущенные на волю холопы, которых называли то «изгоями», то «пущенниками». Зависимость всех этих людей от своих господ — не рабского, а крепостного характера.

Именно этих закрепощенных крестьян древнерусского общества имел в виду В. И. Ленин, когда говорил, что крестьянин вынужден был идти в кабалу к богатому землевладельцу еще во времена «Русской Правды». «...землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»...»¹ «И «свободный» русский крестьянин, — указывал В. И. Ленин, — в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!»²

Наиболее сложным и запутанным в науке является вопрос о смердах. Как уже отмечалось, смерды — это крестьяне-общинники. Они имели необходимые для производства орудия, владели участками земли и вели собственное хозяйство.

С течением времени, когда вся земля была объявлена собственностью великого князя, феодального государства, крестьянин-смерд разными путями стал попадать в зависимость от крупных землевладельцев. В «Правде Ярославичей», датируемой серединой XI в., смерд в числе зависимых от вотчинника людей стоит в одном ряду с холопом и рядовичем. Его жизнь, так же как и жизнь холопа и рядовича, оберегается штрафом в 5 гривен, которые идут в пользу хозяина как возмещение понесенных им вследствие убийства смерда убытков (штраф за убийство свободного мужа был выше в 8 раз, за знатного человека — в шестнадцать раз, чем за смерда). После смерти зависимого смерда, не имевшего мужского потомства, его имущество переходило хозяйну (право «мертвой руки»).

Это «право», хорошо известное для всей средневековой Европы, является важным показателем феодальной

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 170.

² В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 237.

зависимости непосредственных производителей. В частности, аналогичную статью о наследовании имущества бездетного крестьянина мы имеем в «Польской Правде». Зависимость крестьянина по этим двум «Правдам» одинакова. Одинакова и судьба, по крайней мере в основных чертах, польского и русского крестьянина. Параллельный процесс шел не только в этих двух смежных славянских странах, а во всей Европе. Если челядь как основной контингент эксплуатируемой в барской вотчине рабочей силы имела в той или иной форме тенденцию к постепенному исчезновению, то эксплуатация непосредственного производителя, сидящего в деревне на своем участке земли, интенсивно развивалась. Главный интерес феодалов переключался все больше и больше на освоение новых пространств земли и на увеличение количества подданных. Эти тенденции дали себя в совершенно четкой форме знать уже в XIII—XIV вв. Тогда и отношение земледельца к вопросу о наследовании после бездетных смердов существенно изменилось. Но едва ли есть основания сомневаться в том, что в XI и XII вв. и каждый русский феодал-землевладелец, не только князь, наследовал имущество своего крестьянина, не имеющего сыновей.

Все зависимые от вотчинника люди, включая и администрацию, находились под юрисдикцией своего господина, без разрешения которого никто не имел права их судить.

Наряду с княжеским и боярским землевладением росло и землевладение церковное. В вотчинах церковных феодалов, так же как и в княжеских и боярских феодальных владениях, работали зависимые крестьяне-смерды. Так, жалованная грамота князя Мстислава Владимировича киевского и его сына Всеволода Мстиславича, князя новгородского (около 1130 г.) представляет собой акт передачи новгородскому Юрьеву монастырю села Буйце с данью, вирами и продажами¹ (т. е. с правами судебного и податного иммунитета). Обладание этими правами позволяло земельному собственнику — церковнику господствовать над непосредственными производителями.

Очень важно отметить, что княжеская вотчина, как и всякая другая (боярская или церковная), продолжала

¹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (далее — ГВНиП), М.—Л. 1949, № 81, стр. 140—141.

непрерывное наступление на крестьянскую общину. Луга, леса, воды находились в общем пользовании общины и крупного вотчинника, и община постоянно сталкивалась с крупным барским хозяйством то как поставщик рабочей силы, то как угроза растущим притязаниям землевладельцев-феодалов.

Крестьянская община по опыту знала, что крупный феодал несет ей стеснение и разорение, и поэтому не могла не реагировать по-своему на надвигавшуюся опасность. Крестьянин-общинник выражал свой протест против феодального гнета не только путем стихийных массовых движений, но и в форме повседневной борьбы.

Обращаясь к содержанию «Правды Ярославичей», мы сразу попадаем в атмосферу классовой борьбы между смердами и феодалами. Действительно, эта классовая борьба выступает и в охране повышенным (восьмидесятигривенным) штрафом жизни представителей феодальной знати, и в ответственности всей крестьянской общины — верви за их убийство, и в предании смерти («во пса место») убийц «огнищан» при охране ими феодальной собственности («у клети, или у коня, или у вовада, или у коровье татьбы»). Наличие острой социальной вражды заметно в репрессии Изяслава в отношении дорог-бужан, убивших его конюха, в разветвленной шкале штрафов за убийство вотчинной администрации (княжеского «тиуна», «ролейного» и «ратайного» старост и т. д.). Классовая вражда проявляется во вредительстве в отношении княжеского скота, в массовых хищениях имущества феодалов, в поджогах и «изуродованиях» княжеских бортей, в нарушении прав земельной собственности, в «переорании» меж и уничтожении «перетесов».

В «Правде Ярославичей» речь идет о покражах скота из хлева и на поле, ограблении хлеба из клети, птицы из «перевесов», сена. При этом имеются в виду не только единичные случаи хищений, а и массовые «грабежи», в которых участвует по 10—18 человек и которые караются повышенными штрафами.

В условиях феодальных отношений XI в. все эти виды правонарушений, внимательно перечисленные «Правдой Ярославичей», являлись формой активного протеста зависимой сельской бедноты, а также лично свободных смердов, которым грозило закабаление, против социаль-

ного неравенства, все более обострявшегося в связи с углублением процесса феодализации¹.

Русские летописцы мало касаются настроения и поведения крестьянства. Их интересуют больше всего огромные успехи Русского государства и подвиги государственных деятелей. Только в отдельных случаях в летопись проникают отголоски народных будней, иногда приобретающие грозный для привилегированных классов смысл.

Неудивительно поэтому, что в единственном источнике, имеющемся в нашем распоряжении,— «Повести временных лет», от которого мы только и могли бы ждать сообщений о том, как реагировал крестьянин на нарушавшие его привычный уклад новшества, мы так мало находим материала по крестьянским движениям. Но он все же есть, и нам необходимо с ним познакомиться.

В Лаврентьевской летописи под 1024 годом имеется запись: «В се же лето вос таша волови в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. (Изобилие.— *Ред.*). *Бе мятеж велик* (курсив мой.— *Б. Г.*), и голод по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито и тако ожиша»².

Под 1026 годом, где повествуется об окончании войны между Ярославом и Мстиславом, летописец делает заключение: «и уста усобица и *мятеж* (курсив мой.— *Б. Г.*) и бысть тишина велика в земли»³. Если термином «усобица» обозначается обычно феодальная война, то под словом «мятеж» всегда понимается народное движение, направленное против власти и господствующих классов.

Мы прекрасно знаем, что протест народных масс против гнета принимает форму «мятежа» в моменты, когда по тем или иным причинам обостряются отношения между классами. Голод — одна из таких причин. Кроме голода, мы видим в данном случае и другую причину. Это — длительная борьба сначала между Ярославом и Святополком Окаянным, наводившим на Русь поляков

¹ См. «Правда Русская», т. I, стр. 19—24, 26, 28, 31, 32, 34—40; Л. В. Черепнин, Русская Правда (в краткой редакции); Л. В. Черепнин, Летопись как источник по истории классовой борьбы. «К 70-летию Б. Д. Грекова», М. 1952, стр. 93—94.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 147—148.

³ Там же, стб. 149.

и печенегов, потом между Ярославом и Брячиславом половецким и, наконец, между Ярославом и Мстиславом. Этот тяжелый для Руси период тянулся десять лет и закончился именно в 1026 г.

Движение киевлян в 1068 г. против Изяслава Ярославича в основном было движением городских масс. Но не только в XI в., а и позднее отделить городскую народную массу от сельского населения трудно. Необходимо допустить, что и в этом движении принимало участие сельское население, подобно тому, как это, несомненно, было и в 1113 г. в Киеве.

Не случайно в конце 60-х годов¹ прибыл в Киев волхв, может быть, даже из Суздальской земли, где, очевидно, их было больше, чем в Поднепровье, в это время более глубоко христианизированном. Волхв и сюда явился «прельщен бесом». Он стал агитировать среди общественных низов.

Так было и в Ростовской земле и в Новгороде.

Особенно интересны ростовские события. С первого взгляда они вызывают подозрение. Не есть ли это то самое событие, которое описано летописцем под 1024 годом? Тот же голод, те же волхвы, действующие по наущению бесов на смердов. Но если всмотреться в рассказ ближе, то нетрудно будет заметить и разницу, позволяющую считать излагаемые тут ростовские события новыми, имевшими место в конце 60-х годов или в самом начале 70-х годов XI в.² Во первых, рассказ относится не к Суздалью, а к Ростову, во-вторых, он упоминает князя Святослава Ярославича, что говорит во всяком случае о времени после 1054 г.

В Ростовской области волхвы стали во главе движения смердов тоже во время голода. Они и здесь повели крестьянскую массу против «лучших», т. е. богатых людей, не только имеющих достаток во время голодовки, но и якобы скрывающих пищевые продукты (жито, мед, рыбу). Богатых людей убивали, имущество их брали себе.

Тут же летописец рассказывает и о «мятеже», поднятом волхвом в Новгороде. И здесь волхв агитировал

¹ В «Повести временных лет» под 1071 г. записано: «В си же времена...», т. е. без точной даты.

² Автор «Повести временных лет» не датирует и этих событий, а пишет: «Бывши бо единою (т. е. однажды.— Б. Г.) скудности в Ростовстей области»... (ПСРЛ, т. I, вып. I, стб. 175).

среди Масс, главным образом городских, но здесь необходимо допустить и присутствие сельского населения.

Волхв агитировал против христианства, за старую, языческую веру. За христианство стали только князь Глеб и его дружина¹. Секрет именно такого разделения идеологических симпатий объясняется в значительной степени тем, что народные массы с новой религией связывали перемены, происходящие в их хозяйственном и правовом положении: князья и их окружение, т. е. наступающая на старую крестьянскую общину сторона, освящали свое поведение новой религией, между тем как волхвы отстаивали старину, при которой смерд чувствовал себя свободно.

Волхв оперировал снова в Ростовской земле в 1088 г., но, по-видимому, без успеха. В Новгородской IV летописи отмечается этот факт глухо и дается лаконическое сообщение, что волхв «вскоре погыбе»².

Последний раз упоминаются волхвы как опасный для существующего строя элемент под 1227 г. в Новгородской I летописи, где сообщается о том, что в Новгороде на Ярославском дворе были сожжены четыре волхва³. В чем их обвиняли, остается неизвестным. Их судили и казнили в Новгороде, откуда мы можем сделать вывод, что их деятельность протекала в Новгородской земле.

Очень интересно отметить, что одновременно с движением смердов на Руси происходили такие же движения крестьян в соседней с Русью Польше, причем и там и здесь под знаменем защиты язычества. Польские источники датируют эти события 1034 и 1077 гг.⁴

В самом крупном движении — в Киеве в 1113 г. — волхвы уже участия не принимали. Оно было проведено низами городского киевского общества при самом активном участии сельского крестьянского населения. Это движение интересно прежде всего в том отношении, что созрело в народной массе и протекало без участия волхвов, имело более четкую и конкретную цель и ставило определенные требования, на которые и вынуждена

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 181.

² Там же, стб. 214.

³ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л. 1950, стр. 65.

⁴ Г. Шмитт, История польского народа, т. I, СПб. 1864, стр. 38, 49, 50. А. Н. Цыпин и В. Д. Спасович, История славянских литератур, т. II, СПб. 1881, стр. 457.

была откликнуться власть в лице крупного политика — Владимира Мономаха.

Это движение кратко описано в Ипатьевской летописи. Оно вспыхнуло на другой день после смерти Святополка. Святополк делал все, чтобы возбудить против себя киевскую народную массу. Его вдова, по-видимому, ожидала народного взрыва и пыталась предотвратить его невиданной щедростью. Это не помогло: утром 17 апреля (Святополк умер 16 апреля) «совет сотвориша Кияне послаша к Володимеру, глаголюще: «пойди, княже, на стол отен и деден». Обращение именно к Владимиру Мономаху было знаменательным само по себе. Владимир Мономах был хорошо известен как сторонник целостности Руси, как враг тех, кто во имя своих личных интересов готов был пожертвовать государственным единством, т. е. феодальной знати.

Владимир Мономах от предложения отказался. Последовало второе обращение к Владимиру. Тогда он согласился. «И вшед утоли мятеж и голку в людех», как изображает следствие прибытия Мономаха в Киев «Сказание о Борисе и Глебе»¹.

«Мятеж и голка в людех» — это достаточно широкое определение массового движения, куда можно включить не только горожан, но окрестных сельчан, всегда так или иначе связанных с городом.

Но у нас есть более убедительные доказательства тому, что мы имеем здесь движение, охватившее и город, и деревню. Доказательством этого является законодательство Владимира Мономаха. Чем, какими средствами «утолил» Мономах мятеж? У нас нет точного ответа на этот вопрос. В Ипатьевской летописи об этом сказано слишком кратко. «Володимер Мономах селе Киеве в неделю... и вси людье ради быша, и мятеж влеже». «Русская Правда» дает для ответа на наш вопрос гораздо больше.

Непосредственно по прибытии в Киев, так как киевские события не допускали промедления, Владимир Мономах собрал совещание, которое, несомненно, занималось рассмотрением мероприятий по ликвидации народного движения. Ясно, что, кроме мер репрессивных, Вла-

¹ И. И. Срезневский, Сказания о святых Борисе и Глебе, СПб. 1860, стр. 86. См. также М. Н. Тихомиров, Исследование о «Русской Правде», М.—Л. 1941, стр. 209—210.

димир прибег к средствам иного характера: он вынужден был учесть требования народных масс, как городских, так и деревенских. Вот тут мы и имеем доказательства того, что движение охватило и город, и деревню.

Если город страдал главным образом от гнета ростовщиков, то сельское крестьянское население — от притеснений феодалов-землевладельцев. Закон, созданный на этом совещании, ответил на нужды и городских и деревенских угнетенных масс.

Если мы будем руководствоваться не формальными признаками, а содержанием той части «Русской Правды», которая озаглавлена «Устав Володимерь Всеволодича», то нам станет ясно, что 1) эта часть «Правды» (в основном, конечно, позднейшие вставки возможны и даже неизбежны) действительно относится ко времени Владимира Мономаха, 2) она проникнута единой мыслью и, несомненно, связана с событиями 1113 г.

Следы революционного происхождения законодательства о должниках, закупах и холопах очень заметны. О должниках говорить много не приходится: закон до прозрачности ясен. Что касается закупов, то совершенно очевидно, что законодатель здесь пошел навстречу требованиям деревенского простого люда, страдавшего от произвола богатых землевладельцев. Холопы были и в деревне, и в городе. Положение их тоже было облегчено, и это служит доказательством, что в движении 1113 г. принимали участие и холопы.

Итак, едва ли у кого-либо может остаться тень сомнения в том, что Киевская Русь знает крестьянские движения как форму протеста сельского населения против тяжести своего положения. Это чисто феодальные народные движения, известные во всех европейских странах.

По мере роста городов, усиления городских вечевых собраний инициаторами народных движений делаются массы городского населения, за которыми идет и деревня.

II. КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА РЕНТЫ ПРОДУКТАМИ

§ 1. Предварительные замечания

Процесс дальнейшей феодализации Руси был ознаменован расширением и упрочением феодального землевладения, вовлечением все более широких слоев крестьянства в зависимое от феодалов состояние, развитием городов, торжеством феодальной раздробленности в стране. Хотя этот новый этап в истории Руси был временем постоянных междоусобиц и разорительных феодальных войн, был периодом ослабления обороноспособности страны в целом, тем не менее данная эпоха принесла существенные сдвиги в процессе феодализации русского общества, в дальнейшем развитии производительных сил, в укреплении феодального хозяйства, в эволюции государственно-правового строя русских земель.

1. Уменьшалось количество свободных крестьян-общинников (свободное крестьянство полностью не исчезло в России никогда и дожило во многих местах до 19 февраля 1861 г.).

2. Увеличивалось количество зависимого крестьянства.

3. Удельный вес старого барщинного хозяйства падал по сравнению с ростом доходов с оброчных сел и деревень.

4. В связи с этими переменами менялось и экономическое и юридическое положение крестьянства, появлялись новые категории зависимого крестьянства.

5. Усиление государственного аппарата делало ненужным непосредственное наблюдение и принуждение,

характерное для прежнего периода, и тем самым ставило зависимого крестьянина в новое положение по отношению к владельцу и государству.

Изменения в базисе сопровождались серьезными сдвигами в политической жизни страны. Развитие феодальных отношений в отдельных ее областях привело в XII в. к распаду Киевского государства на ряд самостоятельных княжеств. В результате военные силы русского народа, какими располагали киевские князья, заметно распылились. Бесперывные феодальные войны между различными княжествами ослабляли воюющих, делали всю русскую землю уязвимой для врагов внешних.

Но с точки зрения укрепления феодального хозяйства и упорядочения государственного аппарата необходимо признать период феодальной раздробленности шагом вперед.

Андрей Боголюбский во Владимире на Клязьме, Даниил Романович в Галицкой земле, Новгородская республика могли в своих владениях сделать то, что было недоступно князьям киевским уже в силу несоответствия размеров территории Киевского государства с организационными средствами его аппарата.

Крупные землевладельцы владимирские, галицкие, новгородские и другие могли освободиться от власти Киева и создать свои собственные политические миры только при условии расширения своего богатства и вытекающего отсюда политического влияния. Успехи народного труда были использованы феодальной знатью в своих собственных интересах.

К сожалению, изучение истории общественных отношений на Руси периода феодальной раздробленности наталкивается на значительные трудности, связанные с крайней скудностью источников. Особенно это обстоятельство сказывается во всех попытках изучить экономическое и правовое положение сельского населения.

Конец XIV в. дает нам Двинскую уставную грамоту, XV в.—Новгородскую и Псковскую судные грамоты, Судебник Ивана III. К этому надо прибавить немногочисленные для XIV и начала XV в. документы частного и государственно-правового характера.

Все эти источники, несомненно, связаны с «Русской Правдой». Следы ее бросаются в глаза, но их совсем

не достаточно, чтобы проследить, как последовательно развивались институты «Русской Правды» в XIII—XIV вв., поскольку подавляющее большинство этих документов относится к XV в. Следует иметь также в виду, что имеющиеся в некоторых из них (как, например, в Псковской и Новгородской судебных грамотах) хронологические наслоения обычно настолько затушеваны, что мы лишены возможности следить за развитием общественных отношений за время, предшествующее последней редакции этих документов.

Несколько лучше освещена в источниках интересующего нас периода Галицко-Волынская Русь. Исследователь, поставивший себе задачу проследить эволюцию норм «Русской Правды», никогда не перестанет снова и снова обращать свое внимание именно сюда, в этот уголок древней Руси. И это не случайно. Во-первых, Галицкая земля — часть Киевской Руси, жившая с нею одной правовой жизнью; во-вторых, после политического упадка Киева она — наименее пострадавшая от татар земля на юге, как Новгород на севере, — дала образцы яркой общественной жизни и политической организованности; в-третьих, что чрезвычайно важно, в нашем распоряжении имеется Вислицкий статут 1347 г., переведенный на русско-украинский язык и приспособленный, по-видимому, в конце XIV в., несомненно, для Галицкой Руси; конечно, он содержит в себе нормы польского права, но так или иначе учитывает и состояние общества Галицкой Руси и положение галицких крестьян в частности; наконец, в-четвертых, мы имеем ценную Галицко-Волынскую летопись, доведенную до самого конца XIII в. Вместе с тем должен оговориться, что и Галицкая Русь XIII—XIV вв. освещена источниками далеко не в достаточной мере.

§ 2. Феодалы и сельское население Галицко-Волынской земли XII—XV вв.

Социально-экономическая жизнь Галицко-Волынской Руси в интересующий нас период характеризуется дальнейшим развитием феодальных отношений, что проявилось в росте крупного землевладения, в превращении вотчины в сеньорию, в развитии городов и т. д.

Всё это сопровождалось обострением классовой борьбы¹.

Для более конкретного понимания судеб Галицко-Волынской Руси в XIII—XIV вв. нельзя забывать огромной важности факта — существования королевства Даниила Романовича, в состав которого входила не только вся Галицкая земля, но и часть Волынской, Подолия и самый Киев, — государства, в котором политическая и общественная жизнь была ключом. Время твердого установления власти Даниила Романовича падает на годы 1239—1264 (с 1253 г. он — король), т. е. существование государства Даниила охватывает время татарского нашествия на русские и нерусские земли.

Нам хорошо известно, что татары принесли Галицкой земле меньше разрушений, чем другим частям Руси. В Галицком королевстве уцелели города Кременец, Данилов, Холм, уцелела Болоховская земля со всеми ее городами (Деревич, Губин, Кобудь, Кудин, Городец, Божеский, Дудьков). Население Болоховской земли специально было сохранено татарами, чтобы оно могло сеять для них пшеницу и просо.

Много галицких городов не было разрушено целиком. Сам Галич после разгрома оказался не совсем пустым. Даже непосредственно после погрома там не прекратилось обычное течение жизни.

У нас есть основание думать, что Галицкая земля во время Батыева погрома Руси по сравнению с другими частями последней даже увеличила свое население, так как стала местом, куда стекались спасавшиеся из разоренных мест люди. Многие из них там и оставались уже навсегда.

Между 1243 и 1260 гг. Галицкая Русь относительно отдыхала от татарских опустошений. За эти 17 лет Даниилу удалось много сделать по восстановлению порядка в своих владениях. Даниил сейчас же после первого татарского погрома усердно ездил по стране, «хотя устави́ти землю», и делал это не без успеха.

Даниил построил несколько значительных городов до татарского нашествия (Данилов, Угореск, Холм). После татарских опустошений он стремится восстанавливать пострадавшие города (Галич, Владимир, Луцк, Дроги-

¹ См. В. Т. Пашуто, *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, М. 1950, стр. 134—289.

чин). Ипатьевская летопись называет его создателем многих городов. Охотно заселялись эти города и не только русскими людьми, но и поляками, и немцами, и евреями, и вообще «иноязычниками».

С Даниилом в устроении земли соперничает брат его Василько и сын Василька Владимир. Галицкая летопись повествует о князе Владимире Васильковиче так: «Князь же Владимир в княжении своем многи города сруби: по отци своем сруби Берестий и за Берестием сруби город на пустом месте» (это и был Каменец). Украшались и старые города.

Татары первоначально не имели здесь успеха и были вынуждены под натиском Даниила в 1257—1258 гг. отойти. Однако в 1261 г. татары потребовали от Даниила и Василька срытия крепостей. Тогда были разрушены Данилов, Истожек, Львов, Кременец, Луцк и Владимир. Холм уцелел. Земли Владимирская и Львовская подверглись новому нашествию в 1283 г. Несмотря на эти систематические кровопускания, государство Даниила не стало пустыней. После погрома население быстро восстанавливалось: в селах оставалось много местного крестьянского населения и сюда же бежали крестьяне из Поднепровья.

В галицких городах рано можно было наблюдать довольно пестрый этнический состав населения. Кроме основного галицко-русского населения, мы видим здесь поляков, немцев, валахов, евреев.

Галицкая Русь раньше других западнорусских земель попала под власть Польши и потому первой подверглась ее воздействию.

В момент захвата польскими феодалами Галицкой и Белзско-Холмской Руси государственная власть в лице Казимира Великого (1333—1370) находилась в кратковременном расцвете своей силы. Казимир сумел объединить раздробленную Польшу и взамен потерянных Силезии и Поморья устремился на русский восток, чему помогло прекращение княжеской галицкой династии и готовность галицкого боярства признать власть Польши. Галицкое боярство, столь упорно и долго боровшееся за свои привилегии со своими князьями, прекрасно рассчитало, что никакая другая власть не пойдет так широко навстречу их боярским претензиям, как власть королей польских. И действительно, галицкое боярство в своих

надеждах не ошиблось, но вынуждено было купить сохранение своих привилегий и дальнейшее их расширение ценой отказа от своей национальности, своей родной культуры.

Польское правительство для упрочения своей власти во вновь присоединенной земле решило опереться на местную знать и сделало все, чтобы перетянуть эту знать на свою сторону. Нельзя не отметить ту исключительную энергию, которую проявило польское правительство для освоения вновь приобретенного края. Казимир употребил для этого много усилий. Он привлек в присоединенную русскую землю католическое духовенство, поставил в Галиче, Перемышле и Холме католических епископов, а для того, чтобы изолировать русских людей, дороживших своей верой, от остальной Руси, выхлопотал у константинопольского патриарха особого, православного митрополита для Галицкой Руси.

«Чтобы при едином государе было и одно право и одна монета», Казимир поручил крупным юристам составить общегосударственный свод законов, который и был принят в Малой Польше (Вислицкий статут) в 1347 г.; с некоторыми изменениями он был введен и в Великой Польше (Петроковский статут); оба статута были соединены в один кодекс в 1368 г.

Вислицкий статут в особой редакции, переведенной с латинского языка на язык украинско-русский, стал действующим законом и для Галицкой и Белзско-Холмской земель.

Польские историки А. Ветулани и С. Роман сделали попытку определить время и характер перевода Вислицкого статута на украинско-русский язык. Они показали, что это не просто перевод, а перевод, приспособленный к условиям жизни Галицкой Руси, и пришли к заключению, что перевод этот сделан приблизительно между 1423 и 1433 гг.

Чтобы ориентироваться в правовой жизни Галицкой Руси и правильно использовать источники (прежде всего Вислицкий статут) для изучения эволюции норм «Русской Правды» на галицкой почве, необходимо выяснить вопрос о соотношении уровня общественного развития двух народов: галицко-русского и польского.

В старой науке, как русской, так и польской, было широко распространено мнение, что Галицкая Русь в

момент включения ее в состав Польши была страной по сравнению с Польшей не только пустынной, но и в своих общественных отношениях отсталой. Это, в частности, связано с тем, что старая русская домарксистская историография либо совсем не видела в Киевской Руси сословного строя, либо очень смутно его ощущала. И тут сказалось общее состояние русской исторической науки, когда она при отсутствии твердой научно-теоретической основы изучала Русь изолированно от мировой истории и видела в русском историческом процессе индивидуальный, своеобразный процесс, не только отличный от западноевропейского, но даже ей противоположный.

Поэтому несколько не удивительно, что сравнительно недавний исследователь пережитков русского права в Галицкой земле проф. В. Гейнош в своей книге, вышедшей в 1928 г., писал: «Когда Галицкая Русь вошла в непосредственную связь с Польшей, между двумя землями существовала значительная разница в строе: Польша с первой половины XIII в. превращается в государство сословное и в момент присоединения Руси уже является полностью таковым... Тогда как Русь Галицкая в своем общественном развитии еще значительно отставала: польская власть застала там по преимуществу отношения, которые лучше всего можно определить как строй княжеско-городовой, строй предсословный»¹.

Сам В. Гейнош над русскими источниками не работал. Он ссылается на мнение И. А. Линниченко, который действительно мог ввести в заблуждение польского историка. В книге Линниченко читаем: «...Старое русское боярство не являлось сословием, не было и придворным чином, оно составляло лишь класс общества, выдававшийся своим материальным положением»².

Опираясь на мнение Линниченко, повторяя его слова, проф. Гейнош вместе с тем не замечает, что сам он исходит из иного понимания термина «сословность»: к Польше и Руси он подходит с разными критериями. Между тем критерий здесь непременно должен быть одним.

¹ *W. Hejnosz, Jus Ruthenicae*, str. 20.

² *И. А. Линниченко, Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв.*, М. 1894, стр. 58.

Для ориентировки в этом запутанном вопросе прежде всего необходимо установить единое и точное разграничение понятий «сословия» и «класса».

Вот что говорит по этому поводу В. И. Ленин:

«Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»¹.

Стало быть, если мы признаем и на Руси и в Польше в определенное время наличие феодальных отношений, то должны отпасть всякие колебания относительно признания или непризнания в обоих государствах сословного строя: классы тут будут одновременно и сословиями. Никакой принципиальной разницы между общественным строем двух государств не будет. Речь может и должна идти лишь о характере и степени разрастания сословных прав в Польше и на Руси в определенные периоды времени.

Современная нам наука именно так и смотрит на эволюцию общественных отношений в Киевской Руси. В 1939 г. С. В. Юшков в своем труде «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» совершенно четко и на мой взгляд правильно, если не считать некоторых деталей в трактовке предмета, подошел к этому вопросу.

«...Бояре — верхушка класса феодалов,— пишет он,— стали стремиться оформить свое правовое положение, обеспечив за собой целый ряд привилегий». Среди привилегий боярства, отмечаемых источниками, С. В. Юшков останавливается на следующих:

1. Сеньериальное право владения землей, в содержание которого входило и право суда и управления над феодально-зависимым населением.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 97, прим.

2. Усиление защиты жизни, здоровья и личности.
3. Усиление защиты чести.
4. Особые привилегии в наследственном праве.

Отсюда вывод: «следовательно, класс феодалов стал постепенно превращаться в наследственное сословие»¹. Поскольку С. В. Юшков аргументирует свои положения данными «Русской Правды» и церковного устава Ярослава, мы имеем основание думать, что он считает боярство сословием уже в XI—XII вв.

Я решительно готов поддерживать именно такое понимание боярства в эту пору. К этому времени действительно успела образоваться настоящая феодальная лестница: князь, бояре, княжеские и боярские вольные слуги. Считаю только необходимым отнести сюда также X в. и даже часть IX в., поскольку в договорах с греками признаки сословий уже налицо.

Бояре, как и их вольные слуги,— прежде всего военные люди, т. е. облечены рыцарским правом (*justi-militare*).

В Галицкой земле эти отношения развились с особой четкостью даже в своей обрядовой стороне. Именно тут мы можем наблюдать характерную для феодализма процедуру посвящения в рыцарское звание уже в первой половине XII в.

Есть все основания думать, что к XIV в. земля в Галицко-Волынском княжестве была уже освоена князьями и феодальной знатью либо полностью, либо в огромных размерах. Ведь именно эти оба княжества выделялись на Руси (сюда надо включить и Новгородскую боярскую республику) своим могущественным боярством, силы которого не могли окончательно сломить даже такие могущественные князья, как Роман и Даниил, несмотря на все свои попытки в этом направлении.

Боярские роды прочно сохраняют свои земельные владения. О наследственном владении ими землей неоднократно свидетельствует Галицкая летопись.

Боярские роды Галицко-Волынской Руси удерживают свой вотчины и тогда, когда сами они переходят на службу к другим князьям, иногда даже враждебным прежним их сеньорам. Очевидно, княжеское боярство составлялось из людей богатых, крупных землевладель-

¹ С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, 1930, стр. 158.

цев, занимавших высокое общественное положение независимо от службы и до службы. Одним словом, в XII—XIV вв. боярство в Галицко-Волынской Руси, несомненно, — сословие, находившееся в таком же состоянии, как и земельная знать Польши.

Новая власть в Червоной Руси не уничтожила здесь всего старого. Она даже обнаружила явную тенденцию опереться на определенные слои господствующего класса Галицкой земли, подтверждая их права на старые земельные владения, наделяя новыми.

В 1361 г. Казимир подтверждает Ходку Быбельскому «князя Львовы листы и иных старый князий листы». В 1352 г. Казимир подтверждает детям львовского войта Матвея пожалования их деду Бертольдусу «per magnum principem felicis recordacionis dictum Leonem Ducem Russiae». В 1469 г. Казимир Ягеллончик подтверждает Шептицким владение именем Шептицы «juxta literam praeclari principis domini Leonis ducis Russiae praedecessoribus eorum datum et concessam (курсив мой. — Б. Г.)».

Если мы учтем ту жестокую борьбу бояр с князьями на протяжении всего существования Галицкого княжества, то нам будет легче понять и отношения галицкой знати к польской власти, которая шла на поводу у своих польских магнатов. Поймем также, почему галицкое боярство скоро примирилось с польской властью: ведь оно не только сохранило свое старое положение, но и получило от нее ряд новых привилегий. В середине и в третьей четверти XIV в. бояре продолжают называть себя боярами, но постепенно начинают менять термин «боярин» на польский «пан» (*dominus*), а в 1434 г. они окончательно уравниваются во всех своих правах со шляхтой польской. Это относится к старшему боярству. Масса мелкого боярства дольше оставалась в прежнем своем положении, хотя многие из мелких бояр все же стремились быть адоптированными каким-либо из польских шляхетских родов. Часть русских землевладельцев, которым не удалось проникнуть в ряды шляхты, постепенно деградировала до положения кмета-крестьянина.

Статут Казимира Великого, приспособленный для Галицкой земли, знает следующие разряды шляхты: «великие панове» (*maiores aut potentiores personae*), «знаменитый шляхтич» (*miles famosus*), «учиненный-шляхтич» (*miles creatus*), «простой шляхтич» (*miles*), «кметь

шляхтичом учинен» (*kmetho, factus miles*). Статут, написанный для польских земель, знает еще одну разновидность военных людей, *scartabellus* — термин, трудно поддающийся объяснению. Но, несомненно, — это особая группа шляхетства невысокого ранга. Статут Казимира Великого, написанный для Галицкой Руси, этого слоя шляхты не называет. Если судить по размерам штрафов за убийство и ранение перечисленных категорий шляхты, то получится следующее между ними соотношение:

	за убийство	за ранение
<i>miles famosus</i>	60 марок	10 марок
<i>scartabellus</i>	30 »	5 »
<i>miles creatus</i>	15 »	не указано
<i>kmetho, factus miles</i>	не указано	3 марки

И за раны и за убийство соотношение штрафов одно и то же: 4 : 2 : 1.

На Руси в церковном уставе Ярослава боярство тоже различается по двум категориям: «великие бояре», «меньшие бояре», за которыми следуют «нарочитые люди» (в другой статье «градские люди») и «простая чадь» (в другой статье «сельские люди»). Соотношение штрафов между двумя разновидностями бояр почти такое же, как и в Польше между *milites famosi* и *scartabelli*.

Подчинение Червоной Руси Польше наложило известный отпечаток на развитие феодальных отношений в этих землях, что прежде всего выразилось в изменении состава господствующего класса. При этом для моих целей необходимо иметь в виду следующее: 1) изменения происходили не вдруг и во всяком случае в конце XIV и первой четверти XV в. здесь еще доминируют старые русские общественные отношения; 2) наплыв польских колонистов, преимущественно шляхты, увеличил в Галицкой Руси количество привилегированных землевладельцев, влил в среду местного землевладельческого класса значительный процент польских феодалов и тем самым расширил сферу применения польского права; 3) что касается отношений землевладельцев к земле и сидящему на ней населению, то эти отношения не были в Польше и на Руси сколько-нибудь принципиально различными, так как и в Польше и в Червоной Руси мы наблюдаем в сущности один и тот же фео-

дальный строй лишь с некоторыми индивидуальными отклонениями, один и тот же способ ведения хозяйства и эксплуатации зависимого крестьянства.

Проследивая черты общности в социально-экономическом развитии Галицкой Руси и Польши, необходимо рассмотреть вопрос о сельской общине.

Та самая община, которая, хотя и далеко не полно отражена в «Русской Правде», продолжает жить в Галицкой земле и после того, как последняя превратилась в самостоятельное княжество и королевство. Она продолжает жить и под польской властью уже по одному тому, что и Польша знает такую же крестьянскую общину.

Ни в польской, ни в русской «Правдах» мы не найдем сколько-нибудь полного изображения организации и жизни общины. Не случайно в нашей исторической науке не улегся и до сих пор спор о том, как надо понимать сообщения об общине «Русской Правды». Однако и в русской и в польской «Правдах» есть материал для утверждения наличия общинного строя в XI—XIII вв. как в Польше, так и на Руси.

Из «Русской Правды» мы знаем, что: 1) соседская община (вервь, мир), несомненно, существовала на Руси IX—XII вв. (конечно, и гораздо раньше); 2) в ее функции входила защита ее членов от воровства, грабежей и убийств, от тяжести налагаемых на ее членов штрафов, помощь в разыскании воров и разбойников; 3) она несла ответственность перед государственной властью за выполнение этих своих функций. Можно догадаться, что община принимала участие в раскладке государственных податей и повинностей (подымное, повоз, поралье, поплужное), поскольку у государства не было достаточного для этого аппарата не только в киевское время, но и значительно позднее. Можно думать, что община отправляла и некоторые судебные функции. Необходимо при этом предполагать и соответствующую организацию общины.

В «Польской Правде», записанной немцами значительно позднее «Русской Правды» для нужд немецкого управления в части польской территории, мы видим ту же общину.

Отдельный человек (Mann) связан с семьей (Geschlecht), деревней (Dorf), общиной (Gegenote), по-поль-

ски (Opole) и «землей» (Land). Вот целая система общественных и политических организаций, с которыми неизбежно имел дело член польской общины. Группа деревень составляет общину. *Gegegenote* — это члены общины (ст. ст. VIII и X и сама община (ст. IX).

Основываясь на показаниях «Польской Правды», можно сделать следующие выводы по интересующему нас вопросу: 1) несомненно, что перед нами именно соседская община, обычно состоящая из нескольких деревень; 2) она защищает своих членов и отвечает за них; 3) на ее обязанности лежит помогать разыскивать вора или убийцу; она отвечает за невыполнение своих обязанностей перед государством и перед землевладельцем — сеньором; 4) она же, конечно, раскладывает внутри себя повинности (rowog, десятина и др.).

В основных своих чертах польское ополе и русская вервь — мир — ничем не различаются, а стало быть, при встрече русского и польского прав в Галицко-Волынской земле по этому предмету и не могло быть никаких столкновений.

Вполне естественно, что Вислицкий статут имел в виду значительный параллелизм в общественных отношениях Польши и Червоной Руси и прежде всего, конечно, наличие там и тут крестьянской сельской общины. Иначе не было бы никакой возможности одни и те же нормы распространять одновременно на Польшу и Русь, если, конечно, предварительно не допустить коренной ломки права завоеванной земли, на что у нас нет абсолютно никаких показаний источников. В Вислицком статуте, приспособленном для Червоной Руси, читаем: «О злодею, имае быти погоня за ним от сусед. Нагот кметь жаловал на своих суседов, иж ему в ночи конь украден... просил, абы с ним во след пошли за злодеем, и они не хотели, а у том ему конь изгынул. Мы сказуем: суседом, на ком та вина, коня заплатить»¹.

Термин «кмет» мы имеем здесь полное право заменить термином «смерд», как это неоднократно делает галицкий вариант Вислицкого статута. «Соседи», — несомненно, общинники. Следовательно, «во след» Вислицкого статута, — несомненно, «по следу» «Пространной

¹ «Акты, относящиеся к истории Западной России» (далее — АЗР), т. 1, СПб. 1846, № 49, стр. 9.

Русской Правды» ст. 77. Данный казус имеет в виду «го-нение следа», в котором обязана принимать участие община.

Никаких сомнений нет, что та самая община, которую мы имеем в «Русской Правде», в Полицком статуте, в польской «Книге прав», продолжает жить в Галицкой Руси в XIV в. и выполняет хорошо знакомые нам функции.

Члены этой общины, смерды,— прямые потомки смердов Киевской Руси, стало быть, тех самых смердов, правовое и экономическое положение которых, хотя и не полно, изображено в «Русской Правде», летописях и памятниках частнопроводных отношений. Убедительным доказательством этого являются: 1) постоянные упоминания смердов в Галицкой летописи в том же самом смысле, что и в «Повести временных лет»; 2) несомненная действительность «Русской Правды» и на территории Галицкой Руси, выражающаяся, между прочим, и в распространенности в Галицкой земле юридических понятий в терминах «Русской Правды»; 3) живучесть этой терминологии в Галицкой земле в XIV и XV вв.

Анализ свидетельств галицко-волинской летописи о смердах XII—XIII вв. показывает, что летопись ни разу не меняет своего понимания термина «смерд», неуклонно подразумевая под ним сельское население. В то же время летопись дает понять, что это — низший слой галицко-волинского общества.

В нашем распоряжении имеются три галицко-волинские грамоты конца XIII в. (две духовные и одна уставная), которые отчасти показывают нам положение крестьянства Червоной Руси в это время.

Рассмотрение в совокупности показания грамот позволяет заключить, что подавляющее большинство сельского населения Галицко-Волинской земли в то время составляли тяглые люди, являющиеся основными плательщиками государственных податей и господской докапиталистической земельной ренты (если они находились под властью землевладельца) в форме ренты натурой или отчасти и денежной.

Нет никаких оснований полагать, как это делает М. С. Грушевский, касаясь одной из духовных грамот князя Владимира Васильковича, что данная грамота имеет в виду не крестьянскую массу, а «закупов и че-

лядь». М. С. Грушевский иначе рассуждать и не может, так как он заранее связал себя тем, что, отказавшись от прежнего своего мнения о двух состояниях смердов «Русской Правды» (свободное и зависимое), признал наличие только свободных смердов. Несостоятельность мнения М. С. Грушевского наглядно проявляется в противоречии, в которое он при этом впадает. Он справедливо считает закупов людьми ограниченными в своих гражданских правах. А между тем основное население упоминаемых в завещании Владимира Васильковича сел обложено государственными повинностями, предполагающими тяглоспособность и тем самым владение крестьян своими земельными участками.

Возражая против утверждения, будто зависимое население крупных барских имений есть только потомки закупов и холопов, и настаивая на том, что зависимое от господ сельское население образовалось главным образом из недавно свободных, а затем попавших в зависимость различными путями смердов, я совершенно не собираюсь отрицать наличие в составе сельского зависимого от землевладельцев населения и старых закупов и рабов.

Нет никаких оснований думать, что эта категория людей с характерными для них барщинными обязательствами к XIV—XV вв. исчезла совсем, но у нас имеются данные, ясно говорящие о том, что центр внимания хозяев к этому времени перенесен был на крестьянина-оброчника.

Стоит развернуть любую новгородскую писцовую книгу XV в. или посмотреть в случайно дошедший до нас отрывок описи Киевщины, относимой Владимирским-Будановым к 1471 г., чтобы у нас в этом отношении не осталось ни малейших сомнений.

Относительно Новгородской земли этот факт слишком хорошо всем известен, чтобы приводить здесь какие-либо выдержки из писцовых книг. К тому же для данной темы новгородский материал и не будет звучать убедительно.

Опись Киевщины, находящейся в непосредственной близости к Галицко-Волынской земле, в данном случае, конечно, имеет для меня несравненно большее познавательное значение, хотя я не собираюсь забывать некоторой разницы в экономическом состоянии Киевской

земли, возможно, в это время из-за татарской неволи несколько отстававшей в своем развитии по сравнению с Галицкой.

Указанная опись убедительно свидетельствует, что масса сельского населения, независимо от ее происхождения, т. е. посаженные ли это на землю рабы или же поставленные в зависимость от господ крестьянство, в XV в. платит чинш-оброк. В Киевской люстрации 1471 г. уже попадаются случаи введения барщины, но такие попытки всегда оговариваются, что это новость.

Совершенно ясно, что в рассматриваемый нами период времени до введения этих «новин», о чем будет речь ниже, сельское зависимое население в Киевщине, так же как и в Новгороде и в других местах Руси (как и во всех странах на восток от Лабы), сидело в основном на оброке.

В Польше и в Галицкой земле в XIV в. тоже господствует система оброчная — чиншевая. Это ясно видно из ст. 137 Вислицкого статута. Крестьянин, желающий уйти от своего господина, должен заплатить «вину 3 гривны» и «плат рочный... как и дотоль ему платил». «Плат рочный» — это и есть чинш — оброк, который смерд-кмет выплачивал систематически своему землевладельцу. Таким образом, середина XIV в. характеризуется господством оброчной системы эксплуатации, переход к которой намечается еще в XII в. Этот процесс перехода на продуктовую и денежную ренту является определяющим для развития аграрных отношений в Польше и Галицкой Руси в рассматриваемый период. Без учета этого процесса нельзя объяснить ряд своеобразных явлений в общественной жизни на интересующей нас территории. В частности, нельзя понять такие явления, как начавшаяся в XII в. внутреннюю колонизацию — освоение новых земель за счет местного крестьянства, позднейшую колонизацию польских земель пришлыми элементами, появление здесь так называемого немецкого права. Невозможно объяснить и зафиксированное Вислицким статутом изменение в правовом положении крестьян.

В основном тексте Статута, составленном для Польши, и в несколько сокращенном виде в Галицком его варианте есть очень показательная статья, отменяющая право мертвой руки, зафиксированное как в польской, так и в русской «Правдах». В «Польской Правде» статья о

мертвой руке звучит так: «Если умрёт крестьянин (конечно, зависимый.— Б. Г.), не имея сына, господин берет его имущество, но должен дать жене его подушки... покрывала и из имущества мужа корову... или что-либо из другого скота, чем бы она себя могла содержать». В «Русской Правде» о том же говорится применительно к князю и княжеской вотчине: «Аже смерд умереть без дети (т. е. без мужского потомства), то задница князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть замужемь, то не даяти части им». То же имеем и относительно церковных имуществ в уставе кн. Ярослава: «Безатщина (имущество смердов при отсутствии мужских наследников) епископу идет» (Ср. древнее германское право, где земля переходит по наследству только мужчинам, *Lex Salica*, гл. IX).

Этот закон как в Польше, так и в России возник в то время, когда размеры хозяйства вотчинников были невелики, когда землевладельцы непосредственно могли следить за каждым участком своей земли, на котором работал зависимый от них крестьянин. Закон с точки зрения интересов феодала для данного времени, при данных условиях имел большой смысл.

Вислицкий статут отменяет этот закон как для всей Польши, жившей до сих пор по «Польской Правде», так и для Галицкой земли с ее «Русской Правдой». Вислицкий статут называет отменяемый им закон мертвой руки «противоречащим справедливости и бессмысленным» (*consuetudo «vero contraria et absurda»*) и впредь устанавливает новое положение: крестьянин может распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению; при получении наследства наследник только должен внести в свою приходскую церковь «келих» (*calix*) ценностью в 1½ марки по Польскому статуту и 1½ гривны по Галицкому.

Такой резкий поворот в отношении феодалов к крестьянам, конечно, есть результат изменившихся условий эксплуатации крестьянского труда. Для того чтобы признать закон, существовавший века, абсурдным, необходимы серьезные основания. Эти основания появились в итоге переключения господского внимания к челяди и эксплуатации ее в форме отработочной примитивной ренты на деревню с ее крестьянским населением, которое эксплуа-

¹ «Архив Юго-Западной России», ч. 7, т. II, Киев 1890, стр. 1.

тировать было удобнее и проще всего в форме оброка. В интересах землевладельца было дать возможность оброчному крестьянину достигнуть более высокого материального уровня с тем, чтобы он стал для своего хозяина более рентабельным. По выражению В. И. Ленина, это есть первое расширение самостоятельности зависимых крестьян¹.

Тот же процесс подразумевается и в других местах Руси, поскольку в XIV—XV вв. мы нигде права мертвой руки уже не видим. Но, предоставляя крестьянину возможность хозяйственного роста, землевладелец в то же время стремился к тому, чтобы удержать за собой крестьян, источник своего благополучия.

В том же Вислицком статуте Галицкой редакции имеется очень вразумительная в этом отношении статья, которая в переводе на русский современный язык звучит так: «Часто села панов делаются пустынными, крестьяне уходят от своих панов не по закону. Мы со своей «радой» постановляем, что крестьяне массой не имеют права уходить из одного села в другое, а лишь один или два, и то с разрешения пана, за несколькими исключительными случаями: если пан изнасилует дочь крестьянина или жену или отберет от крестьянина имущество, или когда пан попадет под церковное отлучение в течение года. Если же отлучение будет длиться года три или четыре, то все крестьяне могут уйти от него, куда хотят».

Галицкий крестьянин XIV в., живущий на земле, освоенной феодалом, как правило, стало быть, был крепок своему землевладельцу и только с его разрешения мог менять местожительство и хозяина.

Так дело обстояло в XIV в. в Галицкой земле. Конечно, мы не имеем права безоговорочно переносить эти наблюдения на другие русские земли. Каждая из них имеет некоторые свои особенности, к сожалению, во всей полноте недоступные изучению за отсутствием источников.

Положение исследователя зависимого крестьянства XII—XIV вв. осложняется еще тем, что перед ним необычайная пестрота в правовом и хозяйственном положении отдельных групп крестьянства, пережитки старого, с пробивающими себе путь явлениями нового порядка. Поэтому, для того чтобы правильно подойти к решению стоящей перед нами задачи, надо, во-первых, рассмат-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 143.

ривать историю крестьян в отдельных частях Руси с учётом экономических и политических особенностей каждой из них, во-вторых, изучать каждую известную нам категорию зависимых людей в отдельности.

Сколько-нибудь полно решить эту задачу ввиду неизученности вопроса в небольших размерах данного очерка невозможно. По необходимости придется сделать только беглый обзор положения крестьянской массы Новгородско-Псковской земли и Северо-Восточной Руси.

§ 3. Сельское население Новгородско-Псковской земли

а) Новгородское крестьянство XIII—XIV вв.

К сожалению, для ранней истории новгородского крестьянства у нас очень мало сведений. Исходной точкой исследования, конечно, и здесь будет «Русская Правда», несомненно, имевшая хождение по всей Новгородской земле и в Пскове, до середины XIV в. входившем в состав Новгородской республики.

Поскольку «Русская Правда» — закон для всей Киевской Руси, постольку она была законом и для Новгородской земли. Доказательство этого важного для дальнейшего построения тезиса я вижу в следующем: 1) «Правда» была также близка Новгороду, как и Киеву, и древнейшая ее часть сохранена нам именно в Новгородской летописи; 2) в тексте этой «Правды» («Краткая Правда») имеются новгородизмы; 3) терминология этой «Правды» повторяется в новгородских летописях; 4) в договоре Новгорода с немцами 1195 г. имеются явные следы «Русской Правды»: весь договор построен на ее базе (то же надо сказать и о договоре Смоленской, Полоцкой и Витебской земли с Готландом и Ригой, в 1229 г.).

Иначе и быть не могло, так как Новгород (как и Смоленск, и Полоцк, и Витебск) был частью Киевской Руси.

Не лишним считаю здесь вкратце напомнить основные черты общественной жизни Киевской Руси, без чего нам трудно будет понять отрывочные известия новгородских и псковских источников.

Древнейшая «Русская Правда», сохраненная нам новгородцами, безусловно подразумевает частную собственность на землю (владение челядью предполагает и владение землей, защита господских прав на землю).

Договоры с греками знают уже давно и устойчиво существующие боярские роды, знают наименования этих родов, происходящие от земли, что без владения землей было бы немыслимо. «Повесть временных лет» в X в. называет ряд земельных владений князей. Боярское землевладение в «Повести временных лет» явно не называется, но ряд косвенных показаний делает его несомненным. Новгородские грамоты, дошедшие до нас, совершенно четко говорят о купле-продаже земли (купчая Антония Римлянина и его духовная), о вкладах земли в монастыри¹. Земли эти обрабатываются челядью и передаются в другие руки тоже с челядью.

Несомненно, вотчина новгородского князя, боярина, епископа по своей организации ничем принципиально от вотчины киевских князей, бояр, епископов не отличалась.

Следовательно, холопы, рядовичи и с некоторыми оговорками зависимые смерды раскрывают нам широкое понятие челяди и киевской, и новгородской.

Путем привлечения материалов договорных грамот Новгорода с князьями, начиная от 1265 г. (дата самой ранней из дошедших до нас договорных новгородских грамот) и кончая существованием новгородской независимости, можно несколько конкретизировать наше представление о составе зависимого населения, обслуживавшего своим трудом боярскую или церковную вотчину в Новгородской земле XIII—XIV вв.

Смерды в договорах Новгорода всегда изображаются в устойчивых чертах. Это неизменно сельское тяглое население, организованное в общины — погосты — потуги. «А кто смерд, а тот потягнет в свой погост. Тако пошло в Новегороде»² или: «а смерд потянет в свой потуг, как пошло к Новугороду»³.

Иногда вместо термина «смерд», наиболее распрост-

¹ ГВНиП № 104, стр. 161; № 81, стр. 140.

Данные грамоты — две Юрьеву монастырю 1125—1137 гг., Пантелеймонову монастырю 1147 г., Хутынскому монастырю 1192 г. Меня тут интересует не текст, быть может, подновленный позднее, а факт земельных вкладов.

² «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» (далее — СГГид), ч. 1, М. 1813, № 3.

³ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографического экспедицией Академии Наук» (далее — ААЭ), т. 1, № 57; № 87; СГГид, ч. 1, № 20.

раненного в Новгороде, употребляются другие обозначения того же общественного класса: сирота¹, крестьянин, селянин, мирянин. Что под этими терминами разумеется тот же смерд, видно из договорной грамоты Новгорода с вел. князем Тверским Михаилом Ярославичем в 1317 г., особенно ясно при сличении ее с такой же договорной новгородской грамотой 1470—1471 гг. с польским королем Казимиром. В последней грамоте имеется перечень новгородского населения: «боярин, житий, молодой и селянин». Тот же перечень в грамоте 1317 г. имеем несколько в ином виде: «бояре, житьи, черные люди, сироты», т. е. черными людьми названы «молодые», а селяне — «сиротами»². Это же разнообразие терминологии хорошо видно и в жалованной грамоте Великого Новгорода сиротам Терпилова погоста, где альтернативно употребляются термины «сирота», «крестьянин», «мирянин». В этой же грамоте имеется и другая очень характерная для Новгорода формула: тут говорится, что всякий двинянин-слободчанин, поселившийся на земле Терпилова погоста, «потянет потугом в... погост». Это та же формула, которая стереотипно повторяется в договорных новгородских грамотах и всегда подразумевает смердов. Селянами сельское население называется не только в договорной грамоте 1470—1471 гг.³

К сожалению, договорные грамоты не дают нам полной возможности понять, в каком именно правовом положении находились смерды-крестьяне в это время. Намеки на зависимое их положение имеются только в договорах Новгорода и Пскова с литовским королем Казимиром 1440 г. и польским королем Казимиром IV 1470—1471 гг.

Смысл обоих договоров один и тот же: находясь в мирных отношениях, договаривающиеся стороны взаимно обязуются выдавать беглых, наиболее показательный перечень которых тут же и приводится в псковских и новгородских терминах. Здесь помимо уголовных пре-

¹ «Аже братью нашу попушати без окупа: новгородских бояр... житых людей и черных людей и сирот новгородской волости» (Грамота 1317 г., СГГид, т. 1, № 13). Жалованная грамота 1411 г. сиротам Терпилова погоста — «Двинские грамоты», прил. 1, № 11.

² СГГид, ч. 1, № 13.

³ Жалованная грамота начала XV в. Палеостровскому монастырю. М. Д. Беляев, История Новгорода Великого, М. 1866, стр. 63.

ступников (должника, татя) фигурируют беглые холопы и смерды. Бегство холопов и смердов особенно беспокоит оба соседние государства.

Само собой разумеется, что договоры заключались в целях воспрепятствования действиям лиц, нарушавших интересы договаривающихся сторон. Новгородский, псковский, тверской и любой из русских бояр, точно так же как и литовский и польский землевладелец, не раз испытывали ущерб от бегства от них за границу холопов, половников, смердов-кметей, должников и поручителей.

Этот перечень беглецов, конечно, может служить материалом для суждения о некоторых сторонах общественных отношений в государствах, вступающих между собой в соглашение. Так обычно и принято в нашей науке расценивать этот род исторического источника. На основании его показаний очень часто делается вывод о том, что в Новгороде крестьяне-смерды были прикреплены раньше, чем в Москве¹.

С. В. Юшков в названных договорах видит доказательство того, что смерды в Пскове и Новгороде были в это время «крепостными».

Если речь идет о смердах зависимых, относительно ограничений в их личной свободе не может быть никаких сомнений. Нам известны во второй половине XV в. в Московском государстве старожильцы, в Литовском государстве — крестьяне «непохожие». Более чем вероятно, что и в Новгороде имелась категория крестьян-смердов, ограниченная в правах более других категорий. Однако в данном случае это предположение не решает всего вопроса в целом, так как за границу могли бежать и смерды, имевшие в пределах своего государства право выхода, если их к побегу принуждало не только недовольство своим хозяином, а, скажем, опасность наказания по суду или политические мотивы². Во всяком

¹ В. О. Ключевский, например, отмечая стеснения крестьянской свободы в Новгороде в XIII—XIV вв., прибавляет, что: «в Московской земле подобные стеснения крестьянского перехода... становятся известны не ранее половины XV в.» (В. О. Ключевский, Курс русской истории, 1906, ч. II, стр. 98—99).

² В 1265 г. в Литве, например, происходили политические осложнения: «побишася Литва промежи себе некоея ради вины, Божиим допущением на них». В связи с этим «того же лета вбегоша в Псков Литва с 300 муж и с женами и с детьми, и крести их кн. Святослав с попы псковскими и со псковичи. А новгородци

случае соглашение международного характера в данном случае едва ли имеет в виду обеспечить применение нормы о невыходе от своего хозяина зависимого смерда «в пределах русских областей». (Необходимо, конечно, если признать эту цель договора действительной вообще, на том же основании распространить ее и на другую из договаривающихся сторон.)

Из данных договоров относительно смердов, строго говоря, можно сделать только один бесспорный вывод: новгородские и псковские смерды довольно часто бежали за границу. О причинах, побуждавших их к бегству, приходится только догадываться. Смерд (как и польский, так и литовский крестьянин) либо тяготился зависимостью от своего хозяина-землевладельца, либо спасался от правосудия, совершив какое-либо «лихо».

Говорить о крепостничестве в Новгороде в XV в. можно только с очень большими оговорками, имея в виду лишь начальную стадию процесса. Но не одни побегі беспокоили Новгородскую республику. В ранних договорах упоминается еще одно общественное явление, вызывавшее у новгородских бояр тревогу. Это закладничество.

Закладники — это не какая-либо категория населения, а состояние, в котором при определенных условиях одинаково мог очутиться и сельчанин, и горожанин.

О закладниках вообще и закладниках новгородских существует литература. Обострил вопрос и поставил его совершенно по-новому в связи с признанием наличия феодальных отношений на Руси Н. П. Павлов-Сильванский. Он считает, что закладничество — это не сделка залога, сопровождаемая личным залогом, а поступление в подданство. Подданство это, по его мнению, могло быть двоякого рода: 1) лица могли закладываться за боярина чужого удела; 2) они еще легче могли отдаваться под защиту какого-либо сильного землевладельца того самого княжества, в котором они жили¹.

хотеша их иссечи, но не да им князь великий Ярослав Ярославич, и не избиша их» (ПСРЛ, т. V, стр. 192). Такие же события могли происходить и в Пскове, и в Новгороде.

¹ Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в удельной Руси*, СПб. 1910, стр. 339, 343.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов действительно следует, что закладники — это «подданные» в том смысле, в каком они упоминаются в Польше или Западной Руси, т. е. зависимые от хозяина-господина, сеньора, государя в своих владениях. А если обратить внимание на расшифровку обычного состава этих «подданных» — смерды и низшие слои городского населения («купчина»), то мы еще больше утвердимся в том, что наши источники имеют в виду поступление смердов в зависимость сеньориальную.

В. И. Сергеевич всякое закладничество считает незаконным. Однако из договоров Новгорода с князьями со всей очевидностью следует, что Новгородское государство борется не со всяким закладничеством вообще, как утверждает Сергеевич, а лишь с закладничеством за лиц не новгородского гражданства. Это не просто борьба за интересы фиска, а за целостность государственной территории и за охрану своего населения.

Чем объясняется тяга к закладничеству? Павлов-Сильванский, настаивая на слабости княжеской власти, уверяет, что «за хребтом» сильного боярина жить было более безопасно, и здесь скорее можно было бы найти относительно праведный суд и управу¹. Но это предположение трудно мирится с утверждением того же автора, что закладчик становился в положение, близкое к холопу.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что тут дело не в слабости государства, а в желании закладчика найти лучшие для себя условия жизни. Очевидно, в условиях существования сельского населения в Новгороде наступали времена, когда многие крестьяне выбивались из привычной для них более или менее сносной обстановки.

Летописные сообщения подтверждают это. В 1229 г. приглашенный из Чернигова в Новгород новый князь Михаил принимает меры к тому, чтобы задержать отлив сельского населения из Новгородской в чужие земли. Освобождением на пятилетний срок от платежа податей он старался вернуть бежавших из новгородских пределов смердов. Из договора 1317 г. Новгорода с тверским князем Михаилом прямо следует, что количество заклад-

¹ Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в удельной Руси*, стр. 325.

чиков увеличилось в связи с общественно-политическими осложнениями.

Итак, закладничество — одна из форм феодальной зависимости, в которую вступала (наряду с горожанами) часть смердов, вынужденная искать более сносных условий жизни.

Другой весьма распространенной формой зависимости сельского населения в Новгородской земле XIII—XV вв. было половничество.

О половниках новгородских, к сожалению, так мало известий, что ничего точного о них сказать нельзя. Неудивительно поэтому, что в литературе по этому предмету высказано было лишь несколько малоаргументированных мнений.

Кроме договорных грамот, для решения вопроса о новгородских половниках в нашем распоряжении имеются одна грамота и довольно беглые упоминания в писцовых книгах.

В дарственной грамоте новгородского посадника Василия Степановича Песношскому монастырю 1452 г., между прочим, сказано: «а игумену *половников* посадничких Васильевых *не отхожих* людей не принимати»¹ (Курсив мой.— Б. Г.). Выше говорится о крестьянах и слугах посадника Василия. Как понимать этот текст?

«Не отхожие люди» — это только другое наименование тех же половников, или же «не отхожие люди» — это только часть большой категории людей, именуемых половниками? «Не отхожие люди», естественно, напрашиваются на сопоставление с литовско-русскими «непохожими» людьми, т. е. крепкими от феодала людьми.

Весьма вероятно, что грамота 1452 г. в данном случае говорит не о всех половниках, а только о половниках «не отхожих». Другими словами, мы можем предположить существование также «отхожих» половников (т. е. людей, имеющих договорные отношения с землевладельцем), что отчасти подтверждается ст. 76 Псковской Судной грамоты, где говорится о беглом изорнике-половнике.

В Новгородских писцовых книгах половники упоминаются хотя и вскользь, но довольно часто. Из наблюдений над показаниями этого источника следует, что половники, внесенные в писцовые новгородские книги,

¹ «Грамоты Коллегии экономии», т. II, № 201, стр. 550.

живут у кого-нибудь, тягла, как правило, самостоятельно не тянут, но, очевидно, помогают выполнять эту повинность своим хозяевам. Нередко половники живут у крестьян. Половники — люди бедные и самостоятельно организовать своего хозяйства не могут.

Новгородские договоры не раз говорят о бегстве половников, об их подсудности княжескому суду и о том, что их можно судить только в присутствии их «господаря». Отсюда надо сделать вывод, что половник, несомненно, человек зависимый.

Судя по Псковской Судной грамоте, которая прекрасно знает половников, мы можем думать, что и в Новгороде половник пользовался правом выхода, конечно, с соблюдением соответствующих условий.

Половничество, очень распространенное в Новгородской земле XIII—XV вв., есть форма зависимости, в которую поступали обедневшие смерды. Половник обычно не нес тягла и работал на хозяина из доли продукта.

Что касается форм эксплуатации феодалами основной массы сельского населения Новгородской земли — смердов, то на этот вопрос мы можем дать ответ, опираясь на материалы новгородских писцовых книг XV в. Эти материалы свидетельствуют, что здесь основной формой эксплуатации крестьян в XV в. была рента продуктами. При этом весьма показательно, что помещики стараются своих «людей» посадить на пашню, сажают их в обычные крестьянские дворы, тем самым фактически (не юридически) превращают своих «людей», из коих большинство, надо думать, холопы, в крепостных крестьян. Крепостных потому, что эти «люди» связаны личной зависимостью со своим господином и уйти от него не имеют права, а крестьян потому, что, будучи посажены на отдельные крестьянские участки, они ведут свое хозяйство, от которого кормятся сами и кормят своего хозяина. Но в отличие от полноценных крестьян они не платят государственных податей, т. е. для помещика представляют большую ценность, чем настоящие крестьяне, труд которых принадлежит помещику лишь частично.

Из материалов писцовых книг совершенно ясно и другое:

1) в конце XV в. намечается замена натуральных взносов деньгами, 2) хотя барщина появляется спора-

дически и отнюдь не представляет явления сколько-нибудь значительного, однако уже наблюдается тенденция ее увеличения.

б) *Сельское население Псковской земли в XV в.*

Очень небольшая псковская территория до включения ее в состав Московского государства успела пережить очень много. Итоги ее общественной и экономической жизни запечатлены в содержательнейшем кодексе псковского права — Псковской Судной грамоте. Тут мы имеем показатели расцвета общественных отношений Псковской феодальной республики. По вполне понятным причинам они не перестают приковывать к себе внимание исследователей.

И в Псковской земле в XV в. сохранились две основные прослойки сельского населения: 1) смерды — крестьяне-общинники и 2) вырванные из общин люди, в Псковской Судной грамоте именуемые изорниками, огородниками, кочетниками (кочечниками), иногда обобщаемые термином «половники». Необходимо рассмотреть обе эти прослойки, конечно, поскольку позволяют сделать это наши источники. К нашему огорчению, их очень немного.

Среди них выделяется Псковская Судная грамота, иначе «Псковская Правда». Это цельный памятник, хотя и составленный из отдельных разновременных частей¹. В нем отражен Псков XIV—XV вв., причем город значительно полнее деревни².

Поскольку Псковская Судная грамота ни разу не называет смердов, но, как я думаю, подразумевает их под термином «сябры» и занимается довольно детально изорниками, кочетниками и огородниками, мне представляется возможным начать исследование о сельском населении не со смердов, а с категорий, на которые обращено

¹ М. К. Рожкова, К вопросу о происхождении в составе Псковской Судной грамоты, Л.—М. 1927; Л. В. Черепнин, К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. «Исторические записки», т. 16.

² Б. Б. Кафенгауз, Посковские «изорники». «Ученые записки Московского Государственного педагогического института им. К. Либнехта. Серия историческая», 1939, вып. II.

особое внимание «Псковской Правды», в частности, с изорников.

Большинство крупнейших представителей как буржуазной, так и советской науки считают изорников крестьянами, понимая под ними либо свободных, либо зависимых от своих господ арендаторов.

В последнее время наиболее значительная работа, специально посвященная псковским изорникам, вышла из под пера Б. Б. Кафенгауза.

В своей работе Б. Б. Кафенгауз привлекает к изучению Псковской Судной грамоты псковские платежные книги, напечатанные и ненапечатанные¹. Это, несомненно, помогло автору поставить вопрос и об изорниках, огородниках и кочетниках на еще более твердую почву. Действительно, стоит взять в руки платежную книгу по Пскову, как каждому бросится в глаза ее особенность, не повторяемая ни в Новгороде, ни в Москве, ни в Киеве.

В нашем распоряжении напечатанная платежная книга 1585—1587 гг.² В ней не хватает четырех первых листов. Описание города сделано далеко не так, как, например, в одновременном описании Новгорода. Подробно, насколько возможно в платежной книге, описаны варницы, пивные и винные, бани, мосты, денежный двор, таможенная изба, гостиный двор, двор льняной и лавки без конца. Все они распределены по специальным рядам.

Конечно, многое в описании зависело от писцов, но еще больше от характера города. Бросается в глаза огромное количество торговых заведений и церквей. За лавками не видно обывателя. Можно подумать, что псковичи только торгуют и молятся. На самом деле было, конечно, не так. Платежная книга совсем не касается нетяглого привилегированного населения города. Отсюда односторонность изображения.

Но что обращает особое внимание исследователя этой платежной книги — это бесконечное упоминание нив, огородов и рыбных ловель. Уже с первых страниц описания вы чувствуете, какую большую роль в жизни города играют эти нивы, огороды и рыбные ловли.

¹ Б. Б. Кафенгауз, Псковские «изорники». «Ученые записки Московского Государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Серия историческая», 1939, вып. II, стр. 43 и др

² «Сборник Московского архива Министерства юстиции», М. 1913 т. V.

Большое количество пригородных нив может вызвать удивление. Но нивы эти расположены не в городе, а за городом, напротив гор. Пскова. Здесь земли, годной для беспрепятственной обработки, было много (пригородные нивы занимали площадь в 560 десятин). Земля принадлежала монастырю и некоторым церквам. Обрабатывали ее псковские посадские люди, конечно, не самолично, так как занимались они главным образом торговлей и были поглощены этим занятием полностью, следовательно, должны были пользоваться для этих целей трудом тех, кто не имел своего хозяйства и вынужден был искать себе заработка. Это и есть изорники.

Псковские платежные книги знают и огородников и «посадские» огороды¹. Огороды принадлежали посадским людям, ремесленникам, мелким торговым людям, стрельцам, казакам, попам, дьячкам из псковских пригородов.

Б. Б. Кафенгауз подчеркивает, что псковские платежные книги не называют в качестве огородников сельских жителей. Об огородниках говорит лишь писцовая книга по городу. Отсюда автор делает предположение, что и огородники Псковской Судной грамоты были горожане. Мне думается, точнее будет сказать, что огороды действительно принадлежали горожанам, а огородниками, т. е. теми, кто их обрабатывал, могли быть и, по-видимому, чаще бывали обезземеленные крестьяне, по договору бравшие на себя определенные обязательства.

Также вполне понятно, что как по всей Псковской земле, растянувшейся вдоль рек и озер, так и в городе Пскове, со всех сторон окруженном водой, рыболов являлся обычной и часто встречающейся фигурой. Как свидетельствуют платежные книги XVI в., рыбные ловли принадлежали государю, монастырям и церквам. В XV в., весьма вероятно, они принадлежали и боярам, выведенным из Пскова только в 1510 г. Конечно, владельцы рыбных ловель вынуждены были привлекать для работы людей со стороны. Специалистов-рыболовов, именно таких, которые могли прилагать свой труд только на чужих рыболовных участках, в Псковской земле было очень много. В платежных книгах они именуются «непашенными» людьми. Термин этот, несомненно, принадлежит

¹ «Сборник Московского архива Министерства юстиции», т. V, стр. 1.

московским писцам, но едва ли можно сомневаться в том, что мы имеем тут приблизительно те же явления, которые имеет в виду и Псковская Судная грамота, говоря об изорниках, огородниках и кочетниках.

Однако меня больше всего интересуют изорники и огородники, так как они несомненные земледельцы. Изорнику уделено главное внимание Псковской Судной грамоты как социальной фигуре, вызывающей много юридических осложнений. Но нам интересно знать не только правовую природу изорника, а и условия, породившие это социальное явление, и место изорника в производственных отношениях псковского общества.

Самое поверхностное ознакомление с источниками обнаруживает ряд бесспорных признаков, характеризующих это состояние. У изорника есть «государь», изорник живет в селе этого государя, изорник имеет право раз в году, около 14 ноября старого стиля, заявить своему государю о желании от него уйти; в свою очередь и государь имеет право отказаться от своего изорника, только в тот же указанный срок. «Государь» здесь, безусловно, владелец села.

Спор о том, кто такой этот государь, просто ли землевладелец или же «средневековый сеньор», спор, имевший место между М. М. Богословским и П. А. Аргуновым, кажется мне легко разрешимым, поскольку в феодальном обществе право на землю было вместе с тем и правом на сидящее на этой земле население, а политическое могущество феодала соответствовало размерам его земельных владений.

Едва ли может быть сомнение в том, что с того времени, как землевладелец обзавелся большим количеством «подданных», стал их «государем», когда, таким образом, вотчина превратилась в сеньорию, вотчинник получил полное право на признание его равноценным средневековому сеньору.

Изорник — несомненно одна из разновидностей феодально-зависимых людей. Но этого признания далеко не достаточно. Передо мной стоит задача найти и определить именно этот вид. Псковская Судная грамота дает для этого достаточно возможностей.

Изорник делается изорником после заключения со своим государем договора устного или письменного. Изорник может быть «в записи», может «в записи» и не

быть. Наконец, он может быть «в записи», а жена его и дети могут не быть «в записи». Что эта за «запись»? На этот вопрос отвечает ст. 85: «А у которого человека у государя изорник помрет в записи, в покрути, а жена у него останется и дети не в записи, ино изорничичи жене и детям откличи нет о государеве покруты, а та им покрута платити по той записи. А будет не в записи был изорник, ино их судити судом Псковской пошине».

Буржуазные ученые высказали немало различных мнений относительно характера этой записи.

Спор вращался вокруг понятий: аренда, заем, наем, а так как ни то, ни другое, ни третье не могло быть ни полностью доказано, ни убедительно отвергнуто, потому что элементы и того, и другого, и третьего в данном общественном явлении были налицо, то и получился в науке тот «лабиринт личных мнений и взглядов, из которого (по мнению Леонтовича), по-видимому, нет, никакого выхода»¹. Это несомненный симптом того, что наука зашла в тупик, что требовался радикальный пересмотр не отдельных деталей, а всего понимания истории России с древнейших времен.

Пересмотр старых представлений начался в связи с тем, что наши историки отрешились от мысли, что Русь развивается по особым, своим собственным путям, с момента признания феодализма на Руси.

В конечном счете стало неизбежным признание, что мы здесь имеем дело со своеобразными феодальными общественными отношениями, требующими к себе особого подхода, другого, чем тот, какой мы наблюдаем у наших буржуазных историков и историков права.

О социальной природе изорника в источниках нетрудно заметить вещи совершенно бесспорные. Совершенно, например, ясно, что изорничество оформляется договором, при заключении которого изорник часто берет у своего государя «покруту» в виде денег, хлеба, быть может, некоторых орудий производства.

Покрута — это подмога деньгами или вещами, без которой бедный человек, заключающий с хозяином договор, не мог начинать свою работу на предоставляемом ему участке, но которую хозяин мог потребовать обратно,

¹ Ф. И. Леонтович, *Задружно-общинный характер древней России*. «Журнал Министерства народного просвещения», 1874, июнь, стр. 201.

если изорник оказывался неисправным или же если он сам заявлял о желании уйти от хозяина.

Таким образом, сущность этого договора заключалась в том, что лишенный средств производства земледелец, вынужденный вследствие этого искать себе пристанище, поступал в зависимость к землевладельцу, который предоставлял ему земельный участок и материальные средства (покруту) для обзаведения.

Само собой разумеется, что тут могло быть много вариантов: один кандидат в изорники меньше нуждается, другой больше; один брал покрут, другой мог обойтись и без нее; один заключал письменный договор, другой входил лишь в устное соглашение; один вписывал в договор жену и детей, другой не вписывал.

Ясно только одно, что изорник — это не обычного типа крестьянин, т. е. не земледелец, владеющий земельным и усадебным участком и своими собственными орудиями производства, ведущий самостоятельное хозяйство. Что касается правового различия между изорником и крестьянином, то его установить не легко, поскольку псковские источники не дают материала для ясного представления о юридическом положении крестьянина-смерда.

Только один очень существенный признак отличает крестьянина-смерда от изорника. Крестьянин-смерд несет полностью государственное тягло. Изорник же самостоятельным плательщиком податей не является.

Псковская Судная грамота не задается целью изобразить правовое положение изорника полностью, а лишь рассматривает отдельные возникающие в судебной практике казусы, на основании чего мы все же можем до некоторой степени представить себе его экономическое и правовое состояние. Приведу одну статью, смысл которой по-разному истолковывался в исторической науке. «А коли изорник имет запирасться у государя покруты, а молвит так: у тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват,— ино на то государю тому поставит люди сторонние, человеки 4 и 5, а тым людем сказати, как прямо пред богом, как чисто на селе сидел. Ино государю, правда давши, взять свое, или изорнику верит, то воля государева. А только государь не поставит людей на то, что изорник на селе сидел, ино тот человек покруты своея не доискался»¹.

¹ «Псковская Судная грамота», ст. 51.

Для меня смысл этой статьи ясен. Дело сводится к следующему: возникает дело о взыскании покруты-подмоги с изорника, собирающегося, конечно, уходить от своего хозяина. Изорник заявляет, что он при заключении договора покруты не брал, а жил у хозяина, в его селе, без покруты. Закон видит два возможных решения дела: 1) хозяин верит заявлению изорника, и тем весь вопрос исчерпывается, так что суду тут делать нечего; 2) хозяин не верит заявлению изорника и переносит дело в суд. Тогда хозяин должен представить 4 или 5 свидетелей в том, что изорник покруту брал. Сам истец тоже должен присягнуть. После этого истец получает право взыскания покруты. Дальше идет совершенно лишнее разъяснение и без того ясного положения: если государь-хозяин свидетелей не найдет, то лишается своего иска¹.

Стало быть, изорник при заключении договора мог брать покруту, мог ее и не брать.

Следующая статья, приближающая нас к пониманию правового положения изорника, это ст. 42: «А который государь захочет отрок дать своему изорнику или огороднику или кочетнику,— ино отроку быти о Филиппове

¹ Ср. *И. Д. Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 25. Расхождение с *И. Д. Беляевым* у меня здесь только в одном пункте: *И. Д. Беляев* считает изорника крестьянином, живущим на земле государя. Я считаю крестьянами в полном смысле слова только тех земледельцев, у которых имеются свои средства производства и которые ведут свое собственное хозяйство и тянут тягло. Изорник к такому пониманию крестьянина не подходит.

Всех мнений по толкованию этой статьи не привожу. Желающие могут ознакомиться с ними по работе *П. Е. Михайлова* «Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте», Пгр. 1915, стр. 104—114. После Михайлова об этом писали: *М. М. Богословский*, Крестьянская аренда в Псковской Судной грамоте, «Исторические Известия» № 2, 1917, «К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной грамоте», «Летопись занятий постоянной историко-археологической экспедиции», вып. 34; *П. И. Беляев*, Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, «Журнал Министерства юстиции», 1916, октябрь и ноябрь; *П. А. Аргунов*, Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. «Ученые записки Саратовского Государственного университета», 1925, т. IV, вып. 4; *Б. Д. Греков*, Земледелец и землевладелец в Пскове XV века. «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 5, 1934; *Б. Б. Кафенгауз*, Псковские изорники, «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Серия историческая», вып. II, 1939; *Б. Д. Греков*, Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердь грамоты», «Исторические записки», т. 20.

заговение. Тако же захочет изорник отречися с села или огородник или кочетник, ино тому ж отроку быти. А иному отроку не быти ни от государя, ни от изорника, ни от кочетника, ни от огородника.

Смысл статьи едва ли может кого-либо ввести в заблуждение. Речь идет о прекращении договорных¹ отношений между государем-хозяином и находящимися в зависимости от него людьми. Основная мысль закона заключается в том, что прекращение договорных отношений может происходить по инициативе одной из сторон, но обязательно в определенный законом срок (14 ноября ст. ст.) — Филиппово заговенье (конечно, не буквально в этот единственный день в году, а около этого срока). Филиппово заговенье, отмечу между прочим, играет здесь роль московского Юрьева дня или рождества Христова Галицкой Руси.

Что касается имущественного положения, то статьи Псковской Судной грамоты позволяют нам сделать вывод, что у изорника имеется только движимое имущество и очень малоценное. Ст. 76 предполагает, что от продажи всего движимого имущества изорника могло не получиться суммы, равной размерам покруты. Этот факт совершенно ясно показывает, что изорник — человек бедный, во всяком случае беднее среднего крестьянина, имущество которого ценнее той суммы, которую изорник брал иногда у хозяина в подмогу. Если у обычного крестьянина есть лошадь и корова (это видно из многочисленных показаний источников), то у изорника конь или корова бывают в виде исключения («А только будет конь или корова, ино вольно искать у государя» — ст. 86). Обычно его имущество состоит из «лукошек» и «кадок» (ст. 86). Едва ли даже у него была своя изба, иначе закон бы об этом так или иначе обмолвился.

Изорник, как и закуп и кабальный московский человек, брал у хозяина при заключении договора деньги, но, как нам известно из кабальных записей, деньги эти часто не шли кабальному человеку, а отдавались прежнему его хозяину, от которого он не мог уйти иначе, как выплатив ему сумму, взятую в момент вступления в соглашение.

¹ Договоренность отношений здесь ясна. Перенесение этого признака договоренности на крестьян и признание их арендаторами породили много крупных недоразумений в исторической литературе.

Нет ничего невероятного, что изорник относительно покруты находился в таком же положении.

Абсолютно нет никаких намеков в Псковском законе на то, что изорник был связан с государством какими-либо платежами или повинностями.

Итак, изорник не обычного типа крестьянин. Это лишенный средств производства недавно вольный человек, вынужденный сесть на чужую землю, не имеющий возможности стать крестьянином и, быть может, находивший в своем положении изорника некоторые преимущества по сравнению с крестьянином-смердом, обложенным государственными повинностями и в то же время связанным с владельцем земли, на которой он сидел, обязанный платить своему хозяину оброки и не гарантированный от новых повинностей, надвигавшихся на него в связи со всем ходом хозяйственных и политических перемен в Псковской земле. Изорничество само по себе есть уже симптом этих перемен. Ведь изорник нужен «государю» как сельский работник, нужен для поднятия доходов «государя», удобен для него как рабочая сила, принадлежавшая только ему одному, которую он может эксплуатировать полностью, не делясь с государственной властью. Изорник особенно делается выгодным для землевладельца, когда последний начинает организовывать собственное барское хозяйство, так как хозяин может привлекать его на каждодневную барщину. С крестьянином-тяглецом так обращаться было нельзя, не рискуя разорить его и тем самым лишить государство тяглеца, а себя — доходной статьи. Имея возможность выдавать обедневшим людям некоторые суммы денег, хозяин-государь пользуется этим средством, чтобы привлечь к себе рабочую силу, которая и идет на эту приманку, потому что лучшего ничего перед нею нет. Это явление находит полную аналогию с деревенской служилой кабалой и другими разновидностями сельского земледельческого населения, лишенного средств производства. Все они созданы новыми условиями хозяйственной, общественной и политической жизни в XV—XVI вв. во всей Руси и особенно заметны в небольшой по размерам Псковской земле, где эти процессы проявлялись с особой яркостью.

Псковская Судная грамота, однако, отразила в себе только одну часть этого процесса, именно ту, которая

была связана с жизнью большого города Пскова, окруженного нивами, огородами, владеющего двумя озерами и рыбными реками, а также с жизнью его многочисленных пригородов.

Нельзя забывать, что в Пскове, как и в Новгородской земле, жили и землевладельцы, ведущие своим инвентарем свое собственное хозяйство, и обложенные государственной повинностью смерды-крестьяне.

С первых же шагов исследования мы встречаемся здесь со значительными трудностями: самый крупный и содержательный источник по истории общественных отношений в Пскове — Псковская Судная грамота не знает термина «смерд», между тем как другие документы и псковские летописи прекрасно им пользуются. Значит ли это, что в Псковской Судной грамоте наличие смердов не отразилось никак? Допустить это трудно, несмотря на то что Грамота имеет в виду главным образом не деревню, а город.

Весьма возможно, что деревенское население Псковская Судная грамота подразумевает под термином «сябр». Сябр — сосед, член одной общины: «Се розапсаша сябри Вастечкий обод Вастечьской земли с старых грамот» (Запись Вастеческой земли ок. 1400 г.)¹. Напомню упоминание сябров в послании Климента Смолятича пресвитеру Фоме, где Климент осуждает «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгой же и сябры и борти и пожни, ляда же и старины». Если изгой в массе своей вольноотпущенники, то сябры — прочно сидящие на «старинах» (давно разработанные поля) земледельцы. Иначе, как крестьянами, обозначаемыми обычно термином смерды, трудно назвать этих сябров. В семантике этого слова есть еще один оттенок. Сябр — это член коллектива, общины². Левобережная Украина-Русь и в XVIII в. была хорошо знакома с термином сябр именно в этом содержании. Украина-Русь унаследовала это явление от давних времен. В актах 1351, 1366, 1378, 1409 гг. встречается этот термин в том же значении. Общинные повинности в Чернигов-

¹ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 3, СПб. 1912, стр. 907.

² И. Луцицкий, *Сябры и сябринное землевладение в Малороссии*. «Северный вестник» т. 1, 1889, стр. 72.

щине еще в XIX в. назывались «себренными», а общинник мирянином, сябром¹. А. И. Соболевский утверждает, что этот термин перешел из русского языка к литовцам, латышам, эстам². Он, как мы видим, бытует и в Псковской земле.

30 декабря 1440 г. Псков заключил договор с великим князем Литовским Казимиром Ягелловичем. В договоре на первом месте стоит условие свободного пропуски купцов и свободных граждан. Затем договор переходит к категории людей, свобода передвижения которых стеснена или запрещена: «А межы собою будучы в любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти, ни мне, ни вам, а выдати по исправе»³. Здесь перечислены возможные беглецы за рубеж из Литвы в Псков, из Пскова в Литву. Обе стороны берут на себя одинаковые обязательства о выдаче беглецов⁴. Перечень этот сделан в терминах, одинаково понятных как в Литве, так и в Пскове. Речь тут идет не о деталях, в Пскове и Литве, конечно, неодинаковых, а о самом главном, общем для обеих договаривающихся сторон. Беглые холопы, злостные должники, поручители, которых подвели те, за кого они ручались, или которые отказываются выполнять свои обязательства поручителей, воры, разбойники, и среди всех этих возможных и предполагаемых беглецов стоит

¹ А. Берзилов, Найдавниший побут Чернигивської околиці, «Чернигив и пивничне Ливобережжя», стр. 77—79.

² А. И. Соболевский, Семца, сябр, шабер. «Ученые записки высшей школы г. Одессы, Отдел гуманитарно-общественных наук», т. II, 1922, стр. 61.

³ АЗР, т. I, № 38, стр. 51.

⁴ О таких беглецах у нас имеются точные данные. В Центральном государственном архиве древних актов хранится специальное дело: «Роспись Печерского монастыря крестьяном, бежавшим за границу в Ливонскую землю» 1623—1650 гг. Н. Серебрянский приводит из этого дела несколько выдержек: «з деревни Молоково збежал крестьянин Петька Павлов с женою и с сыном да с тремя дочерьми, а живота с собою свел: двое лошадей, четверо коров, пятеро овец, четверо свиней, платья верхнего — две шубы одеванные. Збежал во 136 году. Животу его цена 25 рублей, 8 алтын, 2 деньги. Да монастырские подмоги за ним лошадь, ценою 3 рубля, 9 четей ржи, 3 чети овса, 9 четей жита, осьмина гречи, полосьмины гороху». По своему имущественному положению Петька Павлов на изорника не похож (Н. Серебрянский, Очерки по истории монастырской жизни, стр. 416).

смерд, прекрасно известный в Литовском государстве, точно так же как и в Пскове и Новгороде. Может быть, суммарно этот термин обнимал все виды зависимого от господ сельского земледельческого населения, но характерно, что для такого суммарного определения всего зависимого сельского земледельческого населения взят именно этот термин, понятный обеим договаривающимся сторонам.

Крестьян-тяглецов в узком понимании термина мы не раз встречаем в псковских платежных книгах XVI в., дающих ясную картину характера здешних деревень.

Это обычные деревни с самым обычным крестьянским населением. Люди, живущие во дворах, так и названы в книге крестьянами. Есть тут и бобыль, нам тоже хорошо знакомый по писцовым книгам XVI в. в Новгороде и в Москве. Эти крестьяне-тяглецы переданы государственной властью в руки помещиков или церкви.

Абсолютно здесь нет ничего такого, что бы заставило нас усомниться в наличии в Пскове крестьян в узком смысле слова в XVI в. В XV в. было, несомненно, то же.

В каком правовом положении находились крестьяне в Пскове в XVI в., сказать нетрудно. Они жили в том же режиме, что и крестьяне во всем Русском государстве, о чем речь впереди. Что же касается XV в., когда Псков был независим, то, несмотря на отсутствие точных данных, мы смело можем предполагать, что псковский крестьянин не отличался сколько-нибудь заметно от новгородского того же времени.

Итак, в Псковской земле, так же и в Новгородской, а как увидим ниже, и в Московской Руси, были налицо две основные категории земледельческого населения: 1) крестьяне-общинники в узком смысле слова, ведущие собственное сельское хозяйство, платящие государственные подати и в данное время находящиеся в зависимости от крупных землевладельцев (есть основание полагать, что Псковская Судная грамота подразумевает их под термином «сябр»); 2) люди, вышедшие, вследствие бедности и невозможности справиться со всеми крестьянскими обязанностями, из общины и вынужденные искать себе работу у крупных землевладельцев, заключая с ними договоры. Это — изорники, огородники, кочетники, именуемые иногда одним общим термином «половники».

§ 4. Сельское население Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв.

Среди других земель и княжений, созданных русскими славянскими племенами на Восточноевропейской равнине, этот край занимает особое место: здесь на северо-востоке образовался центр будущего национального объединения.

Вопреки утверждению Ключевского о сравнительно позднем (XII—XV вв.) переселении жителей Приднепровья на берега Оки и Волги, Ростово-Суздальский край был рано заселен славянами. Археологические материалы подтверждают давнее наличие в Ростово-Суздальском крае кривичей и отчасти вятичей. Летописец XI—XII вв. передает, что «первии насельници» в Белоозере были весь, а в Ростове меря — племена, родственные финнам. Славяне встретились здесь с населением неславянским. Страна была покрыта лесными дебрями. Славянская колонизация не продвинулась далее района Костромы (Ярославская область) к северу, а распространилась главным образом к югу, в междуречье Волги и Клязьмы, и несколько на восток в безлесном пространстве («опольщина»), где тянулась полоса плодородной степи. Невдалеке от этого безлесного пространства, на берегу озера Неро, на водных путях с Верхней Волги к реке Клязьме, около IX в., если не раньше, вырос Ростов Великий, старейший город земли. В пределах опольщины лежал город Суздаль, а северо-западнее от него, на берегу озера Клещина, — город Клещин и несколько позднее Переяславль Залесский. Водные пути связывали Ростово-Суздальскую землю с Нижним и Средним Поволжьем (волжская Болгария), Кавказом и Средней Азией. Через Ростово-Суздальскую землю установилось транзитное торговое движение в Новгород, Смоленск и другие города. На севере Ростовской земле принадлежал город Белоозеро, а на юге — Муром. Данные археологии свидетельствуют, что в ростово-суздальских курганах неславянский элемент весьма слаб. Основным занятием населения было земледелие. Ополье снабжало хлебом даже некоторые менее плодородные земли, например Новгородскую. Наряду с земледелием население успешно занималось разнообразными промыслами. В Ростово-

Суздальской земле были богатые рыбные ловли, соляные источники и бортные угодья.

В политическом и культурном отношении Северо-Восточная Русь долгое время была теснейшим образом связана с Киевом. Еще в XI в. Ростово-Суздальская область платила дань князьям. Киевский князь посылал в Ростово-Суздальскую землю своих мужей и посадников; в церковном отношении край тоже находился в зависимости от Киева.

Владимир Монамах, занятый южными делами, никогда не теряет из виду Ростов. Он ездит туда, упорно защищает со своими сыновьями эту «волость отца своего» от покушений Олега Черниговского, строит на Клязьме город «в свое имя». В Ростов он посылает своего тысяцкого, дав ему «на руки» своего сына Юрия (Долгорукого), ставшего князем Ростовским и владевшего около 40 лет этой северной волостью¹.

Юрий, стремясь к сохранению и усилению своего влияния в Южной Руси, не ослаблял своего интереса к делам суздальским. Широки и значительны были и торговые и культурные отношения Суздальщины с Черниговом и Галицкой Русью, Смоленском и Новгородом.

При сыне Юрия Долгорукого Андрее Боголюбском приходили сюда иноземные, а также новгородские и новоторжские купцы. В XII в. суздальские купцы привозили в Новгород перец, получаемый с Востока, а из Ростовской земли доставлялись в Новгород лен и хмель. Из Суздальской земли на Киев шел торговый путь через Курск.

Из Киева Суздаль и Владимир берут епископов. Андрей Боголюбский по церковным делам сносится непосредственно с Константинополем. Изгнанные Андреем братья (от второй жены Юрия, гречанки) вместе с матерью находят приют у византийского императора².

Совсем не обязательно мыслить массовое переселение русских людей из Поднепровья на волжский суглинок, как это представлял себе В. О. Ключевский, чтобы объяснить наличие в Суздальщине названий городов и речек, созвучных киевским. Переяславль-Рязанский и Переяс-

¹ А. Е. Пресняков, Образование великорусского государства, Пгр. 1918, стр. 30—31.

² В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, кн. I, Киев 1908, стр. 860—862.

лавль-Залесский, стоящий на реках, носящих имя Трубеж (Переяславль Южный, теперь Хмельницкий, тоже стоит на р. Трубеже), Стародуб, Юрьев-Польский, Кснятин, Звенигород, Галич, Киев, речки Лыбедь, Почайна, Ирпень — все эти названия, созвучные киевским, конечно, не случайность. Созвучия говорят о тесных связях Киева с его периферией, о желании населения Северо-Восточной Руси подчеркнуть эту связь в названиях городов, точно так же как она подчеркивалась в сооружении одноименных храмов. Нельзя забывать и того, что строителями городов являлись обычно князья, они же и давали им названия, удовлетворявшие их киевским симпатиям. Юрий Долгорукий также не случайно строит во Владимире-Залесском, Переяславе, Суздале, Угличе и Москве Преображенские храмы в память Чернигова, где он родился, как не случайно воздвигались в свое время храмы Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке, или храмы Борису и Глебу по всей Русской земле.

Не случайно, конечно, и в Ростове строится «соборная дивная церковь» наподобие киевской Печерской церкви. По плану Печерской же церкви Юрий Долгорукий строит церковь Спаса во Владимире.

Не может быть никаких сомнений в том, что Северо-Восточная Русь — это родная дочь той самой славянской Руси, которую мы видим и в Новгороде и в Киеве. Это отнюдь не значит, что тут не было своих особенностей — этнических (следствие встречи с неславянским населением), бытовых и других. На столь огромном протяжении Киевского государства иначе и быть не могло. Но связи экономические, родственность языка, веры, преданий — это цемент, крепко объединявший всю Русь.

Отсюда с неизбежностью вытекает и факт, для моих целей имеющий особо важное значение, — факт бытования в Северо-Восточной Руси норм «Русской Правды». Уставная деятельность киевских князей распространялась на всю территорию киевского государства, в том числе и на северо-восток. Ярослав Мудрый, по ценному свидетельству IV Новгородской летописи, ездил в 1024 г. по Ростово-Суздальской территории с определенной целью «уставить ту землю»¹. «Повесть временных лет» тоже отмечает факт поездки Ярослава в 1024 г. в Суздаль в связи с возникшими там крестьянскими волнениями,

¹ ПСРЛ, т. IV, ч. II, 1915, стр. 112.

Появление Ярослава в Суздальской земле вызвано потребностью «установления» земли, той самой потребностью, которую испытывали в свое время и княгиня Ольга и другие князья киевские. Ярослав, конечно, не мог «устанавливать» Суздальскую землю иначе, чем «установлена» была вся Русская земля, т. е. через укрепление здесь, а в некоторых местах и введение заново норм «Русской Правды». Ему необходимо было напомнить, а может быть, кое-где и впервые сообщить о карах, налагаемых государственной властью за всякого рода правонарушения. Ведь «Русская Правда» и в Поднепровье и в Поволховье своим острием была направлена против всяких попыток народной массы нарушить установленный властью режим. Ярослав, вероятно, очень энергично ознакомил Ростово-Суздальскую землю с законом, носящим его имя.

Неудивительно после этого, что следы пережитков «Правды» в этом крае мы встречаем и много времени спустя.

Двинская судная грамота, составленная в 1397 г. в Москве, носит на себе явные следы «Русской Правды»¹. Судебник Ивана III в качестве одного из своих источников знает «Русскую Правду»². «Правосудие митрополичье», памятник XIII—XIV вв., связанный с митрополитом в то время, когда он покинул Киев и стал жить во Владимире, тоже построено на основе «Русской Правды».

Все это говорит о том, что очень больших и принципиальных отклонений от известных нам норм «Русской Правды» в XII—XIII вв. здесь, на северо-востоке, мы не встретим. Отчасти в новых терминах перед нами и тут будут проходить в последовательном развитии те же основные явления феодальных отношений, которые мы уже имели возможность видеть и в Киеве, и в Новгороде, и в Пскове.

Что в Ростово-Суздальской земле главная земледельческая народная масса была та же, что и в других частях Руси, сомневаться не приходится, хотя терминология тут несколько иная. Знакомый нам смерд, конечно, был и

¹ «Оже учинится вира», «кровавая рана», «синяя рана». «А друг у друга между переорет», «извод» и пр. и пр. («Двинская судная грамота») (М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 5, СПб.— Киев 1889, стр. 141, 142 и др.).

² А. Н. Насонов, Князь и город в Ростово-Суздальской земле, Сб. «Века», вып. I, Пгр. 1924.

тут, но этот термин встречается здесь реже, чем другой равнозначный — «сирота», вытесненный несколько позднее термином «крестьянин».

Наша древняя письменность, не считая данных «Русской Правды», рассмотренных уже раньше, оставила нам несколько фактов, имеющих прямое отношение к крестьянам Северо-Восточной Руси.

«Повесть временных лет» рассказывает о движении смердов в Ростовской земле. Об этом речь шла уже выше. Напомним лишь, что в летописном рассказе повествуется о том, как два волхва из Ярославля во время общенародного смятения, обостренного голодом, стали ходить по «погостам» Ростовской области, указывали там на «лучшие жены» (т. е. на богатых женщин), обвиняя их в том, что они скрывают у себя продукты (мед, рыбу, жито, всякое «гобино», а также меха и пр.). Многие «лучшие жены» были убиты, а «именье их» восставшие отымали себе.

Едва ли можно сомневаться, что в погостах жили смерды, как это было и в соседней Новгородской области. Оказалось, что и волхвы, возглавившие движение, — тоже смерды, причем, как можно догадаться, смерды из вотчины князя Святослава.

Голод создал обстановку, способствовавшую обострению движения. Причину, почему именно смерды поднялись против богатых людей, мы можем без особого труда вскрыть: смерды подняли оружие против наступления на них богатых людей, очень похожих на тех, о которых так часто упоминали киевские проповедники. Едва ли мы ошибемся, если допустим и здесь, на северо-востоке, наличие того же процесса освоения феодалами общинной земли с неизбежным превращением свободных доселе смердов-общинников в зависимых от землевладельцев людей. На этой почве и возникло движение смердов.

Итак, хотя сельская земледельческая масса Северо-Восточной Руси и называлась разными именами, что вполне понятно при очень сложной истории заселения этого края славянами, ассимилировавшими старое туземное население, она была теми же хорошо знакомыми нам смердами, с некоторым запозданием переживавшими ту же самую судьбу, что и смерды новгородские, киевские, галицко-волынские.

Для посещавшего Северо-Восточный край новгородца или киевлянина это было совершенно очевидно. Вот

почему новгородцы рассказали о том, как они «обложили суздальских смердов» данью, а киевский летописец с такой же уверенностью повеествовал о восстании ростовских смердов. Не следует забывать, что Ростовский край был населен преимущественно новгородцами.

Несомненно, и здесь протекал тот же знакомый уже нам процесс феодализации.

К сожалению, приходится признать печальный факт, что детально проследить данный процесс очень нелегко. Но все же до некоторой степени это возможно. Так, под 1096 г. в Лаврентьевской летописи записано о сожжении по распоряжению черниговского князя Олега Святославича Суздаля. От огня уцелел «двор монастырский Печерского монастыря (филиал Киево-Печерского) и церкви, яже тамо есть святого Дмитрея, юже бе дал Ефрем и с селы»¹. Андрей Боголюбский заложил церковь в своем городе Владимире и постарался обеспечить ее так, как вообще были обеспечены тогда и князья и бояре, т. е. прежде всего землей. Он дал ей «много имения и с ободи купленыя, и с даньми, и села лепшая»². У самого Андрея, кроме его подгородного замка Боголюбова, было много «слобод купленных и сел лепших». Из рассказа о борьбе владимирцев с ростовцами в 1177 г. обнаруживается, что владимирцы «села боярская взяша и кони и скот»³. Владимирский епископ Федорец проявлял особую страсть к наживе, и от него, как передает летописец, «много пострадаша человеци ...и сел избыша...»⁴

Нельзя забывать и другого очень важного обстоятельства: киевские князья, а затем и князья отдельных княжеств, на которые расчленилось Киевское государство (кроме Новгородской земли после 30-х годов XII в.), были верховными феодальными собственниками всей земли своего княжества, возглавляли феодальную пирамиду собственников и стояли в ее вершине не просто для украшения, но имели возможность пользоваться и пользовались своей властью государей. Князья раздают от

¹ ПВЛ, изд. 1910 г., стр. 230. Имеется в виду митрополит Ефрем и митрополичий монастырь св. Димитрия, наделенный землями митрополитом. Ефрем упоминается в качестве митрополита первый раз под 1055 г. в Новгородской I летописи.

² ПСРЛ, т. II, стб. 491.

³ Летопись по Лаврентьевскому списку, 1897 г., стр. 362.

⁴ Ипатьевская летопись, 1871 г., стр. 377.

своего имени землю, и, конечно, населенную. Раздавали ее и другие собственники. Самый яркий пример в этом отношении — это пожалования населенной земли богатыми и небогатыми землевладельцами монастырям.

Одним словом, становление и дальнейшее развитие крупного землевладения в Северо-Восточной Руси идет совершенно тем же путем, что и в Поднепровье и Поволжье¹.

Тот же факт, что зависимое сельское население в Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. мы чаще всего встречаем под иными, чем в Поднепровье и Поволжье, именами — сироты и крестьянин — не должен нас несколько смущать. Термин «крестьянин» на самом законном основании заменил собою более старый термин «смерд». В Новгороде смерды, как мы уже видели, официально именуется смердами еще в договоре 1471 г., а двадцать лет спустя в писцовых книгах они же названы крестьянами. Воскресенская летопись в рассказе о Долобском съезде заменила слово «смерд» словом «крестьянин». Русские люди XV в. прекрасно понимали, что между понятиями «смерд» и «крестьянин» никакой принципиальной разницы нет.

Для конкретного уяснения положения зависимого сельского населения в Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. необходимо ознакомиться со структурой феодальной вотчины и с происходящими в ней в этот период изменениями.

Ряд ценных для нас в данной связи показаний заключают духовные и договорные грамоты князей и бояр XIII—XV вв. На основании содержащихся в них материалов выясняется прежде всего факт разбросанности сеньориальных владений одного крупного феодала на значительном пространстве. Отдельные части этого владения при посредстве административно-хозяйственного аппарата связывались с центральным княжеским или боярским двором, где часто жил сам хозяин и почти всегда находился его дворецкий. Особенно полно изображена

¹ С. Б. Веселовский останавливается на вопросе о соотношении общественной структуры Киевской и Северо-Восточной Руси в XIV—XVI вв. Подчеркивая, что этот «вопрос может быть темой специального, очень интересного исследования», он говорит, что в Суздальской Руси можно «наблюдать много остатков и пережитков киевских явлений» (С. Б. Веселовский, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М.—Л. 1936, стр. 16).

большая вотчина в духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеева (1498).

Князь перечисляет здесь по именам 155 своих холопов с семьями, значительную часть которых он делит между своими сыновьями. Из них 29 семейств, перечислив поименно, князь отпускает на свободу. «А которые мои люди не писаны в сей душевной грамоте, и те мои люди на свободу и с женами и с детьми», — прибавляет грамота. Стало быть, кроме названных 155, в вотчине были еще не поименованные в грамоте холопы, и, таким образом, ни полное число холопов, ни точное количество отпущенных на волю нам неизвестно.

Среди перечисленных по именам имеется некоторое число холопов с обозначением их профессий: 2 стрелка, 3 трубника, 1 дьяк, 4 повара, 2 хлебника, 3 портных мастера, 2 бронника, 6 садовников, 2 псаря, 1 рыболов, 4 мельника, 3 сокольника, 1 утятник, 1 огородник; 2 страдника, 2 плотника, 2 истопника, 1 серебряных дел мастер.

Если стрелков причислить к людям, обслуживающим княжескую охоту, то по охотничьему ведомству будет всего 7 человек, по подготовке пищи — 6, делопроизводитель — 1, остальные все ремесленники, необходимые для удовлетворения нужд двора: 3 портных, вероятно, шьют не только на княжеское семейство, но обшивают и всю дворню, которую князь одевает за свой счет; большое количество садовников (шесть) говорит о значительном садоводстве. Не названы конюхи, которых, несомненно, у князя было много.

Очень важно отметить еще некоторые детали.

Шесть холопских семейств передаются детям по наследству «с землею», три семейства отпускаются на волю «с землею». Это холопы, посаженные на землю и успевшие очень крепко прирасти к земле: их и «на волю» отпускают и в наследство передают с их земельными наделами. Не может быть сомнений в том, что у них имеются свои орудия производства. Это бывшие холопы, сейчас владельцы средств своего труда и своего продукта и в то же время люди, лично зависимые от своего господина. Стало быть, это уже настоящие крепостные крестьяне.

Перед нами один из путей, ведущих в крепостное состояние, но не единственный, как это мы увидим ниже.

Кроме холопов, во дворе крупного феодала имеются и слуги вольные, которые с холопами не смешиваются.

Две категории дворовых слуг ясно различают и в договорной грамоте вел. кн. Тверского Бориса Александровича с вел. кн. Василием Московским 1451 г.: «А бояром и слугам межи нас вольным воля; а дома им свои ведати, а нам ся в них не вступати. А судом и данью потянут по земле и по воде; а на холопах дани не имати, на которых ключники целуют, а которых бояр и слуг села, а имут жити в нашей отчине, взяти на них дань и суд, как и на своих»¹. И здесь, с одной стороны, холопы, «на которых ключники целуют»², с другой — вольные слуги, владеющие своими «домами», т. е. своими собственными хозяйствами.

Боярский, княжеский, монастырский или епископский двор устраивался приблизительно по этому же образцу. Двор этот состоит из большого количества слуг, свободных и несвободных, самых разнообразных специальностей, необходимых для обслуживания большого замкнутого хозяйства. Во главе двора, если не считать, конечно, самого хозяина, стоит высший уполномоченный от хозяина — дворецкий-дворский. Он ведет не только дворскими слугами и населением, живущим за двором, но и крестьянским населением в деревнях, хотя в деревнях у него имеются и помощники — ключники, посельские, тиуны.

В духовной того же Ивана Юрьевича Патрикеева названо 7 ключников, сидящих по селам, следящих за жизнью крестьян, раздающих крестьянам и «выбирающих» из крестьян серебро, наблюдающих за поступлением в господские житницы хлеба, за сельскими работами и пр. Ключники имеют свое небольшое хозяйство, освобождаемое от всяких платежей. Без ключников, конечно, дворский не мог бы справиться со своим большим

¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДДГ), М.—Л. 1950, № 76, стр. 173.

² «... А на полных холопех не взяти (дани.— Б. Г.), на которых ключники целуют» (СГГид, т. I, № 28, стр. 48, договорная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича 1368 г.). С. Б. Веселовский объясняет это «целование» тем, что было много холопов, на которых не было письменных крепостей. Их холопство удостоверялось присягой ключников (С. Б. Веселовский, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 49).

делом. У него и по одному двору в узком понимании слова много всяких обязанностей¹.

¹ О значении дворецкого, о его удельном весе очень хорошо говорит один из документов Троице-Сергиева монастыря. Это Судный список Никиты Васильевича Беклемишева, доложенный боярину Федору Михайловичу Челядне, о самовольном захвате одним из великокняжеских слуг — Андроном и его сыном Флором земли великого князя в Киснемском стане Переяславского уезда. Документ не датирован, но по ряду признаков его нужно отнести к третьей четверти XV в.

Дело началось по тяжбе Андрона с попом Сидором о земле. Установление спорных границ велось в присутствии старого дворского Остани. Дворский запротестовал против дележа земли между спорящими сторонами, так как, по его показанию, спорная земля была землей великого князя. «Штось, господине,— заявил он,— делят землями Ондрон с попом Сидором, а то, господине, земля великого князя». Микита, по-видимому, пристав, исполнитель судебного решения, после этого заявления не посмел продолжать начатые действия и ответил дворскому: «Коли ты, дворский, зовешь землею князя великого, и яз, вам земли делить не смею, а о сем доложу государю великого князя, как укажет». Дворский продолжал свои разоблачения: «А еще, господине, за тем Ондроном не только земли князя великого,— иные, господине, земли дает в закуп, а иную продал, а иные в наймы. И ты, господине Микита, на них поеди, а мы с тобой».

Никита так и сделал, и все вместе с дворским и спорящими сторонами, по указанию дворского, отправились в ряд мест (Мериново, Подымское, Карповское, Иванцово, Мельницу, Аиницины, Лахово). В каждом из указанных здесь пунктов они останавливались и допрашивали Андрона. Оказалось, что Мериново — земля Андронова шурига, а Андрон дал ее «в закуп», «в дву рублех», «Прокшину сыну Левушке», Иванцово оказалось землей Андронова сына Фролда, который сам заявил, что ее дал ему «батько». Лахово оказалось проданным Андроном некоему Ярлыку Андрею. Еще менее убедительные доказательства своих прав на землю привел Андрон и относительно других перечисленных здесь мест, так что представитель судебной власти вынужден был спросить в общей форме: «Почему же ты, Ондрон, зовешь те земли своими? Землю еси продал, а иные земли дал еси сыну, а иную в закуп, не докладывая». Андрон продолжал настаивать на своем и ссылаться на какие-то грамоты, которых, однако, предъявить не мог; на требование их представить он ответил: «Перед тобою, господине, не положу, положу их перед великим князем». Ответ для княжеского слуги очень характерный. Судебный исполнитель тогда обратился опять к другому дворскому — Мите: «За тобою было дворское 4 годы, знаешь ли те земли?» Дворский ответил, что об этих землях ничего не знает. Судебный исполнитель опять привлекает «старого дворского Останю»: «За тобою было дворское наперед того, те земли знаешь ли?»

«Яз, господине, ту землю знаю. То земли князя великого тяглые». Дело было доложено великому князю. Ни Андрон, ни его сын, ни шурин на суд перед великим князем не явились, и этим самым проиграли свое явно безнадежное дело.

Итак, двор крупного феодала — это не только жилище его самого, а административно-хозяйственный центр всего феодального владения, центр, где сидит если не сам хозяин, то его хозяйское око — дворецкий, начальник всех хозяйственных учреждений и всякого рода слуг — вольных и невольных. Но не одними только выполняющими хозяйственные функции слугами исчерпывается состав двора крупного феодала. Среди его слуг есть много слуг военных, которые ходят с ним на войну.

Весьма показательно, что наши летописи двором называют прежде всего совокупность военных слуг. В 1310 г. князь Василий «бився много своим двором и убиен бысть». В 1380 г. Дмитрий Донской «перебрел своим двором» Оку¹. Подобных примеров можно привести много.

Слуги вольные — это обычно военные люди, младшие члены княжеских и боярских дружин. Не случайно источники упоминают их рядом («бояре и слуги»), трактуют их вместе, как людей вольных. Иногда между этими терминами начинает вставляться еще один, обозначающий тоже военных слуг, — «дети боярские» («а бояром и детем боярским и слугам межи нас вольным воля») ². Эти слуги, как мы уже могли убедиться, владеют землей; некоторые условно, пока служат. «Невольные слуги» тоже иногда имеют землю.

Для того чтобы составить себе ясное понятие о крупной сеньории, нельзя оставаться в пределах двора. Необходимо выйти за его пределы и посмотреть, что делается в принадлежащих владельцу селах, деревнях, починках, населенных сиротами или крестьянами.

К счастью, мы имеем в своем распоряжении первоклассный единственный в своем роде источник, довольно полно освещающий данную сторону интересующего нас

Из этого судного дела выясняется, что в присутствии судебного исполнителя «туто были оба дворские, Митя и Останя», и что «Останя дворский» взял на поруки Андрона с сыном и шурином, «а Ондрон не став (в суд.— Б. Г.), ни сын его, ни шуриин, а сказал их поручик Останя дворской, что не стали». («Акты Троицкого монастыря, собранные и подготовленные к печати С. Б. Веселовским», т. I, № 200.)

Из этого драматического отрывка видна большая осведомленность дворского не только в делах двора, но и в том, что делалось за двором.

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 47, 71.

² СГГид, т. I, № 59, стр. 129 (1436 г.).

вопроса. Это знаменитая грамота Владимирскому монастырю Константина и Елены 1391 г. Тут интересно все. Прежде всего повод возникновения грамоты. В монастыре переменилось начальство: вместо заболевшего прежнего игумена Царка прибыл новый — Ефрем. Ефрем, по-видимому, захотел кое-что изменить в положении монастырских крестьян. Крестьяне решительно запротестовали. А так как монастырь был вотчинный Московского митрополита, то крестьяне и обратились с жалобой на нового игумена к митрополиту. Последний отнесся к крестьянской жалобе с полным вниманием. И это одно уже само по себе знаменательно: крестьянин еще не был бесправен, подобно своим потомкам XVIII в.

Главные жалобы были, по-видимому, на некоторые виды изделья. На допросе бывшего игумена ему был задан вопрос: «Какова пошлина в святом Константине и как людем монастырским дело делать?» Старый игумен на этот вопрос и ответ дал: «Большим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игуменов жеребей весь рольи орать взгоном (т. е. по раскладке, сообща.— Б. Г.), и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами во двор свезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати.., а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить на семя рожь молотить; а лен даст игумен в села, и они прядут, сежи и дели неводные наряжают». Таково изделье. Оброк определен не столь обстоятельно: «большие люди» «на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках», а все вместе, и «большие люди» и «пешеходцы», «дают из сел все люди на праздник яловицу..; а в которое село приедет игумен в братщину, и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым».

Выслушав показание прежнего игумена, митрополит этим не удовольствовался, а запросил своих бояр в самом городе Владимире, и они «те ж речи сказали и о озерах и о истоках и о бобровой ловле». Очевидно, жалобы крестьян касались именно их работ по рыбной и бобровой ловле; иначе трудно понять этот заключительный итог расследования всего дела.

Для меня в данном случае важно подчеркнуть два момента: 1) крестьянское изделье заключалось в исполнении насущных нужд, связанных с непосредственными потребностями самого монастыря (на сбыт не производится здесь ничего); 2) обработка игуменского «жеребья» не представляла чрезмерных затруднений для крестьян, которые мирились с обязанностью обрабатывать монастырские земли «взгоном».

На то, что собственная монастырская запашка была еще невелика, указывает отсутствие упоминания ее в итоговом перечне (истоки, озера, бобровые ловли), а также и термин «жеребий», обозначающий обычно крестьянский участок. К этим соображениям можно присоединить и третий аргумент: в конце XV в. имеющаяся в нашем распоряжении грамота тому же монастырю констатирует факт незначительности пашни на монастырь: крестьяне «пашут на себя много, а монастырские де пашни пашут мало».

Многочисленность и разнообразие крестьянских натуральных повинностей стоит в прямой зависимости от незначительности барской запашки.

Поскольку в монастырском хозяйстве имела явное преобладание не меновая, а потребительная стоимость, то и прибавочный труд ограничивался более или менее узким кругом потребностей; безграничной потребности в прибавочном труде в данный период в монастыре еще не было.

Очень важно отметить, что в конце XV в., когда положение хлеба на рынке стало определяться, когда хлеб делался все более заметным товаром, крестьяне начали расширять площадь своих посевов, а за ними потянулся и монастырь.

Крестьяне Константиновского монастыря в грамоте именуется то «людьми», то «сиротами», то «христианами» (крестьянами), и мы по совокупности всех данных имеем основание считать их крестьянами, тяглыми людьми, зависимыми от своего сеньора, живущими за монастырем давно, знающими старую пошлину и ее защищающими. Это не новички, поселившиеся недавно, обязанности которых определяются договором, и ни с какой старой пошлиной не связанные.

В нашем распоряжении есть еще несколько грамот, относящихся к этому же монастырю. Благодаря такой

счастливой случайности мы можем проследить некоторые этапы в жизни этого небольшого хозяйства и ближе присмотреться к отношениям между землевладельцем и зависимым от него крестьянином.

Вот грамота вел. кн. Василия Васильевича 1426 г. митрополиту Фотию об освобождении Константиновского монастыря от платежа податей на срок¹. В грамоте говорится о монастыре, монастырских селах и людях, «что к тому монастырю тянуть хто будет». Рассматривается тут частный случай: «ис того монастыря и с сел того монастыря разошлись куды люди по которым местам и как придут опять на свои места, ино им пять лет не надобе никакая моя дань: ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иныя никоторыя пошлины, ни городное дело»².

Крестьяне разошлись, надо думать, в связи с наступившей после смерти вел. кн. Василия Дмитриевича «смутой», осложненной моровым поветрием. Монастырь, конечно, заинтересован в том, чтобы вернуть своих крестьян, и обратился с просьбой к великому князю о даровании некоторых льгот тем из крестьян, кто захочет вернуться на старые свои места. Великий князь удовлетворил просьбу митрополита и на 5 лет освободил желающих вернуться крестьян от государственных повинностей и тягла.

Вторая приманка — льгота на 10 лет, но это уже не для монастырских старых жильцов, а для крестьян, которые пожелали бы прийти в монастырь «из иных княжений». Вместе с тем из грамоты 1426 г. мы узнаем, что монастырские сироты — настоящие тяглые крестьяне и что они пользуются правом выхода. Можно предполагать, что Юрьев день существовал и в начале XV в., хотя никаких указаний закона по данному предмету для этого времени у нас нет. Положение константиновских крестьян в этом отношении принципиально ничем не отличается от положения крестьян в других митрополичьих вотчинах.

Очень интересна грамота вел. кн. Василия Васильевича на митрополичьи села Юрьевского уезда около 1461 г., где очень ярко изображены причины массового

¹ М. И. Горчаков, О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода, СПб. 1871, Приложения, стр. 11.

² Там же, стр. 11—12.

ухода крестьян: «и ныне-де и те села (выше был их перечень) церковные опустели от татар до от потугов не по силе, люди-де из них разошлись по иным местом, а живущих людей осталось мало». Великий князь и здесь по просьбе митрополита Ионы пожаловал: «которые люди ныне остались в тех селах или которые будут старожильцы из коих разошлись по иным местом, а приедут в те села церковные жить опять на свои места, ино тем людем, которые ныне в тех селах живут, да и тем при-шлым старожильцем не надобе моя некоторая дань на три годы», а призванным «из иных княжений» — на 10 лет. «Также и старожильцем и пришлым людем всем до их урочных лет не надобе ям, ни подвод...»¹

Между 1466 и 1473 гг. митрополит Филипп обращался к вел. кн. Ивану III с жалобой на Ивашку Шушерина в том, что он пашет землю Константинова монастыря, ссылаясь на жалованную великокняжескую грамоту. Иван III удовлетворил просьбу митрополита полностью: «хотя бы у тебя (Шушерина) была грамота моя жалованная такова, что тебе те земли пахати, а наем с них давати, и вы б через сю мою грамоту в те земли не вступалися ничем, ни пахал бы еси их»². Стало быть, монастырь перестал удовлетворяться той суммой оброка, которую выплачивал ему Иван Шушерин. Земля понадобилась самому монастырю. Иван Васильевич решил даже аннулировать свою прежнюю грамоту, чтобы удовлетворить желание митрополита.

В чем же тут дело, почему монастырю понадобилась именно земля, а не оброчная за нее плата?

Это результат серьезных перемен в данный период в хозяйственной и общественной жизни России и других феодальных европейских стран, в связи с чем изменилось отношение землевладельца к земле и к зависимому от него населению: старая форма эксплуатации зависимых крестьян перестала удовлетворять землевладельцев, рождалась новая.

Об этих крупных сдвигах речь идет в следующем отделе книги.

¹ М. И. Горчаков, О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода, стр. 15.

² Там же, Приложения, стр. 19—20.

III. КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ОТРАБОТОЧНОЙ РЕНТЫ

§ 1. Предварительные замечания

Вторая половина XV и первая половина XVI в.— это время крупнейших перемен в жизни всей Европы. Одни страны переживали переходный период от средневековья к новому времени, от феодализма к капитализму, перестраивали всю свою хозяйственную систему (Англия, Нидерланды, Италия, Кастилия, Португалия, в значительной степени Франция), другие (Русь, Австрия, Венгрия, Восточная Пруссия, Польша, Литва, Ливония) еще долго оставались феодальными и вынуждены были приспособлять новые требования жизни к феодальным общественным отношениям.

Исчезала феодальная замкнутость отдельных государств. Новые открытия в области географии, подсказанные переменами в хозяйственной жизни Европы, расширили возможности общения с далекими и богатыми странами. Золото наводнило Европу. Антверпен с его портом и биржей стал центром международного торгового оборота.

Изменилась экономическая карта мира. От стран с преобладающей сельскохозяйственной отраслью производства потребовалось усиление добычи сельскохозяйственных продуктов как для удовлетворения нужд тех стран, которые сократили у себя обработку полей, так еще в большей степени для удовлетворения нужд растущего собственного внутреннего рынка.

Никто не станет отрицать, что и Новгородская земля, Псков и Северо-Восточная Русь были втянуты в общеевропейский водоворот.

Факты большого оживления торговли Москвы с Востоком и Западом со второй половины XV в. хорошо известны. Приезжавшие в Москву иностранцы говорят об этом весьма вразумительно. «Московия,— по словам Альберта Кампензе (1523—1524 гг.), собравшего много сведений о русской торговле со слов своего отца и брата, торговавших с Москвой,— весьма богата монетою., ибо ежегодно привозится туда из всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности, но стоящих весьма дорого в наших краях». Москва рано завязывает связи с Востоком. Тверской купец Афанасий Никитин в 1466 г. отправляется с торговыми целями в Персию и успел побывать в Индии за 30 лет до Васко да Гама. После завоевания Казани и Астрахани в руках Москвы оказался весь торговый путь по Волге, что привело к усилению торговых связей с Персией, Бухарой и Хивой. В то же время очень энергично завязываются торговые отношения с Западной Европой.

Завоевание в 1514 г. Смоленска раскрыло дверь для торговли с Литвой и Польшей. В Лейпциге зарождается ярмарка русской пушнины. Устанавливаются торговые связи с Англией. Приобретение балтийских гаваней во время Ливонской войны для России было весьма своевременным новым благоприятным условием дальнейшего роста торговли с Западом. Сухопутная торговля со странами Севера и Запада тоже играла немаловажную роль. В писцовой книге Обонежской пятины, например, мы имеем запись о том, что на реке Ояти стояло 24 амбара, «куда клали всякие товары»; на Вытегре стояли такие же амбары, куда «хлеб и соль и всякий товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди». Весьма вероятно, что эти товары предназначались для Швеции.

Таким образом, обращение к внешнему рынку для объяснения некоторых явлений социально-экономической жизни России того времени неизбежно, естественно и понятно, но недостаточно, особенно если иметь в виду начальный этап в становлении фольварка, барщины и крепостного права. Можно с уверенностью сказать, что заграничная торговля хлебом в XV—XVI вв. еще не играла роли, способной радикально перестроить аграрные отношения тогдашней России.

§ 2. Рост внутреннего рынка

Иное значение имел рост внутреннего рынка, обусловленный дальнейшим общественным разделением труда внутри страны, т. е. в конечном счете развитием производительных сил. Без учета внутреннего рынка нельзя понять тех больших перемен в организации феодального хозяйства, которые происходят в рассматриваемое время в тех странах, где земледелие было главной отраслью производства, и которые сравнительно мало были втянуты в международную торговлю. В этих странах и крестьянские хозяйства и хозяйства самих феодалов начинают втягиваться в товарооборот. Это происходит под влиянием прежде всего внутреннего рынка, на рассмотрении которого мы должны специально остановиться, если хотим разобраться в сложных явлениях общественной жизни России того времени.

Общее впечатление от появившейся в дореволюционное время литературы по данному предмету — это явная недооценка того большого сдвига в жизни Северо-Восточной Руси, которым обусловлено возникновение великой державы с центром в Москве. Бросается в глаза полное невнимание к периодизации истории русских городов, игнорирование внутренней связи в отдельных проявлениях экономического роста страны и, в частности, взаимоотношений города и деревни.

Например, по С. М. Соловьеву, даже город XIV—XVII вв. продолжал быть огороженным селом: «Города здесь носят характер сел; горожане занимаются земледелием, и, таким образом, города московские XVII века напоминают города древлянские, о которых говорится в сказании о мести Ольгиной»¹. Так представлял себе русские города XVI—XVII вв. знаменитый буржуазный историк России.

В. О. Ключевский делал исключение лишь для «очень немногих городов», которые подходили сколько-нибудь под понятие города «в европейском смысле»; остальные, по его мнению, только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели большие размеры, но «большинство населения их промышляло теми же занятиями, как окрестные сельские жители»¹. Под горо-

¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. III, стб. 659.

дом в «европейском смысле» автор разумел «центр, в котором сосредоточивается торговое и промышленное население известного округа»².

С недавнего времени над проблемой происхождения русских городов много и успешно работают наши историки и археологи³.

Исследования советских историков отличаются от старых иной постановкой вопроса в связи с иным пониманием сущности города. Какого бы происхождения городское поселение ни было, возникает ли он из бурга (укрепленного пункта), вотчины или из общины, город всегда есть результат общественного разделения труда и является поселением с преобладающим ремесленным и торговым населением. Рост городов как ремесленных и торговых центров всегда есть показатель роста прежде всего внутреннего, а затем и внешнего рынка⁴.

Я не беру на себя задачи рассмотрения этого большого предмета в целом. В данной связи для моих целей полезно будет на нескольких примерах констатировать многочисленные факты возникновения новых поселений городского типа и оживления старых городов во второй половине XV и первых трех четвертях XVI в.

Хочу обратить внимание на тот уголок русской земли, который орошается рекой Мстой. Останавливаюсь именно на этой территории потому, что ее легче всего изучать по данным Новгородских писцовых книг. Река Мста представляет интерес и в том отношении, что она связывает Московскую область с Новгородом, т. е. является одной из удобных дорог между двумя крупными городами и областями.

¹ В. О. Ключевский, Сказания иностранцев о Московском государстве, М. 1908, стр. 251.

² Там же.

³ М. Н. Тихомиров, Древнерусские города. «Ученые записки МГУ», вып. 99, 1946; С. В. Бахрушин, Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. «Научные труды», т. 1, М. 1952, стр. 25—64. См. также С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л. 1939, стр. 20—24, и статью С. В. Бахрушина в «Большой советской энциклопедии» (изд. 1) под словом «Город».

⁴ См. мой очерк «Предпосылки образования городов на Руси» («Киевская Русь», изд. 1949 г., стр. 92—106); М. Н. Тихомиров, Древнерусские города.

Об этом также свидетельствуют археологические исследования древнерусских городов (Киева, Новгорода, Чернигова, Рязани, Смоленска, Ладоги и др.).

Во второй половине XV в. здесь наблюдаются яркие симптоматические показатели. Берега реки, даже ее острова усеиваются рыночными и ремесленными поселениями — рядками, возникающими на базе деревенских поселков. Связь населения рядков с сельским хозяйством на наших глазах медленно, но систематически порывается и, наконец, исчезает совсем.

Обычный тип рядка — это поселок с ремесленным и торговым населением, с лавками, гостиним двором, амбарами и складами зерна и муки, с жилыми дворами обитателей рядка, именуемых рядовичами, которых, конечно, необходимо отличать от рядовичей «Русской Правды»: кроме созвучия, они решительно не имеют между собой ничего общего.

Иногда тут же устраивается и таможенный двор. В житницы ссыпают *привозный* хлеб, а в амбарах хранят всякий мелкий товар, в гостиных дворах «ставятца» (приезжие.— Б. Г.) крестьяне с хлебом и со всяким товаром¹. Рядки энергично развиваются.

В рядке Млево, например, в конце XV в. было 225 лавок, а в первой половине XVI в. здесь уже 332 лавки. Стоит рядок на «помещичьей» земле. Лавки ставят помещичьи крестьяне. В рядке Боровичском Бежецкой пятины (вторая половина современных Боровичей лежала на другой стороне Мсты, уже в Деревской пятине) в 1574 г. было 7 дворов нетяглых церковных, 7 пустых тяглых, 114 тяглых живущих. Так как 70-е годы были годами в хозяйственном смысле неблагоприятными, о чем и говорят 7 запустевших дворов, мы вправе считать, что в первой половине XVI в. здесь не было пустоты, т. е. тяглых живущих дворов было 121.

По профессиям эти 114 дворов распределяются так: «пашенных» — 29 (25,5%), торговых людей — 17 (14,9%), кормщиков — 9 (7,9%), пирожников — 8 (7,1%), кузнецов — 6 (5,26%), хлебников и портных — по 4 (по 3,5%), сапожников и извозчиков — по 3 (по 2,63%), рыбников, мясников, судоплатов — по 2 (по 1,75%), перевозчиков, ржаников, швецов, коровьих пастухов, молодожников, биричей; соляников, профессии, которая обозна-

¹ «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией» (далее — НКП) т. VI, СПб. 1910. Бежецкая пятина. Рядок Удомля. Там же, Рядок Млево.

чается описательно: «ходит в посохе наймующись», и пивоваров — по 1 (по 0,87%), «ходящих наймующись и казак» — 5 (4,4%) не обозначено профессии — 7 (6,1%).

Наличие здесь «пашенных» людей требует некоторых разъяснений. Пашня у этих людей не обычная, деревенская. На 29 дворов приходится всего 62¼ четверти, т. е. на каждый двор в среднем — 2,14 четверти, между тем как в ближайших к рядку деревнях на крестьянский двор в то же время приходится от 8 до 11 четвертей¹. Население рядка платит подати не с земли, а с дворов, лавок и амбаров. (Можно ли при этих условиях говорить об отсутствии или незначительности юридических отличий городского и деревенского населения?)²

Аналогичную по существу картину мы наблюдаем и в других рядках. Например, в Богородицком погосте рядок Витча на Мсте имеет дворов рядовичей 38 и один бобыльский. Пашня здесь тоже есть, но что за пашня? Сеют только яровое. Самого главного и характерного для крестьянского хозяйства, озими, нет совсем («а двуполь у них нет»)³. В рядке Потерпелицы занимаются главным образом гончарным промыслом, для чего привозят глину из Боровичского погоста...⁴ «Пашенные» боровичские люди — это только напоминание о недавнем прошлом. Сейчас «пашенные» уже отбыли пашни. Впереди у них полный отрыв от земледелия и превращение в посадских людей, т. е. настоящих горожан.

«Торговые люди» в большинстве случаев такого же происхождения. Одни имеют свои мастерские, лавки и амбары, другие только лавки или только амбары, кто побогаче имеют по 2 лавки и по 2 амбара. Ремесленники, конечно, имеют свои мастерские, в то же время они и торгуют. Очень важно для моих целей заглянуть в эти лавки и ознакомиться с ассортиментом товаров.

В Боровичах больше всего лавок с хлебом и солью, за ними по нисходящей идут лавки с солью и сапогами, потом — с сапогами и рукавицами, лавки с шепетным товаром. Есть одна лавка специально с железным товаром (лемехи и косы), одна — овощная.

¹ НПК, т. VI, стр. 911—925 и 942—946.

² Ср. *Н. Д. Чечулин*, Города Московского государства в XVI веке, СПб. 1889, стр. 309.

³ НПК, т. VI, стр. 863—864.

⁴ Там же, стр. 929.

Впечатление очень определенное: местное ремесло производит на сбыт предметы первой необходимости для массового потребителя и, конечно, не только для обслуживания нужд самого рядка, но и для близлежащих деревень. Очень важно отметить, что на первом месте среди товаров стоит хлеб, привозимый в амбары окрестными крестьянами. Хлеб на внутреннем рынке — очень показательный товар, указывающий на то, что идет заметный процесс отделения сельского хозяйства от ремесла.

Не менее важно подчеркнуть и другой факт — роль крестьянина в процессе возникновения и дальнейшего развития рядков. Не случайно, например, в Удомельском рядке 90,3%, а в Лошемле все 100% лавок и амбаров принадлежали людям, продолжавшим по традиции называть себя крестьянами. В Коломне и Можайске большинство владельцев лавок — тоже недавние крестьяне¹. Явление понятное, так как самый процесс образования этого типа поселений неразрывно связан с процессом расслоения деревни, что неизбежно подразумевает рост внутреннего рынка. Это две стороны одного и того же общественного явления, в основе которого в конечном счете лежит наблюдавшийся в то время рост производительных сил страны.

По хорошо сохранившимся архивным материалам Тихвинского Большого монастыря важно проследить процесс превращения сельского поселения в город с его посадским населением и весьма значительной таможней. Эта тема подробно разработана в большом исследовании К. Н. Сербиной, посвященном Тихвинскому посаду в XVI—XVIII вв.²

То же можно наблюдать и в центре Русского государства. Симонов монастырь ведет борьбу с князем Прозоровским, на чьей земле быть рядку, и после долгих споров, наконец, устраивает его на своей земле по реке Мологе³.

¹ Н. Д. Чечулин, Города Московского государства в XVI веке, стр. 192.

² Б. Д. Греков, Отчет об осмотре архива Тихвинского Большого монастыря. ЛЗАК, вып. 26, стр. 10—32; К. Н. Сербина, Очерки из социально-экономической истории русского города (Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.), М.—Л. 1951 г.

³ ААЭ, т. I, № 263.

С. Б. Веселовский тоже приходит к выводу о том, что торги и промыслы в Русском государстве растут именно во второй половине XV и первой половине XVI в. В митрополичьем селе Вятском, Костромского уезда, в 1502 г. были только двор митрополичий и 11 дворов крестьянских. Через 60 лет село изменилось мало, но зато против него за рекой Вохтомой образовалась слободка беспашенных ремесленных и торговых людей в 17 дворов, в которой по четвергам происходили торжки «хлебом и солью и всяким мелким товаром». К XVI же веку относится появление торжка и в другом митрополичьем владении — в Карашской слободе Ростовского уезда. В 1501 г. здесь было несколько небольших сел с пашенными крестьянами. Скоро и здесь возник торжок.

К XV в. относится возникновение двух торгово-ремесленных монастырских центров — с. Медны в Торжке и с. Клементьево в Радонеже, возле Троицкого монастыря.

В первой четверти XV в. в селе Медне было большое земледельческое хозяйство. Находясь на одном из важнейших торговых путей того времени Тверь — Торжок — Великий Новгород, село Медна очень рано было втянуто в торговый оборот. Село попало во владение Троицкого монастыря, который в 1539 г. жаловался Ивану Грозному на то, что в пригородной слободке тверского епископа и в нескольких боярских селах той же местности всякие люди торгуют беспошлинно и тем самым причиняют ущерб государственным таможенным доходам. Раньше-де этих торжков не было, а исстари был торг только в селе Медна. Правительство пошло навстречу желаниям монастыря и распорядилось, чтобы «во всем Новоторжском уезде не торговал никто ничем, опричь Торжка-посада и села Медны».

По описанию 1544 г., Медна была уже крупным торгово-промышленным селом. В нем было на 15 дворов пашенных 56 дворов непашенных людей разных ремесленных профессий: портных — 8, сапожников — 8, кузнецов — 4, хлебников — 4, калачников — 6, горшечников, овчинников, колпачников, плотников, смычников, скомоухов — по 1, итого 36; остальные 20 по профессии не обозначены.

Из описания 1588 г. видно, что в с. Медна было тогда 29 лавок, «а торгуют в них тутошние меденцы и приезжаючи из деревень». В 1594 г. здесь 23 двора крестьян-

ских пашенных и 76 дворов непашенных. Среди последних: хлебников и калачников — 7, мясников — 2, торговцев солью — 2, рыболовов — 2, портных мастеров — 5, сапожников — 4, солодовников, пивоваров, полстовалов, лапотников, овчинников, седельников, решетников, скорморохов и пастухов — по 1, плотников — 7, кузнецов — 2. На медненский торг приезжали люди не только из соседних деревень и сел, но и из города Торжка.

Другое троицкое село, Клементьево, лежавшее в полуверсте от монастыря по дороге в Москву, уже в середине XV в. знает ремесленников, обслуживающих идущих к Троице богомольцев (иконники, крестечники, резцы по дереву и металлу, токари и т. п.). В 1504 г. в селе было уже 134 двора¹.

В Троицком архиве, как указывает С. Б. Веселовский, у кого я и беру эти сведения, сохранилась интересная купчая крестьянина Ивана Федорова 1546 г. И. Федоров «купил» (арендовал) у монастыря «до своего живота» лавку за 31 алтын; «а покаместа яз жив,— пишет он в договоре,— и мне в ней торговати, а бог по душу сошлет или из волости пойду, и та лавка монастырю».

В то же время мы можем наблюдать увеличение городского населения и в старых городах как центра, так и окраин, причем рост падает на ремесленников и мелких торговцев, недавних выходцев из сел и деревень.

Города — это центры не только ремесла, но и торговли. Здесь много денег. Им тут и быть подобает. Тут живут люди, «купающие и продающие» и от своих прикупов богатеющие. Кто хочет получить деньги, может доставить в город свои продукты: они тут легко превращаются в серебро. Так рисует город писатель первой половины XVI в. Ермолай-Еразм².

К XVI в. Русское государство было усеяно городами, городками, слободами. Каждое из таких городского типа поселений было торговым и ремесленным центром; он, поглощая выбрасываемых деревней оголодавших и разоренных крестьян, влек к себе разбогатевших, готовых переменить и образ жизни, и свою профессию. Шли сюда и находили себе работу и отпускаемые все чаще на волю из боярских дворов холопы.

¹ С. Б. Веселовский, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 25, 93—94.

² ЛЗАК, вып. 33, стр. 194.

Весь этот люд, живущий в городах и стремящийся в города, либо совсем, либо в значительной степени оторвался от земли и сельского хозяйства, но нуждаться в хлебе и других продуктах сельского хозяйства не перестал. Крупный боярин, по долгу службы живущий в столице или в другом каком-либо городе, конечно, держит связь со своей вотчиной, систематически получая оттуда и хлеб, и мясо, и птицу, и рыбу (иногда даже живую). Но таких обеспеченных деревенскими продуктами людей в городе немного. Основная масса городского населения — купцы, ремесленники, люди без специальности, живущие случайной работой, — хлеб и другие продукты покупает.

В город со своими продуктами сельского хозяйства стремятся все, кому нужны деньги, — и боярин, и помещик, и монастырь, и крестьянин. У нас нет недостатка в свидетельствах о наличии и росте хлебного внутреннего рынка.

В жалованной грамоте Кириллову монастырю 1471—1473 гг. говорится о монастырских людях, ездивших летом на судах, а зимой на возах с монастырским житом и солюю и с иною рухлядью, причем тут различаются отправка хлеба и других вещей самим монастырем для своих нужд (а в этом случае суда и возы освобождаются от пошлины) и транспорт «с перекупным товаром», подлежащий обложению торговой пошлиной¹.

Из более поздней грамоты тому же монастырю выясняется, что из Кириллова монастыря суда и возы в Дмитров (надо думать, и в другие соседние с Дмитровом города) ходили с солью, а обратно возвращались с хлебом².

О хлебе как товаре разбросаны сведения в различных грамотах. Вот, например, из грамоты вел. кн. Ивана Васильевича 1490 г. вологодским наместникам мы узнаем, что великий князь тоже торговал хлебом. Из его хлебных складов в Вологде Кириллов монастырь ежегодно покупал 300 четвертей ржи (2400 пудов)³. Сколько покупали тут же другие монастыри, нам неизвестно. Можно только не сомневаться, что великий князь продавал хлеб не одному Кириллову монастырю.

¹ ААЭ, т. I, № 97.

² Там же, № 167. О том же говорит и грамота дмитровского князя Юрия Ивановича, 1521 г. (там же, № 170).

³ Там же, № 126.

Углицкий князь Андрей Васильевич имел свои склады хлеба на Угличе. Ими заведовал его дворцовый ключник. Ежегодно на помин души своего отца князь Андрей отпускал в Кириллов монастырь 150 четвертей ржи и 50 четвертей пшеницы¹.

Верецкий князь, задолжавший 267 руб. (26 700 руб. на деньги 80-х годов XIX в.), в своем завещании просит вел. кн. Ивана Васильевича заплатить этот его долг, а взамен взять его жито и соль в Белоозере («А что мое жито на Белоозере в житницах и селах...»)². Очевидно, запас жита был очень значителен. Предполагалось, что великий князь его продаст для погашения расходов по ликвидации долга своего вассала.

И московское царское правительство направляет большое количество хлеба в районы, особенно в нем нуждавшиеся. Так, Аника Строганов в 1566 г. по поручению правительства продает огромные количества хлеба: 15 сентября он должен был немедленно («часа того») отпустить 1016 четвертей с осьминою ржи, 1435 четвертей овса и 87 четвертей ячменя, что составляет приблизительно 20 300 пудов. Для Астрахани Строгановы должны закупить и доставить овес, крупу, толокно, муку в количестве 2000 четвертей (16 000 пудов)³. Показательно, что Строганов имеет возможность немедленно производить столь значительные закупки.

Соловецкий монастырь в этом отношении сам проявляет большую инициативу⁴. Продавая чуть ли не на всю Россию свою соль, монастырь ежегодно закупает огромные количества хлеба.

При изучении вопроса о месте хлеба на внутреннем рынке Русского государства необходимо иметь в виду, что хотя Русь издревле была страной земледельческой, но не везде на ее огромных пространствах хлеб возделывался и родился одинаково. Северная приморская часть Новгородской области еще в первой половине XVI в. хлеба не производила. Здесь утвердилось земле-

¹ ААЭ, № 127 (жалованная грамота 1491 г.).

² ДДГ, № 80, стр. 311.

³ См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв., Л. 1924, стр. 91 и 99.

⁴ См. А. А. Савич, Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь 1927, стр. 148, 155 и др. См. также: В. О. Ключевский, Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря, Опыты и исследования, т. I, стр. 31 и др.

делие только со второй половины XVI в. Население до этого времени платило здесь подати не с обжи и сохи, а с «лука», т. е. единица обложения определялась хозяйством охотника¹. Новгородская деревня могла прокормить себя, но не могла снабжать своим хлебом города; особенно такие большие, как Новгород, который уже в XII в. живет привозным хлебом из более плодоносных частей Руси. В Сибири хлебопашество возникло в XVII в., но оно долго еще не могло удовлетворить потребностей населения. Юго-восток русской равнины не имел в достаточной степени своего хлеба даже в XVII в.

Если принять во внимание, что многие части Руси изобиловали солью, в которой нуждалось все население огромной страны, Волга и Каспийское море — прекрасной рыбой, которую ценили не только гастрономы на Руси, но и во всей Европе, что лен, нужда в котором была по всей Руси, возделывался не на всем пространстве Восточной Европы, что каждая из частей ее имела свою хозяйственную специфику, нам станет понятным неизбежность внутреннего обмена и, в частности, большой спрос на хлеб и соль в тех местах, где этих продуктов не было совсем, либо было очень недостаточно. Все эти обстоятельства в связи с ростом городов, стало быть, в связи с увеличением числа людей, оставлявших занятие земледелием, создавали большой спрос на хлеб на внутреннем рынке.

О происшедших в XVI в. переменах во внутреннем рынке говорит и движение цен на сельскохозяйственные продукты.

Н. А. Рожков с полным основанием возражает В. О. Ключевскому, который на протяжении XVI в. не находил каких-либо заметных изменений в ценах на хлеб². «Существующее мнение об устойчивости нормальных цен на хлеб в течение всего XVI века не может быть принято...», — пишет Н. А. Рожков и продолжает: «не только дорогие, но и средние цены на хлеб во второй половине века значительно повысились». Н. А. Рожков дает тут же материал о движении цен на хлеб и в пер-

¹ См. Б. Д. Греков, Что такое обжа, «Известия АН СССР», 1926, № 9 и 12—14.

² «В продолжение столетия незаметно постепенного роста хлебных цен; зато видим повторявшиеся от времени до времени сильные их колебания». (В. О. Ключевский, Русский рубль, Опыты и исследования, сб. 1, стр. 141.)

вой половине XVI в. Например, «в центре с 5 денег в 20-х годах XVI века цена четверти ржи поднялась в следующем десятилетии до 20 д., в 50-х и 60-х годах до 30, а в 80-х годах до 40 денег», «в самом начале столетия четверть овса стоила здесь 1½ деньги, в 60-х годах цена ее дошла до 12 д., а в 80-х — до 20—30 денег»¹.

Большое увеличение цен в 80-х годах, объясняющееся временным хозяйственным упадком, в данном случае нас интересует меньше, чем рост цен от конца XV до 60-х годов XVI в., когда на Руси наблюдается подъем производительных сил и успехи в хозяйстве.

В это время оживления экономической жизни деревни и города мы замечаем много интересного, много перемен и в организации хозяйства, во взаимных отношениях классов, в политике власти, наконец, в идеологической жизни общества.

Русский народ, освободившийся от татарского гнета, переживал в это время период своего возрождения. Сознание успешно восстанавливаемого единства Руси, естественно, обращало мысль к тому времени, когда Русь была единым государством с Киевом во главе. Заметно пробудился интерес к родной истории, к памятникам прошлого, связанным с эпохой независимости и целостности Руси².

Все эти стороны жизни связаны между собой, взаимно обусловлены. Говорить сейчас обо всех этих переменах в книге, имеющей значительно более узкую задачу, конечно, нельзя. Но и не учитывать всей сложности данной эпохи даже при решении отдельных сторон процесса невозможно. Иначе исследователю грозит опасность потерять перспективу, т. е. лишить себя возможности ориентироваться даже в узкоспециальных вопросах.

¹ Н. А. Рожков, *Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.*, М. 1899, стр. 210. Вывод Н. А. Рожкова о непрерывном росте цен в XVI в. получил новое подтверждение в работе А. Г. Манькова «Движение и география хлебных цен в Русском государстве XVI в.», в которой на основе анализа большого фактического материала убедительно доказано, что «XVI век в истории Русского государства характеризуется непрерывно повышающейся конъюнктурой хлебных цен» и что «весьма заметную роль в общем подъеме хлебной цены к концу столетия сыграл жестокий сельскохозяйственный кризис конца 70—80-х годов». («Исторические записки», т. 28, стр. 150.)

² Д. С. Лихачев, *Национальное самосознание древней Руси*, М.—Л. 1945, стр. 75.

§ 3. Разорение боярства и вопрос о новых кадрах землевладельцев

Теоретически, конечно, совсем не обязательно разорение боярства в качестве следствия роста товарно-денежных отношений. Казалось бы, должно быть как раз обратное: бояре, как и вообще крупные землевладельцы, со всеми их возможностями скорее и более успешно могли бы приспособиться к новым общественным условиям. Мы действительно встречаем таких богатых вотчинников, которые поняли требования времени и сумели использовать их в своих выгодах. Монастыри тут стоят на первом месте, встречаются единицы и из боярского сословия. Но в массе боярство сильно отставало от охватившего страну движения, не сумело перестроить свои хозяйства в связи с требованиями жизни.

Старый феодал-боярин, гордый своим богатством и политическим значением, слишком был уверен в незыблемости своей материальной базы и мало, а может быть, и совсем не заглядывал в надвигавшееся будущее. Его отсталое по своей организации хозяйство, отсталое хотя бы по сравнению с монастырским, уже не было в состоянии удовлетворить возросшие его потребности, которых часто он не мог уже сократить, поскольку они вызывались службой придворной и военной, поскольку весь тон жизни в аристократических кругах московского общества налагал известные требования на тех, кто не хотел или не мог выйти из этой среды.

В нашей исторической литературе давно уже отмечался факт большой, а иногда просто безнадежной задолженности князей, перешедших на службу в Москву в связи с ликвидацией уделов, и бояр, т. е. знати, часто попадавшей в сети, расставленные ростовщиками.

Наличие этих последних и огромные суммы денег, которыми они располагали для своих операций,— тоже весьма показательная сторона этого процесса. Даже случайные дошедшие до нас сведения, дающие лишь минимальные показатели, очень красноречивы.

Верейский князь Михаил Андреевич был должен, например, только одному Кириллову монастырю 21 600 руб. (на деньги конца XIX в.), задолженность князя Ивана Борисовича Волоцкого исчислялась в 64 000, брата Ивана III Юрия — в 105 000 руб.

В завещании царского духовника Василия (1531—1532 гг.) есть перечень его должников: кн. Михаил Васильевич Вислый должен ему 18 000, кн. Иван Данилович Пенков 120 000, кн. Иван Михайлович Кубенский 5000, кн. Иван Шапка и Семен Мазецкий 7000, кн. Михаил Бабич 7000, кн. Иван Михайлович Воротынский 2000, кн. Иван Иванович Барбашин 4000, кн. Федор Васильевич Лопата — 5000, кн. Иван Мазецкий, зять протопопа Василия — 20 000 руб. О своем зяте в завещании протопоп прибавил: «А зять мой, кн. Иван, жил у меня во дворе 13 лет, ел-пил мое, а служил зять мой государю все моею подмогою». Жена протопопа в своем завещании сообщает дополнительные сведения о покупке ее мужем у братьев зятя, князей Мазецких, имения в 50 000 руб.¹ и прибавляет: «а что есмь давали зятю моему приданного и в ссуду и платья и кони, и то зять наш прослужил на царской службе».

Новые потребности, к тому же непрерывно росшие, требовали для своего удовлетворения денег, денег и денег. Их нужно было гораздо больше, чем могли дать боярские села. Отсюда бесконечные и безнадежные займы, заклад имущества и в конечном счете разорение.

В то же время удельные князья и старое боярство не могли не замечать тех серьезных перемен в общественной и политической жизни страны, которые угрожали их интересам. Уже в конце XV в. старое боярство могло иметь совершенно явные доказательства тому, что его роль в государстве падает, что на смену ему идут другие люди. Об этом можно было судить по очень заметному факту формирования нового великокняжеского войска. Это новое войско было многочисленным, во-вторых, по политическому значению и по качеству оно было иным, чем старые боярские и княжеские дружины, составлявшие до недавнего времени силу не столько государства, сколько многочисленных «государей», защищавших при помощи этой силы главным образом свои феодальные гнезда. По мере роста Русского централизованного государства росла великокняжеская армия, делавшая ненужными старые боярские дружины. Самих бояр великий князь Московский очень решительно прибрал к своим рукам, и когда князь Курбский в середине XVI в.

¹ Все суммы переведены на деньги конца XIX в. по расчету В. О. Ключевского: 1 р. XVI в. = 100 руб.

попробовал охарактеризовать происшедшие с боярами перемены, то он отметил, что все они (старая знать) оказались в руках Московского царя, словно «в адовой твердыне».

В великокняжескую, а потом и в царскую армию шли люди небогатые: большинство здесь было бедняков, на военной государственной службе добывавших себе хлеб насущный. Недаром Судебник Ивана IV запрещал детям боярским, т. е. основным кадрам новой армии, поступать на частную службу: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не принимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит» (ст. 81).

Но недостаточно было путем подобных запрещений гарантировать необходимые для армии человеческие ресурсы. Нужно было позаботиться о том, чтобы обеспечить содержание армии материальными средствами. А для XV—XVI вв. это значило, что необходима была земля и деньги. Земля, которая бы кормила сына боярского и давала бы ему возможность снарядиться в поход. Без денег, хотя бы и в небольших сравнительно размерах, этого сделать тоже уже было нельзя: оружие надо было купить либо заказать мастеру. То же в значительной степени относится и к платью. Если у государства уже были некоторые и даже немалые суммы денег, их, однако, не хватало на содержание армии полностью, как об этом мечтал публицист первой половины XVI в. Ивашко Пересветов.

Земли, казалось, было вдоволь, но это так только казалось. Требовалась не просто земля, а земля, удобная для хозяйства, т. е. хорошая по качеству почвы, лежащая в тех именно местах, где по соображениям стратегическим и политическим должен был жить служилый человек, и самое главное — земля населенная, систематически обрабатываемая. Такой земли не только не было достаточно: ее решительно не хватало.

За занятые издревле земли крепко держалось боярство, еще крепче — церковь. Две трети удобного для обеспечения армии земельного фонда для государства было, таким образом, потеряно. Перед государством стояла задача использовать этот фонд, если государственная власть не собиралась мириться с остатками феодальной раздробленности.

Нам хорошо известно, что великокняжеская, а потом царская власть в централизуемом Русском государстве крепла, успешно борясь с феодальной раздробленностью. Этот рост был результатом долгой, упорной и в конечном счете победоносной борьбы со знатью светской и церковной. Важнейшими средствами в этой борьбе великокняжеской (царской) власти против феодальной знати явились: 1) политика уничтожения боярских привилегий и превращение бояр в государевых слуг; 2) попытка секуляризации церковных земельных фондов, впрочем, неудавшаяся и вылившаяся лишь в некоторое сокращение роста земельных богатств церкви; наконец, 3) меры к сокращению церковно-вотчинных привилегий в целях уменьшить соблазн, привлекавший крестьян от светских вотчинников к церковным.

Эти мероприятия власти протекали в очень сложной обстановке: боярство в связи с государственной нуждой в земельном фонде понимало остроту своего положения и готово было удовлетворить эту государственную нужду, но только за счет церкви; церковь мобилизовала все средства самозащиты, а дети боярские совсем не склонны были пассивно ждать решения своей судьбы. Отсюда много шума, много справедливых и несправедливых жалоб, и в общем итоге, хотя и не лишенная значительных компромиссов, победа детей боярских, интересы которых прежде всего отражала и защищала государственная власть.

Особенно острая борьба за землю, за распределение феодальной ренты между различными группировками господствующего класса заполнила собою вторую половину XV и значительную часть XVI в.

Очень выразительно она протекала в самой церкви, где с конца XV в. явно обнаружилось две исключаящие друг друга тенденции: «нестяжатели», с которыми солидаризировалось боярство,— сторонники передачи церковных земель государству, и «осифляне», вдохновляемые Иосифом Волоцким,— защитники неприкосновенности церковной земли.

Боярин князь Курбский не скрывал своего отношения к церковным вотчинам. Он жалуется на монахов, которые, внушая умирающим не оставлять своих имений родственникам, хотя бы и бедным, а отказывать все в

монастыри, чтобы получить за то царствие небесное, воинский чин (детей боярских) сделали хуже кажи (нищих).

С другой стороны, владыка Новгородский Феофил, обиженный на Ивана III, конфисковавшего много церковных земель в Новгороде в связи с ликвидацией новгородской независимости, готов был передать Новгородскую республику Польше, где в панах, державших тогда власть, он видел гарантию неприкосновенности церковных имуществ. Феофил был выслан из Новгорода. Иван III продолжал свою линию, отбирая церковные земли в Новгороде и передавая их детям боярским в поместья, т. е. за счет новгородской церковной земли укреплял свою власть.

В Новгороде Ивану III действовать в этом направлении было сравнительно нетрудно. Он здесь был победителем. С благословения митрополита и при явном сочувствии Москвы, особенно той ее части, которая связала свои интересы с растущим централизованным государством, он мог не считаться даже с постановлениями вселенских соборов, так как действовал против изменников православию.

Совсем в другом положении очутился он, когда в самой Москве на местном церковном соборе в 1503 г. вопрос о монастырских землях был поставлен Нилом Сорским, главой нестяжателей, который «почал молить самодержца, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились своим рукоделием». Против Нила Сорского выступил Иосиф Волоцкий. «Если у монастырей не будет сел,— говорил он,— то как постричься почетному и благородному человеку. А если не будет почетных и благородных старцев, то откуда взять людей в митрополиты, архиепископы и на другие церковные власти. Итак, если не будет почетных и благородных старцев, то и сама вера поколеблется». Иосиф Волоцкий высказывал и другие, менее «академические» мысли о том, что цари, идущие против интересов церкви, не цари, а слуги дьявола, и православным людям таким властям подчиняться не следует.

Ссориться с церковью Иван III побоялся и отступил. Церковные земли остались за церковью.

Вопрос о монастырских имуществах долго еще обсуждался и был предметом горячих споров. Мысль о

несоответствии богатства церкви с духом христианского учения легла в основу «еретического» направления среди светского и части церковного общества.

При сыне Ивана III Василии нужда в земельном фонде для испомещения армии стала еще больше. При нем было издано Уложение, в котором запрещалось жителям некоторых городов и некоторым северо-восточным князьям давать вотчины в монастыри без доклада и без ведома великого князя. Это правило 11 мая 1551 г. получило силу общего закона, и за нарушение его постановлено: «та вотчина у монастыря безнадежно имати на государя». Земли, отнятые церковными учреждениями у детей боярских и крестьян за долги, и земли, розданные во время боярского правления в малолетство Грозного, велено было вернуть прежним владельцам.

Указ 1552 г. разрешил заменять земельные вклады деньгами. В 1573 г. действие этого закона распространено на все родовые княжеские и боярские вотчины. Разрешалось землю давать только бедным монастырям, но всякий раз только с доклада государю. Церковные соборы 1580 и 1584 гг., созванные в тяжелое время хозяйственной разрухи для выработки мер для ее ликвидации, постановили «от сего дня впредь... вотчинникам вотчин своих по душам не давать», а давать за них в монастыри деньги; вотчины, купленные и взятые в заклад церковными учреждениями до 1580 г. у служилых людей, отобрать на государя.

Правда, и эти меры не прекратили притока земель в церковные учреждения, но все же несколько затруднили дальнейшее расширение монастырских земельных владений.

Вопрос об укреплении армии, назначенной служить не только обороне русской земли от врагов внешних, но и укреплять централизующееся государство в борьбе со сторонниками феодальной раздробленности и боярских старых привилегий, решался не просто и не легко.

Затруднения с испомещением служилых людей сказывались весьма определенно. Редкий служилый человек получал то количество земли, которое ему полагалось «по окладу». «Дача», т. е. фактический размер получаемой земли, как правило, не соответствовала «окладу» в среднем на 50%. Эти 50% либо возмещались ненаселенной землей в «диком поле», либо являлись предме-

том исканий самого служилого человека, вынужденного зорко наблюдать положение соседних землевладельцев с целью найти землю, на которую по тем или иным основаниям он мог бы заявить свои притязания.

Такой «порядок» держался долго, не менее 150 лет, пока, наконец, помещики не осели на земле более или менее прочно и не стали мечтать о превращении своего условного владения землей за службу — поместья в собственность — вотчину.

§ 4. Рост барской запашки

Чем энергичнее рос внутренний рынок, чем сильнее он предъявлял свои требования, тем настойчивее ставился вопрос о реорганизации хозяйства феодалов.

Мы видели, как оно было организовано в XIV и значительной части XV в. Для многих землевладельцев становилось ясно, что по старине уже жить нельзя. Деньги все крепче входили в обиход, без них не мог жить даже мелкий хозяин-крестьянин, так как и он уже связался с городом и с него и государство и его хозяин стали требовать денег.

Товарность хлеба быстро росла. Понятно, почему и крестьяне и феодал-земледелец начали увеличивать производство хлеба.

Знакомый уже нам монастырек Константина и Елены в конце XV или в начале XVI в. обеспокоен тем, что у монастыря невелика собственная запашка. Имею в виду известную грамоту митрополита Симона (1495—1511) Юрию Масленицкому¹.

В данном случае для нас самое интересное в грамоте — это желание монастыря увеличить крестьянскую барщину по обработке на монастырь земли.

Архимандрит Константиновского монастыря затеял серьезную реформу и обратился со своим проектом к

¹ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», М. 1951, ч. 1, № 205. Грамота подвергалась обсуждению не раз. В самое последнее время о ней высказывались: С. Б. Веселовский, Село и деревня, стр. 53—54 и Л. В. Черепнин, Из истории древнерусских феодальных отношений, «Исторические записки», т. 9, стр. 36—37. Главное внимание обращается в литературе на вопрос о формах крестьянского землепользования.

митрополиту. В своем проекте он указывал, что «монастырские крестьяне... пахут пашни на себя много, а монастырские-де пашни пахут мало». Митрополит предписал землемеру Юрию Масленицкому отправиться в монастырскую вотчину и «перемерить пашню во всех трех полях», предоставив крестьянам по 5 десятин, а шестую десятину указать пахать им на монастырь. Таким образом, крестьянин должен был пахать 20% от размера своего участка на монастырь. Как эта реформа осуществлялась технически, у нас данных нет.

Совершенно ясно и конкретно о монастырской пашне и барщинных повинностях крестьян в Константиновском и Благовещенском Нижегородском (тоже митрополичье-патриаршем) монастырях говорит жалованная грамота патриарха Иова 1590 г., т. е. примерно 56 лет спустя после того, как на землю Константиновского монастыря ездили архимандрит Матвей с землемером Юрием Масленицким. Грамота определенно свидетельствует, что монастырь завел свою собственную и немалую запашку. Крестьяне должны были обрабатывать монастырские поля из расчета по 3 десятины (1½ озимого хлеба, 1½ ярового) на крестьянский двор, сеять, жать, молотить, свозить и ссыпать хлеб в монастырские житницы, удобрять землю, косить сено. Работали крестьяне на своих харчах.

Если мы обратимся к другим монастырям, то увидим то же самое в еще более ярких цифрах. Троице-Сергиева лавра в конце XVI в. освободила своих крестьян от всех разнообразных работ и заменила их одной — обработкой земли. Каждый крестьянин должен был вспахать на монастырь 5 десятин «за всякие монастырские доходы».

Те же характерные явления хозяйственной жизни мы можем наблюдать и в крупном хозяйстве Новгородского епископа. Все многочисленные факты, касающиеся хозяйства этой крупнейшей латифундии за конец XV и самое начало XVI в., приводят нас к совершенно твердому выводу об отсутствии в вотчине Новгородского епископа собственной барской пашни. Типичное для феодальной крупной вотчины сочетание крупного землевладельца с мелким крестьянским хозяйством мы встречаем в это время во всех владениях Новгородского епископа.

Собственную барскую пашню впервые в источниках мы начинаем наблюдать лишь в 40-х годах XVI в. Появление ее может быть отнесено ко времени несколько более раннему. Характерно, что обрабатывают ее наемные «дружины» — своего рода артели сельскохозяйственных рабочих.

Если Новгородский епископ, богатейший из феодалов, к тому же живущий не только от земельной (конечно, докапиталистической) ренты, а и от крупнейших доходов с подвластных ему многочисленных церквей и монастырей своей епархии, принялся за распашку земли и организовал свое барское сельское хозяйство, то этот факт говорит об очень многом.

Не трудно догадаться, чем руководствовались землевладельцы, заменяя старые многочисленные и разнообразные повинности одной — обработкой разросшейся барской пашни там, где она была раньше, или заводя ее вновь, если до сих пор ее не было.

Причина этих перемен заключается в росте внутреннего рынка, на котором хлеб становился все более и более заметным товаром. Хлеб легко стало превращать в деньги. На деньги было удобнее, легче и экономнее приобретать все то, от производства чего были освобождены крестьяне. Отсюда заинтересованность землевладельца в расширении пашни, в увеличении продукции хлеба. Отсюда нажим на крестьянина и стеснение его правового положения.

Итак, мы смело можем утверждать, что резкое увеличение собственного барского хозяйства падает главным образом на XVI в. и в этом отношении Русь ничем не отличается от всех других европейских государств, расположенных на восток от Лабы (Эльбы).

§ 5. Сокращение применения труда холопов. Крепостной и наемный труд

Крупные сдвиги в хозяйственном развитии страны, важные перемены в жизни господствующего класса и самого государства, естественно, сопровождались значительными изменениями в положении сельского населения. В частности, исчезают остатки полного холопства, и присвоение феодалами их труда вытесняется другими, более прогрессивными формами эксплуатации.

Уже Ключевский в свое время отметил (но не объяснил) факт увеличения во второй половине XV в. «количества свободных людей, которые не хотели продаваться в полное холопство, но не могли поддержать своего хозяйства без помощи чужого капитала». Факт увеличения числа свободных людей, вынужденных искать приюта своим силам, отмечен совершенно правильно. Это результат внутренних процессов в городе и деревне.

Для иллюстрации положения возьмем очень хорошо известное духовное завещание кн. Патрекеева 1498 г. Он освобождает часть своих дворовых людей, «холопов». Больше 20 людей и семейств здесь названы по именам. А затем сделана прибавка: «А которые мои люди не писаны в сей душевной грамоте, и те мои люди все на слободу и с женами и с детьми». Три семьи из поименованных отпущены «с землею», стало быть, числясь в холопах, они уже сидели на земле, т. е. были крепостными крестьянами. Сколько «холопских» семейств всего отпустил Патрекеев, нам неизвестно, но уже эта фраза о всех, здесь не поименованных, предполагает их не малое число (иначе бы хозяин не поленился их перечисть).

Патрекеев не один оказался в положении, когда отпуск на волю холопов стал вопросом хозяйственной целесообразности, одним из средств облегчить расходы по имению. Освобождение холопов стало в это время явлением массовым. Невольно возникает вопрос, куда девается эта масса людей, отпущенных на волю, т. е. фактически лишенных крова, питания и одежды, которыми их в качестве своих холопов снабжал до сих пор кн. Патрекеев и другие землевладельцы, кичившиеся друг перед другом количеством своей дворни.

На этот вопрос отвечает нам знаменитый автор Домостроя, поп Сильвестр, в наставлении своему сыну Анфиму:

«Работных (холопов.— Б. Г.) своих всех,— пишет он,— свободных, наделих и иных окупих из работы и на свободу попущах», и дальше продолжает: «И все те работные наши свободны и добрыми домами живут, яко же видиши.; мнози во священническом и во дьяконовском чину и в дьяцах, и в подьячих и во всяких чинах, кто чего дородился и в чем кому благоволил бог быти:

овии рукодельничают всякими промыслами, а многие торгуют в лавках, мнози и гостьбы деют в различных землях всякими торговлями...»¹ Стало быть, люди попа Сильвестра главным образом были поглощены городом: одни попали на службу в государственные учреждения и дослужились до высоких чинов (дьяки), другие пристроились в огромной церковной организации, третьи превратились в ремесленников и купцов и на этом поприще сделали большие успехи.

Надо думать, что и бывшие холопы кн. Патрекеева нашли применение своим силам. Мы знаем, что часть этих элементов поглощала и растущая армия Московского великого князя, а потом и царя.

Появление обедневшей массы населения, вынужденной продавать свой труд на очень невыгодных для себя условиях, было оборотной стороной прогрессивного хозяйственного прогресса — поднятия производства у тех хозяев, которые умело приспособлялись к новым требованиям, предъявленным к сельскому хозяйству.

Бывший царский опричник Штаден, умевший наблюдать и вполне конкретно передавать виденное, говорит, что «теперь (разумеются, 70-е годы XVI в.) некоторые крестьяне имеют много денег». А рядом с этими преуспевающими — беднота, ищущая пристанища у людей богатых.

В Емецкой волости, принадлежавшей Антониеву Сийскому монастырю, с 1534 по 1595 г. наблюдается очень характерный в этом отношении процесс. В течение 60 лет мы имеем на 72 крестьянских двора 38 случаев продаж-покупок земли среди крестьян при 35 продавцах и 29 покупателях (3 человека продавали землю по 2 раза).

Параллельно с этим процессом шел другой — наступление на крестьянскую землю крупного землевладельца. Оба эти явления прекрасно отображены в челобитье крестьян Емецкой волости царю на Антониев Сийский монастырь, который крестьяне обвиняли в их разорении. Крестьяне жаловались, что монастырские власти «поотнимали лучшие пашенные земли и сенные покосы и привели (отнятое) к своим монастырским землям, а у иных крестьян деревни поотнимали с хлебом и сеном и, многие дворы разломав, развозили из тех деревень; кре-

¹ Чтения ОИДР, 1908, кн. II, стр. 68.

стьяне от того игумного насильства с женами и детьми меж дворы волочатся». Тут же крестьяне говорят о том, что игумен «вымучил» на многих крестьянах и бобылях «подрядные записи» и кабалы. «Обыск», сделанный по распоряжению царя, подтвердил все эти обвинения. Вот некоторые конкретные факты: «Дер. Часовенская на волоке. Двор разорен Селянинка Комарова. Двор Микитки Дмитриева разорен. Да и иные крестьянские и бобыльские дворы разорены и развожены, а досталь сожжена. А ту деревню старцы припустили к своей монастырской земле». Или: «Починок Корчевский.., а распахали тот починок... деревни Кошечевы горы крестьяне Игнашка Петров с суседами. А у них отняли Сийского монастыря старцы, и на том починке двор поставили свой монастырский, и пашню пашут, и сено косят, и всякими угодьями владеют Сийского монастыря старцы». И еще: «Дер. Емельяновская. Во дворе был крестьянин Михалко Евсеев. А тот Михалко умер, а после него остался сын его Шумилко. И тот Шумилко из тое деревни выбит вон, скитається меж двор. А пашню пашут и сено косят Сийского монастыря старцы» и т. д. и т. д. Во всей волости разоренных монастырем крестьянских дворов показано 13. Сколько их скрыто в загадочном выражении «да и иные крестьянские и бобыльские дворы разорены и развожены», сказать трудно.

Пред нами знамение времени. Экономическая политика крупного землевладельца, поставившего своей целью расширение своего хозяйства и прежде всего своей барской запашки.

Разоренные крестьяне и бобыли — это контингент для всевозможных разновидностей подневольного и «вольного» труда, применяемого в хозяйстве крупного землевладельца.

Эти обедневшие люди искали себе пристанища. Прав Ключевский в том, что они не шли в полное холопство, но потому ли, что они этого не хотели, это другой вопрос. Едва ли тут дело в их желании и нежелании.

В нашей старой исторической литературе можно встретить такого рода суждения, что-де в средневековой Руси люди были какие-то особенные, не дорожили своей свободой и очень легко продавали себя и друг друга в рабство. Герберштейн даже приписал любовь к несвободе национальной черте русского народа:

«Этот народ находит более удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ибо перед смертью господ в огромном большинстве случаев, отпускают известных рабов (*certos servos*) на волю, но эти последние тотчас за деньги отдают себя в рабство другим господам»¹.

Все эти рассуждения — сплошное недоразумение, результат полного непонимания самой сути развития общественных отношений не только России, но и всякой другой страны.

В самом деле, как мы должны понимать сообщение греческого военного писателя конца VI в. Маврикия о славянах («племена славян (южных) и антов (восточных славян) сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе: их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению») рядом с замечанием Герберштейна?

Конечно, от VI до XV в. времени протекло не мало. Но можно с полной уверенностью, основанной на показаниях наших источников, утверждать, что нет и не было людей, любящих рабство. Дело тут не в любви и нелюбви, а в характере общественных отношений, делавших зависимость человека от человека неизбежной. Формы этой зависимости менялись, но эксплуатация оставалась.

Но все же Ключевский как наблюдатель совершенно прав. Массы обедневших людей в конце XV и первой половине XVI в. не превращались в рабов. Рабство, даже в той измененной форме, которая наблюдается в процессе феодализации России, продолжало весьма заметно уступать место более прогрессивным формам труда — крепостному и наемному (в той или иной, более или менее четкой форме).

На это интересное явление русской жизни XV в. обратил внимание еще в 1909 г. и С. В. Бахрушин. Изучая очень внимательно княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в., он отметил, что в конце XV в. «в крупных княжеских владениях пользование несвободным трудом... выходит из употребления»². Его выводы подтверждаются и другими фактами.

¹ Герберштейн, Записки о московитских делах, 1908, стр. 74.

² С. В. Бахрушин, Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в., «Сборник статей в честь В. О. Ключевского», М. 1909, стр. 597.

Стоит обратиться хотя бы к судьбам актов, оформлявших в древности положение различных категорий эксплуатируемой массы. История «полной грамоты», договора о поступлении в полное холопство, рабство, характерна. На наших глазах этот вид акта начинает таять, пока в конце XVI в. не прекращает своего существования совсем. С. Н. Валку в его интересной статье «Грамоты полные» удалось проследить историю этого акта. «Конец существования полной,— пишет он,— мы должны отнести к последним указным упоминаниям о ней, ко времени не позднее начала XVII в.»¹ (Последнее упоминание полных в законодательных актах автор видит в указе 1597 г., в актовом материале полные в первой половине XVII в. уже не встречаются.)

Этапы в истории полного холопства, отраженные в законодательных памятниках, имеющих в нашем распоряжении, позволяют нам подтвердить вывод С. Н. Валка с другой стороны. Тенденция «Русской Правды» ограничить источники полного холопства уже отмечалась выше. Там прямо указывается на три источника: продажа, женитьба на рабе без особого договора, исключаящего рабство, как последствие такого смешанного брака, и поступление на службу в тиунство и ключничество без аналогичного договора. В данном случае особенно интересна для нас эволюция третьего по счету древнерусского источника полного холопства. Вот этот текст «Русской Правды»: «А се третее холопство — тиунство без ряду, или привяжет к себе ключ без ряду»².

В Судебнике 1497 г. по этому же предмету читаем: «По полной грамоте холоп, по тиунству и по ключу по сельскому холоп с доклада и без доклада... а по городскому ключу не холоп» (Судебник, ст. 66). Городской воздух был способен делать людей свободными у нас так же, как и в Западной Европе в известный период ее истории. Этот же закон развивается в Судебнике 1550 г. еще дальше: «А по городскому ключу не холоп... А по тиунству без полные и без докладные не холоп» (Судебник 1550 г., ст. 76).

¹ С. Н. Валк, Грамоты полные, «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пгр. 1922, стр. 118.

² С. В. Бахрушин, Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в., «Сборник статей в честь В. О. Ключевского», стр. 597.

Совершенно ясно, в каком направлении идет процесс:

В городе

По «Русской Правде» — по тиунству и по ключу холоп.
По Судебнику 1497 г.— по городскому ключу уже не холоп.

В деревне

По «Русской Правде» и } холоп
по Судебнику 1497 г. }
По Судебнику 1550 г.— холоп только с доклада.

Закон 11 октября 1555 г. о добровольной службе запретил холопить наемных слуг¹, в 1556 г. устанавливается пожизненное холопство пленных², в 1558 г. назначается смертная казнь и господину и чиновнику, состряпавшим подложную крепость на вольного человека³, указ 15 октября 1560 г. запрещает должникам идти в холопы даже при их собственном желании⁴ и, наконец, в 1597 г. запрещается продажа в полное холопство совсем⁵.

По «Русской Правде» закуп обращался в полного холопа, если господин его платил за него в случае кражи, а по Судебнику 1550 г. (ст. 89) крестьянин, выданный его же господину на поруки за преступление, не только не превращался в холопа, но даже не лишался права выхода. В таком случае требовалась от отказчика (агента по вербовке крестьян, желающих переменить хозяина) порука, что он представит отказывающегося (уходящего от своего хозяина по закону «с отказом») крестьянина в суд, если возникнет на крестьянина какое-либо новое дело. Тут необходимо напомнить принципиальное отрицание всех видов рабства у Ивашки Пересветова, поведение попа Сильвестра и его наставление сыну, поведение еретика Башкина, заявившего: «...Я-де благодарю бога моего. У меня-де что было кабал полных, то-де есми все изодрал, да держу-де,

¹ В. Н. Татищев, Судебник, изд. 2, М. 1786, стр. 143.

² Там же, стр. 156.

³ Там же, стр. 187.

⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия, вып. III, изд. 4, СПб., Киев 1908, стр. 22—23.

⁵ См. А. И. Яковлев, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. 1, М.—Л. 1943, стр. 85.

государь, своих добровольно: добро-де ему, и они живет, а не добро, иди куды хочет».

Мы имеем все основания утверждать, что это не случайность, а явление весьма распространенное в это время, ответ на известные требования времени. С. В. Бахрушин на основании своих наблюдений тоже пришел к заключению, что в это время «княжеское рабовладение сильно сократилось; холопов-страдников мы видим,— пишет он,— только в селах, но и тех обычно освобождают перед смертью (хозяев); промыслы эксплуатируются исключительно посредством свободных оброчников»¹. Мои собственные наблюдения над жизнью крупной вотчины Новгородского епископа решительно говорят о том же. В епископском дворе в гор. Новгороде работало в первой половине XVI в. больше 150 человек, получавших за свой труд денежное жалованье. Собственное барское сельское хозяйство Новгородского епископа, организованное в первой половине XVI в., обслуживается наемными артелями. В деревнях, составлявших вотчину св. Софии, работало зависимое крестьянство. Многочисленные документы иногда называют их по-прежнему холопами, но терминология эта уже перестала соответствовать сущности общественного явления, им обозначаемого.

Перед нами не холопы, а крепостные крестьяне, крепкие земле и своему господину. Холоп отличается от крестьянина тем, что у холопа нет своих средств производства, у крестьянина они есть. Нам надлежит не буквально воспринимать термины документов, а разобраться в сущности самого явления, этим термином обозначаемым: термины почти всегда переживают свое первоначальное содержание. (То же мы видим и в Западной Европе: термин *servus*, в древнеримском обществе обозначавший раба, в средние века стал обозначать крепостного.)

На Руси приблизительно в XV—XVI вв. создается особая характерная прослойка холопов — «добровольные холопы», под которыми понимаются слуги, работающие у своих хозяев без оформления через документ, т. е. вольные слуги, подобные тем, о которых говорил

¹ С. В. Бахрушин, Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в., «Сборник статей в честь В. О. Ключевского», стр. 598.

Башкин: «...держу де... своих слуг добровольно: добро де ему, и он живет, а недобро, и он куды хочет»¹
(Курсив мой. — Б. Г.)

11 октября 1555 г. вышел о добровольном холопстве даже особый указ: «Которые люди учнут у кого с воли служити без крепостей, а пойду от них прочь с отказом, или без отказа, и те люди, у которых они служили, учнут на них искати сносов, на сколько ни буди, и тем людем, у которых служили, на тех людей суда не давати, потому что у него служили добровольно, и он его не хотя отпустить, да на нем ищет сноса. Что чего пропало, то у себя сам потерял, того для, что вольному человеку верил и у себя держал без крепости; и бояре велели сие в Судебник написати... велели о вольных людех судити по сему»².

Несмотря на то, что приведенный текст носит явные следы пересказа самого Татищева (это он делал при передаче текстов не один раз), у нас имеются все основания полагать, что Татищев не выдумал этого указа и не исказил его основного смысла³.

Речь идет о весьма распространенном в конце XV и первой половине XVI в. явлении, когда хозяева не хотели брать людей в холопство, а предпочитали пользоваться вольным трудом на срок, конечно, по определенной устной договоренности. На этой почве иногда сталкивались старые привычные притязания людей, ищущих рабочих рук, с интересами предлагающих им свои услуги. Жизнь еще не успела выработать новых норм на этот предмет, а старые перестали удовлетворять обе договаривающиеся стороны. Закон 1555 г., во всяком случае в изложении Татищева, отвечает только на один, по-видимому, наиболее часто встречающийся в практике, случай, когда хозяин хотел удержать у себя вольного работника, имевшего полное право уйти от хозяина, — это обвинить работника в краже. Закон считает применение этого средства недопустимым и запрещает давать суд по такого рода делам, мотивируя тем, что работник «служил добровольно», «без крепости»: хозяин-де верил

¹ ААЭ, т. 1, № 238/IV, стр. 249.

² В Н. Татищев, Судебник, стр. 143.

³ О приемах передачи Татищевым документальных текстов см. Б. Д. Греков, «Происхождение крепостного права в России», «Крепостная Россия», 1930, стр. 78—80.

работнику на слово, стало быть брал на себя и возможные последствия своего доверия.

Вопрос о найме рассматривают оба Судебника — великокняжеский и царский. Первый Судебник в ст. 54 говорит кратко и ясно: «А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен»¹. Второй Судебник развивает эту же мысль: «А наймит у государя не дослужит урока своего, да пойдет прочь, и он найму лишен. А который государь наймиту не захочет дати найму, и уличит его в том наймит, и на том доправити наем вдвое»². Закон предполагает, что дела о найме разбираются в суде, где наймиту предоставляется возможность «уличить» своего хозяина. Судебник царя Федора Ивановича знает ту же статью в еще более расширенном виде: «А наймит не доживет до сроку у государя своего и пойдет прочь, а вины на государя не скажет,— и он найму лишен. А буде государь учнет его до сроку отсылати, и ему дати наем по росчету; а кои государь не захочет найму дати наймиту, уличат его в том, и наймит уличит,— на том доправити наем втрое»³. Псковская Судная грамота еще подробнее разбирает случаи, возникающие в связи с наймом⁴.

Вышеприведенный закон 11 октября 1955 г. имеет в виду норму Судебника и касается только одного казуса, связанного с общим положением наймитов. Применение их труда в хозяйстве мы можем наблюдать в подлинной жизни со второй половины XV и особенно в первой половине XVI в. довольно часто.

В городском дворе новгородского митрополита в первой половине XVI в. работают почти 100 наемных людей⁵, они нанимаются на митрополичьи рыбные ловли, обрабатывают барское поле. Все они получают заработную плату частью деньгами, частью продовольствием и

¹ Судебник 1497 г., ст. 54. Совершенно то же мы встречаем в Полицком статуте (ст. 93), но этот старый закон был заменен новым. См. *Б. Д. Греков*, *Полица*, стр. 279—280.

² Судебник 1550 г., ст. 83.

³ Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г., М. 1900, ст. 148.

⁴ Псковская Судная грамота, ст. 40.

⁵ Плотников — 6, «дружинников» (артель) — 10, поваров — 8, «поляков» — 7, хлебников — 6, погребных стряпчих — 7, сторожей — 3, сушильных подлючников — 2, конохов — 8, звонарей — 5 (они звонят не целый день, и не все сразу, а обычно несут и другие чисто хозяйственные обязанности), мельников-мукомолов, пивоваров,

обмундированием. Работают они из материала хозяйского, орудия производства принадлежит тоже хозяину.

Софийский дом в это же время очень часто производит заказы ремесленникам или приглашает ремесленников к себе на работу. Например, в расходной книге Софийского дома 1548 г. отмечается: серебряных дел мастеру Ефиму «дано... на... оклад (образов) денег 45 алт., да на золото дано 9 алт., а от дела дано 5 алт.; да на 8 крестов на оклад дано 28 алт., а от дела дано 12 алт.» «Заплачено Ефиму серебрянику от трех ковшов о серебряных от дела 13 алт.»¹ Если мы ближе присмотримся ко всем десяти записям о выдаче денег этому серебрянику Ефиму, то заметим, что он получает от оклада иконы, сообразно ее размерам от 4 до 5 алт., от креста — 1½ алт., от ковша — 4⅓ алт. Он работает на заказ из материала заказчика сдельно (постоянного жалованья не получает).

Аналогичные факты из жизни монастырей этого же времени нам тоже известны. В Волоколамском монастыре жили за плату в 1579—1580 гг. больше 100 человек: детенышей — 37, истопников — 13, конюхов — 12, дворников — 9, мельников — 2, сторожей — 2, поваров — 4, бочарников — 3, плотников — 3, токарей — 2, кожевников — 2, портных мастеров — 6, сапожников — 4, кузнецов — 3, колесников, кочарыжников, чулочников, сдельников, скатертников — по 1.

Все они получают годовичную заработную плату и добавку к ней («на рукавицы»). Работают они орудиями производства хозяйскими, питаются от хозяина. В монастырском Обиходнике указано, где кому сидеть за трапезой. За одним столом: сначала слуги, потом мастера швецы, сапожники, стрельцы, в конце — конюхи, «дети» (детеныши); за другим: плотники большие, кузнецы, за ними «дети», сиречь «делавцы черные» (на полях объяснено — детеныши), истопники, воротник и сторожа. «А от водяных ворот сторож, да хлебной, да

водовозов, сушильных подъячих, часовиков, судомоев, кузнецов, стенщиков, казаков — по одному, работа 5 наемных человек точно не обозначена. (Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома XVI—XVII вв.; «Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии», вып. 33, стр. 222.)

¹ «Известия Археологического общества», т. III, СПб. 1861, стр. 34, 52.

просфирной — те сидят за первую (трапезою) вместе с мукосеями, со старцы в третьем столе».

Штатных работников иногда не хватало и здесь, и монастырю приходилось обращаться в отдельных случаях к разовому заказу или найму: заказывали делать из монастырской конопля масла, принимали плотников, давали заказы кузнецам и т. п.¹

«Наем личных услуг,— говорит М. А. Дьяконов,— составлял отнюдь не редкое явление в строе хозяйства как монастырского, так и светских частных владельцев... Памятники говорят о наймиках страдных, наймиках для пашни, наймиках монастырских летних, работных наймиках, наемных казаках, наемных... ярыжках и др.»²

Но дело не в том, что подобные явления встречались задолго до начала XVI в., а в том, что именно теперь четко осознается преимущество труда наемных людей и зависимых крестьян перед трудом холопов. Это осознается даже теми, кто не особенно охотно вникал в детали организации своего хозяйства в уверенности, что все, что делали их деды и отцы, правильно и незыблемо, что нерушимость старины может гарантировать их от всяких осложнений, неприятностей и тем более разорения.

§ 6. Начало регламентации положения крестьян в общегосударственном масштабе

В связи с процессом объединения княжеств в единое Русское государство, в связи с тенденцией общерусской власти создать общерусские правовые нормы стоит и первая попытка создания общего положения о крестьянах.

До этого времени каждое княжество разрешало вопросы внешней и внутренней политики по-своему. До этого времени каждое крупное княжество успело создать свой собственный законодательный кодекс (Новгородская Судная грамота, Псковская Судная грамота, Рязанские законы, которые видел Татищев, и до нас не до-

¹ М. Н. Тихомиров, Монастырь-вотчинник XVI в. «Исторические записки», т. 3, стр. 149—152.

² М. А. Дьяконов, Очерки по истории сельского населения, стр. 302. О монастырских детенышах см. специальный раздел настоящей книги.

шедшие). После соединения этих разрозненных частей в одно Русское государство стал неизбежным вопрос о новом, общегосударственном кодексе.

Таким кодексом и явился Судебник 1497 г. Ивана III. Один из важнейших вопросов государственной важности, каким, несомненно, был вопрос крестьянский, не мог не найти в этом кодексе своего места. Мы имеем здесь знаменитую 57 статью: «А хрестьяном отказыватися из волости (в волость), из села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платят в полах за двор рубль, а в лесах полтина. А который христианин поживает за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три годы проживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы проживет, и он весь двор платит»¹.

Об этой статье писано было очень много, но и сейчас она представляется не вполне ясной. Неясно, о каких именно крестьянах здесь идет речь: обо всех ли зависящих или же только о тех, кто жил за своим хозяином временно — год, два, три, четыре. Наиболее вероятным я считаю, что тут перед нами опыт создания закона для всех зависимых крестьян: первая часть статьи имеет характер обобщающий, вторая часть («А который христианин...») имеет в виду ту группу крестьян, которая нам известна под именем новоприходцев, серебряников и др., т. е. живших за своим хозяином по срочному договору, который на практике очень часто превращался в очень длительный. Если именно так понимать эту статью Судебника, отсюда будет следовать вывод, что власть централизуемого Русского государства подчеркивала право крестьянина по договоренности со своим хозяином «отказыватися», уходить от хозяина в один срок в году — приблизительно с 19—20 ноября по 2—3 декабря. В Пскове, который еще пользовался в это время политической самостоятельностью и на который в это время (1497) нормы Судебника еще не распространялись, сроком выхода крестьян-серебряников («изорники») был не Юрьев день (26 ноября ст. ст.), а Филип-

¹ «Акты исторические, собранные и изданные Археологической экспедицией» (далее — АИ), т. 1, № 105.

пов день (14 декабря ст. ст.). Очень вероятно, что и в других частях Руси в период феодальной раздробленности были свои сроки отказов. Но едва ли в этих сроках могло быть большое расхождение, так как сроки выходов приурочивались обычно к концу сельскохозяйственных работ, т. е. к глубокой осени.

Московская власть узаконивает для всего Русского государства единый срок отказов. Очень возможно, что Судебник данной статьей, кроме единства сроков, в практику отказов для крестьян-старожильцев нового ничего и не вносил. Это, несомненно, для тех частей государства, где и в период феодальной раздробленности право отказа оставлялось за крестьянами. Говорить об этом уверенно нет возможности, поскольку нам известно положение крестьян не на всей территории раздробленной Руси.

Совершенно ясно одно: власть Московского государства, стоящая на страже интересов дворянства, т. е. той общественной прослойки, которая составляла опору растущего самодержавия, определяла положение крестьян с тем, чтобы служилый человек, основа великокняжеской новой армии, точно знал круг своих прав на крестьян, в пределах которых он мог рассчитывать на помощь государства.

Старое боярство, долго еще пытавшееся сохранить за собой свое привилегированное положение, едва ли было заинтересовано в регламентации крестьянского положения, так как оно, это боярство, сильное в своих владениях, издавна владевшее землей и сидящим на ней населением, само своими собственными средствами могло оберегать свои права и если в чем нуждалось, то в согласовании действий своих соседей, таких же крупных и всесильных владельцев земли и крестьянских душ. В этом отношении очень характерен пример из жизни белорусских магнатов.

8 февраля 1531 г. архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский Нафанаил, «все князья и панове бояре и мещане Витебские» собрались и «положили вси сами межи собою своею доброю волею», как держать за собой своих крестьян. Устав этот до нас дошел. Он напечатан в «Белорусском архиве», т. II под № 72. Это постановление принял воевода Витебский и сам обязался исполнять это решение. В соглашении сказано, что если

воевода и его чиновники не станут выполнять этого установления, тогда и люди, его составившие, тоже не будут его выполнять («А естли ж пан воевода... водлуг тое ухвалы людей вольных держать не будут, ино и мы вси тое уставы также держати не будем»).

Русское централизованное государство, в отличие от Польши и Литвы, где по-прежнему сильна была феодальная знать, разрешало вопросы внутренней политики иначе. Судебник относится ко «всей Руси». У Московского великого князя в руках серьезные средства для проведения в жизнь того, что «уложил» он сам вместе со всей Боярской думой.

Судебник — важнейший из наших источников для суждения о мероприятиях власти по различным вопросам внутренней политики. Но у него есть одна особенность, ставящая его в отношении обобщений выше многих, более старых законодательных сборников и в то же время именно вследствие этого затрудняющая его понимание нам, людям XX века. Это относится прежде всего к статье 57. Правда, мы имеем аналогичную статью 88 второго Судебника 1550 г. Но и она говорит о вещах, хорошо понятных современникам, и мало помогает нам понять подлинный конкретный ее смысл.

Кроме некоторого увеличения пожилого (на 2 алтына), тут мы имеем разъяснение, что именно надо понимать под ворами «в полях» и «в лесах», некоторые детали, сопровождающие уход крестьянина, но самое понятие «крестьянин», как оно понималось законодателем, нам остается далеко не ясным.

Сейчас мы имеем твердое и четкое определение экономической природы крестьянина. Это непосредственный мелкий производитель, владеющий собственными средствами производства, вместе с сельским хозяйством занимающийся в необходимой для сельского хозяйства дозе и ремесленным трудом. Юридическая природа крестьянина не мыслится при этом единой: он может быть свободным, а его несвобода может быть различного качества и силы.

Кого именно понимают Судебники под термином «крестьянин», мы можем только догадываться.

Прежде всего ясно, что здесь речь идет о человеке зависимом, но не о холопе. Зависимых людей различных категорий и различного происхождения мы встречаем

в наших разнообразных источниках. Только рассмотрение крестьянства в его отдельных прослойках может приблизить нас к более точному пониманию крестьянской проблемы XVI в. в целом.

§ 7. Основные категории феодально-зависимого сельского населения в XV—XVI вв.

Правовое положение крестьянской массы этого времени неоднократно обсуждалось в нашей ученой литературе. Достаточно точно оно не определено и сейчас из-за отсутствия сколько-нибудь ясных данных по этому предмету в источниках. Старая историография, тенденциозно подходя к вопросу, намеренно упрощала его.

Н. М. Карамзин смело писал: «Мы знаем, что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу, с условием обрабатывать часть земли для себя, другую для господина или платить ему оброк. Правитель видел невыгодность сего перехода, который часто обманывал надежду земледельцев сыскать господина лучшего, не давал им обживать, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства, для духа общественного,—умножая число бродяг и бедность: пустели села и деревни, оставляемые *кочевыми* (курсив Карамзина.— Б. Г.) жителями... Правитель..., без сомнения желая добра не только владельцам, но и работникам сельским, желая утвердить между ими союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном... в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян... и навеки укрепил их за господами»¹.

Привожу эту длинную цитату потому, что мысли, в ней выраженные, повторялись в буржуазной науке в сущности до самого недавнего времени.

С. М. Соловьев твердил о «волнующемся жидком состоянии» общества древней Руси. Земли было много, она не имела ценности; ничто не привязывало русского

¹ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. X, стр. 120.

человека к месту, так как везде он находил одно и то же. «Везде Русью пахло», иначе бедностью людей, суровостью и однообразием природы, которая «не могла живительно действовать на дух человека», «приводить в праздничное настроение». «Брести розно было (русскому человеку) ни почем». Только правительственная власть связывала людей. Отсюда привычка у русского человека к бродяжничеству, а у правительства стремление «ловить, усаживать и прикреплять»¹.

Б. Н. Чичерин тоже представляет себе всю Русь кочевой: «Дружина... была кочевая; бояре и слуги переезжали с места на место. То же самое делали и крестьяне; это было всеобщее брожение по всей Русской земле»².

Не далек от этого представления о русских крестьянах и В. О. Ключевский, считавший крестьянина «тяглым съемщиком чужой земли», который «работал и уходил, был не политической единицей в составе местного общества, а экономической случайностью в княжестве»³.

У Милюкова крестьяне тоже «бродят по Русской земле и садятся на землю, большей частью на положении временных поселенцев на условиях частного найма»⁴.

Несмотря на то, что Н. П. Павлов-Сильванский еще в 1907 г. выступил с очень убедительными возражениями против такого представления о крестьянстве древней Руси⁵, М. Н. Покровский продолжал говорить о бродяжничестве населения⁶.

Надо было отвлекаться от конкретных общественно-политических условий жизни или, вернее ничего в них не понимать, чтобы защищать подобное мнение о кре-

¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. III, стб. 644, 664.

² Б. Н. Чичерин, Опыты по истории русского права, М. 1858, стр. 175.

³ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. 1, 1937, стр. 372.

⁴ П. Н. Милюков, Очерки по истории русской культуры, изд. 5, стр. 143—144.

⁵ Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси, стр. 63—67.

⁶ М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, изд. 4, стр. 29 («Очень редко внук крестьянина умирал на том месте, где родился дед. И даже в течение своей жизни крестьянину приходилось переменить несколько, может быть, даже не один десяток пашен»).

стьянстве, т. е. основной массе народа, на труде которой строилась вся общественная и политическая жизнь страны. Б. Н. Чичерин по крайней мере был последователем, когда отрицал наличие на Руси до XVI в. государства, «невозможного при всеобщей бродячести населения»¹.

Я нисколько не ошибусь, если скажу, что во второй половине XIX и в первой четверти XX в. в русской историографии самым распространенным мнением о крестьянстве было мнение Ключевского: крестьянин — свободный, кочующий съемщик чужой земли.

Крупнейший исследователь истории крестьян М. А. Дьяконов во всяком случае шел в этом отношении за Ключевским. Он тоже считал всех крестьян арендаторами чужой земли. В его представлении обезземеленные смерды вынуждались арендовать чужую землю. «...Процесс обезземеления мелких собственников смердов привел к тому, — пишет он, — что в московское время масса сельского населения не имела собственных участков и проживала на чужой земле в качестве арендаторов»².

А между тем и в старой литературе, даже до Н. П. Павлова-Сильванского, раздавались иногда трезвые голоса людей, что при бродяжничестве населения не могло быть ни городов, ни сел, ни податей, ни ответственности крестьянских общин за своих членов, ни государства. Это прекрасно понял Д. Я. Самоквасов. В этом направлении он и высказался, но облек свои мысли в такую форму, пользовался такой своеобразной терминологией, что много надо затратить предварительных усилий, чтобы понять подлинную сущность мыслей автора.

«В завоевательных государствах (автор причисляет к ним и Россию. — Б. Г.) земледельческие общины прикреплялись к тяглой земле не законами о прикреплении, а обложением завоеванных общин определенной данью от сохи (рала, плуга) и двора (дыма) в пользу завоевателя. Уплата дани, установленной завоевателем, обязательна для покоренных общин, а следовательно, обя-

¹ Б. Н. Чичерин, *Опыты по истории русского права*, стр. 175.

² М. А. Дьяконов, *Очерки общественного и государственного строя древней Руси*, СПб. 1910, стр. 324.

зательно и пользование членами таких общин теми сохами и дворами, с которых они должны были платить дань, установленную завоевателем; иначе сказать, со времени завоевания покоренное народонаселение является прикрепленным к земле завоевателя, к сохам и дворам, составляющим его собственность наравне с тяглыми людьми — владельцами таких сох и дворов»¹.

Если отбросить «завоевание» и попытаться найти иное происхождение податей и государства, то в приведенном мнении Д. Я. Самоквасова можно найти немало ценного: если налицо государственная власть, неразрывно связанная с обложением населения, то ни о каком кочевании основной массы плательщиков податей не может быть и речи. Автор тут совершенно прав. Случайно или не случайно, но у него имеется и другое, еще более интересное замечание о наличии в этот период истории Руси едва ли не феодальной собственности на землю, хотя феодализма на Руси автор совсем не подозревал. Сохи и дворы, т. е. земля и усадебная оседлость земледельца, по определению автора, находятся в собственности государя, представителя верховной власти («завоевателя», по терминологии автора) и в то же время и во владении тяглого человека — крестьянина.

После работ Д. Я. Самоквасова появилось несколько интересных статей, уже навеянных новыми течениями в нашей историографии, с признанием феодализма на Руси (хотя и в узкоюридическом смысле), а следовательно, и с иной уже трактовкой судеб русского крестьянства. Имею в виду прежде всего статью П. И. Беляева «Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение». Тут уже нет речи о бродяжничестве сельского населения, а подчеркивается наличие на Руси «с древнейших времен» и крупных частных владений князей, бояр, духовенства и земель государственных, населенных привязанными к земле и ее владельцам людьми.

Зависимость различных категорий сельского населения сеньории в изображении автора неодинакова, однако есть ряд общих признаков этой зависимости, которые позволяют автору сказать: «Возможность арестовать, самоуправно возвратит к себе ушедшего человека,

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал. Новооткрытые документы поместновотчинных учреждений московского царства, т. II, М. 1909, стр. 15.

судить его и обложить данью, распорядиться им с землей — объясняют, почему современникам вступление в сеньориальную зависимость представлялось порабощением»¹. П. И. Беляев в древнейший период истории Руси правильно подметил суровый характер зависимости крестьянина от господина, приближающийся к зависимости рабской. «Последняя, — по выражению того же автора, — представляла «готовый шаблон», к которому можно было свести положение плохо обеспеченного, экономически свободного человека»².

Признание зависимости сельского населения от своих господ-землевладельцев и далеко не безразличное отношение государства к сельскому населению, рассмотренные в работе П. И. Беляева, — большой шаг вперед по сравнению со старой литературой, для которой исконная свобода крестьян была краеугольным камнем всего построения. Но и при этом, несомненно, более тонком подходе к решению проблемы, автору все же не удалось ее разрешить с достаточной полнотой, прежде всего потому, что автор признавая наличие в России феодализма, не понимает его сущности. Отсюда он неверно трактует и правовое положение отдельных прослоек зависимого крестьянства. Не учитывая в данный период истории феодальных отношений в России тех перемен в положении отдельных разновидностей сельского зависимого населения, которые происходили на протяжении их существования, П. И. Беляев и не ставит вопроса о происхождении этих разновидностей.

Автор совершенно правильно отмечает две основные категории крестьянства: 1) «старожильцы», иначе «искони вечные», иначе «пошлые»³ и 2) «добровольные жильцы», под которыми он разумеет «вольных людей» (отпущенные на волю холопы, крестьяне, «отказавшиеся» от сеньора, бежавшие крестьяне, на которых сеньор пропустил срок иска, своеземцы)⁴, которые, по мнению автора, могли селиться на земле сеньора на

¹ П. И. Беляев, Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, «Журнал Министерства юстиции», 1916, сентябрь, стр. 149.

² Там же, стр. 151.

³ В жалованной грамоте Нижегородского кн. Александра Ивановича Благовещенскому монастырю (1410—1417 гг.) старожильцы называются людьми «пошлыми», т. е. старинными. (ААЭ, т. 1, № 17.)

⁴ П. И. Беляев, Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, «Журнал Министерства юстиции», 1916, октябрь, стр. 173.

условиях, не стеснявших их свободы. Они якобы могли жить без оформления своих отношений к хозяйству какими-либо крепостями.

Признание наличия двух основных категорий крестьянства само по себе очень ценно. Оно наносит удар старой традиции, разрывает со многими предрассудками старой историографии, мешавшими понять подлинный ход истории русского крестьянства.

Но необходимо также указать и на то, что в суждении автора имеются и неполнота, и неточность. Правда ли, что вторая категория крестьян («добровольные жильцы»), живущих без всяких крепостей, исчерпывает все содержание этой категории, противопоставляемой старожильцам. Куда, например, девать серебряников, половников, рядовых, юрьевских, сельских кабальных и других упоминаемых в источниках зависимых людей¹. Ведь это не старожильцы, и не «вольные» (в понимании П. И. Беляева) люди. Они берут на себя так или иначе связывающие их свободу обязательства. Надо объяснить их появление, надо найти им соответствующее их юридической и экономической природе место.

Не говорю уже об основаниях, по которым автор зачисляет в категорию людей независимых довольно значительную группу людей. Ведь отпущенный на волю холоп, «отказавшийся» или бежавший крестьянин не могут мыслиться отвлеченно; в действительности крестьянин «отказывался» и бежал обычно с тем, чтобы пристроиться к другому землевладельцу. В подавляющем большинстве случаев он не делался вольным, а только переменял хозяина. Что же касается серебряников, половников, рядовых и прочих, то они решительно

¹ Автор не забыл о существовании этой категории зависимого свободного населения, но ограничился лишь беглыми и далеко не исчерпывающими предмета замечаниями. Серебряников он считает «полусвободными». Они иногда называются половниками и «по многим чертам сближаются с крестьянами и этим объединяют последних с зависимым населением сеньории в одну общую массу». Характер зависимости серебряников автор определяет так: «Аграрная зависимость, возникшая вследствие уступки за деньги своей рабочей силы, отданной не для всякой работы, а только для земледельческой работы». Деньги они получали вперед, брали ссуду». До уплаты долга работой или возвращением взятого они, как и кабальные холопы, не могли уйти с его (сеньора.— Б. Г.) территории» (П. И. Беляев, Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение, «Журнал Министерства юстиции», 1916, ноябрь, стр. 150—151).

не умещаются в рамки второй категории, установленной автором. Для них следует создать третью, как и вообще пересмотреть весь вопрос с других теоретических позиций.

а) Крестьяне-старожильцы

Наиболее многочисленная масса зависимых крестьян известна нам по источникам XV—XVI вв. под именем старожильцев.

Как уже упоминалось, крестьяне-старожильцы иногда называются «людьми пошлыми», т. е. старинными. В Белоруссии и на Украине эта группа крестьян носит название «стародавних», «извечных», «отчинных», «непоходячих». Это крестьяне, которые издавна живут за своими господами на участках земли, которыми они издавна владеют и с которых несут как государственные повинности («тягло»), так и повинности в пользу феодала-землевладельца («оброк» и «барщина»).

Правовое положение этих крестьян точно определить нет возможности. Без разрешения своего господина-феодала они, как правило, уходить от него не могут. Разрешение, необходимое для их ухода, дается господином по соглашению с данным крестьянином на известных условиях. Хозяин, соглашаясь на уход крестьянина, конечно, ставил выгодные для себя условия, чтобы не остаться в убытке. У нас нет точных данных для выяснения этой стороны дела, но мы можем думать, что в период феодальной раздробленности в различных княжествах эти условия были неодинаковы.

Для Московского княжества конца XIV в. кое-какие данные у нас все же есть. Имею в виду уже рассмотренную выше жалованную грамоту митрополита Киприана монастырю Константина и Елены. Крестьяне, жившие за этим монастырем, могут быть причислены к категории старожильцев. Они живут за монастырем давно. Они знают старые монастырские обычаи и защищают их от всяких неприятных для них новшеств. Игумен считает их своими, и митрополит подчеркивает этот «порядок господства и подчинения очень вразумительно: «ходите же все по моей грамоте; игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте». Эти порядки проектируются и на будущее: «А хотя кто будет иный игумен по сем игумена, и тот ходит по сей моей

грамоте». Грамота по распоряжению митрополита должна для пущего бережения храниться в церкви.

Последующие власти гражданские и церковные ее подтверждали. Из жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича митрополиту Фотию 1426 г., касающейся сел Константино-Еленинского монастыря, видно, что крестьяне этого монастыря до 1426 г. могли уходить из монастыря, надо думать, с разрешения своего игумена («...ис того монастыря и с сел того монастыря разошлись куды люди по которым местам, и как придут опять на свои места, ином и на 5 лет, не надобе никакая моя дань...»¹

Но у нас имеются две грамоты того же князя Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю середины XV в., где монастырю разрешается совсем не выпускать от себя крестьян-старожильцев («А которые люди живут в их селах нынеча, и яз князь великий тех людей не веле пущати проч»²). Великий князь тут обещает содействие своего княжеского аппарата для возвращения ушедших крестьян («Так-то есмь игумена с братьею пожаловал которого их хрестьянина из того села и из деревень кто к себе откажет, а их старожильца, и яз князь велики тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпускати ни к кому»³). Наличие этих отдельных пожалований и распоряжений говорит нам, что 1) в середине XV в. еще не было общего положения о крестьянах-старожильцах, 2) что землевладельцы стремились крепко держать их, своих крестьян-старожильцев, за собой, и некоторые из наиболее настойчивых хозяев добивались у власти оформления прочной крестьянской зависимости.

Первыми потерявшими право ухода от хозяина-господина были крестьяне-старожильцы.

Мы уже видели, что первый общегосударственный закон о зависимых крестьянах не лишал права перехода, даже подчеркнул это право. Отсюда мы должны сделать вывод: так как предыдущая законодательная практика по крестьянскому праву не была единой, то общая общегосударственная норма, внося в эту сторону жизни опре-

¹ См. М. Горчаков, О земельных владениях всероссийских митрополитов, СПб. 1871, Приложение, стр. 11—12.

² АЮБ, т. 1, № 37.

³ АИ, т. 1, № 59.

деленный принцип, вводила известный единый порядок как для тех крестьян, которые пользовались правом ухода при условии соглашения с хозяином — «отказ», так и для тех, кто этого права до сих пор не имел.

Для небогатого дворянина, который часто вынужден был отыскивать сам для себя землю, государством ему обещанную, но за отсутствием свободного земельного фонда ему фактически не предоставленную, который вынужден был сам заботиться и о привлечении в свое поместье рабочих рук, такой порядок был в данный момент вполне приемлемым и даже желательным.

Землевладелец для привлечения на свою землю крестьян пользовался различными средствами и способами. Самыми распространенными средствами для решения проблемы рабочих рук были: 1) поиски через специальных «отказчиков» крестьян, желающих переменить хозяина, 2) выдача «серебра», т. е. денежной суммы, которая обязывала крестьянина работать на своего хозяина («кабала») и 3) предоставление крестьянину участка земли и инвентаря на известных условиях, оговариваемых в договоре («порядная запись»).

б) Крестьяне-серебренники

Серебренниками назывались люди, поступившие в зависимость к богатым людям через «серебро», т. е. через известную сумму денег, которую они получали от своих будущих хозяев в момент заключения с ними договора. В конце XV или в начале XVI в. устанавливается для этого договора техническая формула: «кабала за рост служить».

«Кабала» — слово татарское и значит заемная расписка. Этот татарский термин привился в русском обиходе не только потому, что татары долго властвовали над русской землей, а и потому, что и сами они часто эксплуатировали именно в этой форме русское население. Под 1262 г. в Софийской летописи читаем: «окаянные бусурманы работающе люди христианские в резех» (рез = рост = % %). Тот же текст Никоновская летопись XVI в. передает еще яснее: богатые откупщики татарских даней «корыстовахуся сами, и мнози люди убозии в ростех работаху».

Этот старый способ экономического принуждения,

отраженный в «Русской правде» в институте рядовничества — закупничества, продолжал существовать и в период феодальной раздробленности.

В юридическом сборнике митрополита всяя Руси конца XIII в., известном под именем «Митрополичьего правосудия», имеется в виду то же явление. Там изображается «челядин-наймит», или, иначе, «закупный наймит», когда он собирается расторгнуть свой договор с господином. Закон этого не возбраняет, но требует, чтобы закуп вернул в двойном размере «задаток», т. е. ту сумму, которую он получил от господина при заключении договора.

В жалованной грамоте Ивана Калиты печерским сокольникам имеются в виду такие же люди, которых грамота называет «третниками» и «наймитами», «кто стражет на готовых конях, а в кунах».

Вместе с ростом производительных сил, в связи с развитием внутреннего и внешнего рынка росла и нужда в рабочей силе, которая привлекалась в сущности старым способом, но в новой форме так называемой «служилой кабалы». Особенно растет количество зависимых людей этого типа во второй половине XV в., когда вместе с особым оживлением хозяйственной и политической жизни объединяющихся в централизованное государство отдельных княжений наблюдается увеличение контингента обедневших людей, вынужденных искать себе пристанище. Тогда же вырабатывается и единая форма договора. Закон, общий для всего Русского государства, начинает говорить об этой категории рабочего населения, закрепляемого за своими хозяевами феодальными способами.

Поступивший в зависимость человек, получив некоторую сумму денег, обязывался работать на своего господина-хозяина за проценты. Иногда эта сделка носила чисто формальный характер, и закабалаемый человек совсем не получал ничего от своего хозяина и лишь писал по выработавшейся формуле кабалу, где обязательно упоминались деньги. Известны и такие случаи, когда кабальный человек деньги получал, но передавал полученную им сумму прежнему хозяину, у которого он жил до сих пор на тех же кабальных условиях. В последнем случае он переменял только хозяина. Правовое положение его при этом нисколько не менялось. Кабала писа-

лась по формуле: «Се яз» такой-то «взял есми» у такого-то такую-то сумму денег, за что взявший деньги и обязуется работать на своего хозяина за проценты в течение года. По прошествии года, если кабальный человек не мог выплатить обозначенной в договоре суммы, он обязывался оставаться у своего хозяина «по вся дни»¹.

Серебреников — кабальных людей мы встречаем и в городе и в деревне.

Дошедшие до нас кабалы говорят нам, что первоначально кабальный человек имел право уходить от своего хозяина, даже и не дожив года, но в таком случае он обязан был уплатить своему хозяину не только сумму, обозначенную в кабале, но и проценты. Понятно, что условие это было трудно исполнимым.

Судебник подчеркивает, что кабалу могут давать на себя только люди свободные и не подлежащие военной службе.

От середины XVI в. в нашем распоряжении имеются несколько кабальных записей людей, поступавших на работу в деревню. Из 24 деревенских кабал, опубликованных В. Т. Гейманом, только на 2-х имеются пометки о частичной уплате взятой при заключении договора суммы. 9 — имеют пометки о смерти кабальных людей, в течение жизни не смогших выплатить этой суммы². Факты очень показательные: правом своим кабальный человек воспользоваться мог, очевидно, лишь в очень редких случаях. Дальнейшую судьбу кабальных людей мы можем проследить по нашим источникам, хотя и не особенно полно.

В нашем распоряжении несколько жалованных грамот середины XV в., позволяющих установить некоторые этапы этого процесса.

В одной из грамот удельного Белозерского князя Михаила Андреевича своему боярину Федору Константиновичу князь по просьбе Ферапонтова монастыря устанавливает новые правила относительно отказов серебреников.

До сих пор староста соседней с Ферапонтовым монастырем княжеской вотчины переманивал к себе монастырских серебреников в любой срок, не взирая на то,

¹ Чтения ОИДР, 1898, кн. II, № 9.

² «Сборник Российской Публичной библиотеки», т. II, вып. 1, стр. 289, № 12 и 13.

что серебряники были в серебре, т. е. за ними числились определенные суммы денег, предоставляя им рассрочку в выплате этих денег на 2 года. Кириллов монастырь, расположенный тоже на территории Белозерского княжества, находился точно в таком же положении. Оба монастыря обратились к своему князю с просьбой отменить это положение и заменить его другим. Князь исполнил их желание. Он установил: 1) единый срок отказов — Юрьев день осенний, 2) поставил условием предварительную уплату «серебра». Кириллов монастырь в то же время с аналогичной просьбой обращается и к Московскому князю, на территории которого также находились владения этого монастыря. И Московский князь тоже пошел навстречу монастырю. Эти челобитья двух монастырей, занесенные в сборник Кириллова монастыря, не исключительное явление. Дошли до нас аналогичные обращения и Троицко-Сергиева монастыря¹. Несомненно, с такими обращениями к князьям адресовались и другие землевладельцы, и у нас нет никаких оснований предполагать, что власть этим землевладельцам отказывала в их просьбе. В середине XV в., таким образом, в различных феодальных княжениях, в том числе в Московском, положение серебряников меняется в сторону стеснения их правового положения.

С сохранившихся грамотах имеются указания на некоторые разновидности широкого понятия серебряничества. Под общим именем серебряников тут называются «серебряники, половники, рядовые и юрьевские»; последние две категории обобщаются термином «слободные люди». В грамоте Белозерского князя все эти категории названы еще более широким термином «крестьяне».

Однако из содержания этих грамот видно, что в них речь идет не обо всех крестьянах в широком понимании слова, а главным образом о той же прослойке, которая работала у своих господ по договору: «половники» — это люди, работающие по договору на земле своего хозяина «исполу»; «рядовые» — люди, заключавшие с хозяином ряд (договор), «юрьевские», — заключавшие договор на год — от Юрьева дня до Юрьева дня.

Разбираемые нами грамоты, устанавливающие для серебряников Юрьев день как единый срок отказов, первые из дошедших до нас упоминают Юрьев день.

¹ См. ААЭ т. I, № 48; АЮБ, т. I, № 37; АИ, т. I, № 59.

У нас есть основания думать, что Юрьев день в качестве наиболее удобного срока прекращения договоров в сельскохозяйственных работах распространялся и на старинных крестьян, живших за своими хозяевами на хозяйской земле без всяких договоров, если эти крестьяне с разрешения хозяев собирались покинуть свои старые участки и переходить в другие места к новым хозяевам.

в) Крестьяне-новопорядчики

Крестьянами-новопорядчиками назывались крестьяне, поселявшиеся на участке землевладельца вновь и заключавшие с ним поряд (договор), надеясь со временем стать в ряды крестьян-старожильцев. Те же причины, которые вызывали к жизни крестьянское кабаление, объясняют и появление в большом количестве новоприходцев, или новопорядчиков: с одной стороны, появление массы нищих, потерявших средства производства крестьян, с другой — потребность у крупных землевладельцев в расширении контингента людей, способных вести сельское хозяйство и в качестве зависимых приносить своим хозяевам доход. Порядные записи до нас дошли от середины XVI в., но самый факт обострения интереса к расширению площади приносящей доход земли относится к более раннему времени и падает приблизительно на вторую половину XV в.

При относительной примитивности техники сельского хозяйства в условиях феодального строя привлечение новых крестьян на еще не распаханную землю, увеличение количества мелких крестьянских хозяйств, способных давать землевладельцам докапиталистическую ренту, было единственным способом удовлетворить растущую жажду землевладельцев к деньгам.

Крестьян старались привлекать различными способами, среди которых наиболее распространенным была выдача вперед денег и инвентаря на обзаведение и предоставление льгот от всевозможных взносов и натуральных повинностей на известное количество лет (смотря по обстоятельствам от 3 до 20).

Содержание порядной записи довольно простое: «Сез такой-то «порядился есми» у такого-то землевладельца в такую-то деревню, на такой-то участок. Далее следуют обязательства о постройке избы, расчистке по-

лей и других работ, необходимых для налаживания крестьянского хозяйства, а также обязательство не покидать участка «в пусте». После этого следует санкция об уплате некоторой суммы денег в случае невыполнения крестьянином взятых на себя обязательств. Очень часто в порядную включаются условия о выдаче от хозяина денег на семена или на инвентарь или самих семян, лошади, коровы и т. п., освобождения от тягла и оброков и «изделья» (барщины) ¹.

Количество новопорядчиков было велико и по мере расширения площади культурной земли росло. До нас дошло множество жалованных грамот XV в., особенно монастырям, где разрешалось и даже рекомендовалось землевладельцам называть на свои земли новых крестьян. Власть при этом ограничивала аппетиты землевладельцев условием не принимать к себе людей тяглых и крестьян из княжеских имений. Само собой разумеется, что каждый землевладелец был заинтересован в том, чтобы крестьяне, обжившиеся на его земле, продолжали у него жить и впредь, и принимал с этой целью соответствующие меры. Некоторые из землевладельцев (например, Троицкий монастырь, как мы уже видели) добились еще до издания общего закона о крестьянском «отказе» даже запрещения перехода с их земель крестьян-старожильцев.

Общей меры о запрещении крестьянского выхода государство в это время еще не принимало, так как далеко не всем землевладельцам в данное время такая мера была выгодной. Она была прежде всего не выгодна тем землевладельцам, которые заводили свое хозяйство вновь и дорожили подвижностью рабочих рук. Это, как мы уже видели, прежде всего были основные кадры растущей армии Московского государства, так называемые помещики, дети боярские, опора крепнущей власти централизующегося государства.

г) Деревенские бобыли

Бобылем назывался крестьянин или посадский человек, не включенный в обязанность нести тягло и платящий лишь более легкий бобыльский оброк. Стало быть,

¹ См. *Н. Тимофеев*, Крестьянские выходы конца XVI в. «Исторический архив», т. II, М.—Л. 1939, стр. 70—71.

в основе своей это бедные люди, которые, однако, имели основание дорожить своим льготным по отношению к тяглу положением даже и тогда, когда они успевали достигать материального достатка.) В глазах землевладельцев бобыли представляли даже некоторые преимущества: бобылю обычно отводилась не положенная в государственное тягло земля, т. е. земля еще не окультуренная, за бобыля не приходилось землевладельцу быть ответственным перед государством в той мере, как он отвечал за тягло крестьянина; в то же время бобыль распашивал землю и давал своему хозяину доход. Очень характерно, что бобыли, как правило, дают своему хозяину оброк деньгами. Иногда они работают и на барщине.

Появление бобылей относится тоже приблизительно ко второй половине XV в. Вызывалось оно теми же причинами, которые способствовали и появлению новопорядчиков и увеличению кафов серебряников — кабальных людей. Документ, оформляющий правовое положение бобыля, бобыльская порядна, отличается от крестьянской порядной прежде всего тем, что бобыль не связывает себя с тяглой пашней и обязуется платить бобыльский оброк («Се яз, Митька Андреев сын Бакакин, вольной человек, порядился есьми Софейского дома казначею... Жити мне, Дмитрею, у Софеи Премудрости Божии, в бобылях на Сермаксе и землю бобыльскую, пахать, где приишу, где мне любо. А платить мне, Дмитрею, в Софийскую казну бобыльского оброку на год по 10 алт. ...»).

Кроме бобылей на пашне, источники часто упоминают бобылей-ремесленников.

д) *Половники*

Нам уже приходилось встречаться с половниками новгородскими и псковскими. В Псковской судной грамоте экономическая и юридическая природа псковского половника обрисована довольно четко.

Чем отличается от псковского половника половник московский и отличается ли он от него, с исчерпывающей убедительностью сказать трудно, так как источники о половниках Русского государства, во-первых, главным образом говорят о северной части государства, где об-

щественные отношения имели некоторое своеобразие по сравнению с центром, и, во-вторых, источники, которыми мы располагаем, в большей своей части сравнительно поздние: половник изображается в достаточной полноте только в документах XVII в. или самого конца XVI в.

Документы более ранние тоже знают половников, но дают о них сравнительно немного материала.

В грамоте середины XV в. Белозерского князя Михаила Андреевича Белозерскому наместнику об отказе зависимых людей из Кирилло-Белозерского монастыря только в Юрьев день среди четырех видов зависимого населения имеется и категория «половников». До этой грамоты администрация княжеских имений перезывала их из монастыря в любой момент. Грамота, выданная Белозерским князем по просьбе монастыря, вводит стеснение в положение перечисленных здесь категорий зависимого населения и устанавливает один срок переходов — Юрьев день, вводя еще одно важное условие — уплату «серебра» перед выходом.

Отсюда выясняется, что половник по своей социальной природе очень близок серебряникам и новопорядчикам, т. е. людям, находившимся в зависимости срочной и устанавливаемой при участии денег, выдаваемых хозяином вперед. «А отказати серебряника и половника о Юрьеве дни, да и серебре заплатит», — читаем в той же грамоте.

Если на половников смотреть только с правовой точки зрения, подобно большинству буржуазных исследователей, то половники на первый взгляд окажутся похожими на арендаторов чужого участка земли, платящих за право пользования землею частью урожая. Однако это отнюдь не капиталистический арендатор, возможный лишь при условии капиталистического сельского хозяйства, когда арендатор становится эксплуататором прибавочного труда наемных рабочих.

Половник наших памятников XV и первой половины XVI в. в этом отношении ничего общего с капиталистическим арендатором не имеет. Это либо обедневший крестьянин, вследствие бедности не могущий справиться со всеми крестьянскими обязанностями, либо «вольный», т. е. лишенный средств производства человек. Объединяет их то, что они были вынуждены идти на нелегкие условия, предлагаемые им землевладельцем, нуждаю-

щимся в рабочих руках. Некоторые источники так и называют половника «наемным» человеком. Крестьянин в большинстве случаев становится половником тогда, когда у него ничего уже не было или было совсем недостаточно для поддержания собственного хозяйства. Этот обедневший человек шел к землевладельцу не с тем, чтобы эксплуатировать чужую землю в своих интересах и получать с нее прибыль, а для того, чтобы прокормиться. Он был нужен землевладельцу не потому, что землевладелец собирался получать с него земельную капиталистическую ренту, а в качестве рабочей силы для обработки его земли.

Развитие половничества идет рука об руку с увеличением мобилизации недвижимости. В местах, где землевладение крестьян устойчиво, нет половников; наоборот, там, где главное основание крестьянского владения — купчие крепости, т. е. там, где идет значительная мобилизация крестьянской земли, половников очень много¹. Следовательно, развитие половничества идет рука об руку с обеднением крестьянства.

Государевых податей половники, как правило, не платят, потому что платить им не из чего: они бедны. Если же их иногда привлекают к этим обязанностям, то чаще всего как вспомогательную тяглую силу и в размерах значительно уменьшенных. В новгородской грамоте «на черный бор» первой половины XV в., где дается размер податных тягот для разных категорий тяглого населения, между прочим значится: «в соху два коня, да третье припряжь... Плуг за две сохи... четыре пещцы за соху..., а кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи...», т. е. половник обложен в два раза легче, чем средний крестьянин. В жалованной грамоте тверского князя Бориса Александровича (1437—1461) Отрочу монастырю есть тоже важное замечание: «придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его оправдати, ино тогда архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами»². Только в крайних случаях, значит, прибегают к тягловой помощи половника. Контингент половников иногда являлся результатом сознательной экономической поли-

¹ П. Иванов, Древности. Изд. Археографической комиссии Московского архивного общества, т. I, стр. 435—437.

² ААЭ, т. I, № 34.

тики самих землевладельцев. Так, например, Никита Строганов отнял у своих крестьян половину земли, отчего они вынуждены были «за великую нужу... в тех вотчинах (у Строгановых же.—*Б. Г.*) половничать». Иногда землевладельцы прямо обращались к своим крестьянам с предложением: «будет-де вам жить во крестьянах невозможно, и вы-де подайте челобитную... чтоб быть в полове, а не во крестьянех».

Земледелец от такой операции только выигрывал: земля оставалась при нем, рабочие руки по-прежнему работали на него, только податей за половников либо совсем не приходилось платить, либо платить в уменьшенном размере. Некоторые монастыри даже предпочитали иметь дело с половниками, чем с крестьянами. Так, монастыри Гledenский, Телегов и Прилуцкий в 1537 г. заявили, что «пашут у них... монастырские земли исполу по уговору половники и наемные люди, а монастырских крестьян и бобылей нет»¹.

Иногда документы называют половников наймитами, потому что половник, не-будучи в полном смысле наемным рабочим, все же имел некоторые черты с ним общие. Вот как гость Кирилл Босой изображает своих половников: «Живут они волностью (т. е. по своей воле) урочные лета, хто сколько лет уговоритца жить: иные на 2 и на 3 годы, как кому в которых местах поживетца. А как... им урочные годы отойдут, и они... переходят в иные деревни к иным хозяевам. А кому... не поживетца, и они и до урочных лет отходят. А сильно... у нас нико-во не держит. А живут, что наймиты, а хлеб... пашут на своих конях исполу: нам половина, а им другая»².

Работа на хозяина исполу — это одна из тяжелых форм эксплуатации, выгодная хозяевам, и поэтому нет ничего удивительного в том, что землевладельцы стараются привлекать на свою землю половников разными способами. «Большинство половничьих порядных,— отмечает один из крупнейших исследователей вопроса,— заключены с выдачей порядчикам подмоги хлебом и день-

¹ Русская Историческая библиотека (далее — РИБ), изд. 2, т. XII, СПб. 1890, стб. 201.

² М. А. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, стр. 152—153. Ссылка на Московский архив МИЛ Приказные дела № 52, 1646 г.

гами в размере от полтины до 20 рублей»¹. Эта подмога кабалила половника так же, как серебро серебряника. «И впредь,— пишут половники,— нам на него (хозяина) исполу пахать по тому же против сей записи по кех мест те ссудные деньги за нами, испольщиками, побудут»². Половников в «серебре» мы уже видели в середине XV в. В одной из духовных грамот начала XVI в. некий Федор Акинфиев в перечне своих документов отметил, между прочим: «взяти мне... на Июдке половничьих кун рубль.; взяти мне на Федьке половничьих кун рубль.; на Коне половничьих кун; взяти мне на Ефиме на брате на его Макара 30 алт. без гривны половничьих кун»³.

Очень ярко положение половника изображено, правда, в довольно поздней порядной, когда положение зависимого населения вообще ухудшилось.

Некий Ждан Алексеев сын Окулов с сыном Семеном 10 января 1622 г. порядились в Гledenский монастырь «пахати деревню Заболотье на своих конях, на двух лошадях: всякая снасть деревенская — моя половничья, а семена ржаные и яровые всякие троецки.; а за семяны, что бог пошлет приполону делити пополам». В конце порядной имеется очень важная приписка: «гобины (урожай) не стравити, стравление мое половничье, а троецкое цело»⁴.

Порядная заключена сроком на 3 года. Подмоги взяли порячки 2 руб. денег, 6 мер ржи, 8 мер овса. Кроме сельских работ, они обязались выполнять и другие работы: поставлять жерди, огораживать поля, доить у хозяйского ключника коров и др. Сделанная оговорка о том, что стравленное, т. е. испорченный или погубленный урожай,— половничье, а целое — монастырское, говорит о тенденции хозяина обеспечить свою долю урожая во что бы то ни стало, независимо от общего итога урожая.

Эта порядная, хотя поздняя, включает в себе черты, которые мы имеем основание предполагать и в более ранних договорах того же рода.

¹ М. А. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, стр. 198.

² АИ, т. III, стр. 240.

³ АЮ, № 414, стр. 441.

⁴ РИБ, т. XIV, стр. 877—878.

В XVI в. половники либо разделяют обычную судьбу новопорядчиков, превращаясь в старожильцев, либо продолжают оставаться на положении временно зависящих людей; часть их (именно наиболее бедная) переходила на положение, близкое к наемному рабочему, получая за свою работу от хозяина «хлеб помесячно».

е) Монастырские детеныши

Вопрос о монастырских детенышах, как видно из самого термина «монастырский детеныш», с первого взгляда имеет узкое содержание, касаясь только монастырей и только одной разновидности сельского трудового населения. Это, несомненно, так. Но тем не менее, если ближе всмотреться в это явление, оно предстанет перед нами в другом, несравненно более значительном смысле. Оно очень симптоматично. О монастырских детенышах заговорили документы тогда, когда детеныши стали играть в монастырском хозяйстве очень заметную роль. Увеличение числа детенышей связано с ростом монастырской собственной запашки, что в свою очередь вызывалось теми крупными изменениями в сельском хозяйстве во всей Европе, о которых приходилось говорить выше.

Хотя в нашем распоряжении источники, упоминающие детенышей главным образом во второй половине XVI в., тем не менее нет оснований отрицать наличие детенышей и в первой половине века.

В материалах Волоколамского монастыря детеныши упоминаются уже в 1547 г. (более ранних книг не сохранилось).

Расходные книги Ипатьевского монастыря о детенышах говорят в середине XVI в.¹

Конечно, детеныши возникли не в 1547 г. Они были и до этого года.

Для решения вопроса о детенышах очень большой и важный материал дает «Книга ключей и оброков Иосифова Волоцкого монастыря» 1547—1560 гг., отысканная М. Н. Тихомировым в 1928 г. в Волоцком монастыре².

¹ Н. П. Лихачев, Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря: «Сборник Археологического института», т. VI, стр. 127—137.

² «Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI века», М.—Л. 1948, Дальше — «Книга ключей».

В книге с исчерпывающей полнотой, как нигде из до-
селе известных документов, приводится из года в год
перечень всего обслуживающего монастырь персонала,
в том числе и детенышей. Тут же попутно разбросаны
интересные замечания, часть которых уже была исполь-
зована М. Н. Тихомировым в его статье «Монастырь-
вотчинник».

В этой статье, согласно ее плану, вопрос о детены-
шах занимает небольшое место. Мне же хочется взять
из «Книги ключей» все, что может, на мой взгляд, если
не разрешить вопрос окончательно, то, несомненно, при-
близить его к окончательному разрешению. Несколько
раз в «Книге ключей» упоминается «детин дворец» или
«детина изба»¹. Под 1 июля 1554 г. в книге записано:
«дано Быку, который за детьми ходит за 10 месяцев за
прошлую от Покрова лета 7062 10 алтын и вперед от июля
первого числа до Покрова лета 7062 гривна». Бык —
это начальник детинной избы². Отсюда вывод — «дети»
живут в особом помещении под наблюдением специально
для этого поставленного лица.

Та же «Книга ключей» дает нам возможность понять,
кто именно живет в этом «детинном дворце» и на каких
условиях живут эти «дети» в монастыре и, в конечном
счете, кто они сами. Каждый год «детям» выплачивают
заработную плату. Обычно они получают годовичную
плату. Но среди «детей» попадаются и более кратковре-
менные обитатели «детинного дворца». Например: на
Покров 1559 г. казначей, как обычно, раздавал «оброк»
(так называлась в монастыре заработная плата) «детям
и плотником и истопником и дворником». Тут перечис-
лено поименно 36 «детей»³. О некоторых сказано, что
они живут в «детях» неполный год: «Левке Гаврилову
сыну от Троицына дни до Покрова пол — 4 алтына; по-
рука плотник Козел Ермолин сын» или: «дано детенку
Коняшке Митину сыну 4 алт. 2 ден. на 4 месяца, от июня
1 числа до Покрова св. Богородицы, а порука по нем
слуга Нестер»⁴.

¹ В «Книге ключей», упоминаются избы: гостиная, конюшенная,
портная, сапожная, кузничный дворец и т. п. (лл. 5 об., 9, 38 и др.).

² «Книга ключей», л. 111.

³ По подсчету казначея, — несколько больше. Возможно, что
имена некоторых «детей» не внесены в книгу. Я считаю только за-
писанных поименно.

⁴ «Книга ключей», л. 174.

В перечне получавших заработную плату детенышей 1548 г. назван детеныш Медведь Карпов: «Медведю Карпову 4 алт. 2 д., а порука по нем отец его Карп; до Покрова»¹. Ему дана значительно меньшая сумма, чем его соседям по списку (10—10½ алт.), потому, что он работал не весь год, а гораздо меньше: поступал он на работу только до Покрова. Мы имеем возможность убедиться в том, что, получив свою заработную плату, он на следующий сезон не остался: в списке 1549—1550 гг. его уже нет.

В записи 1547 г. читаем: «Андрюшке Ияковлеву сыну, Харьке Микифорову сыну... дали им от Ильина дни до Покрова по 2 алтына»². «Куземке Переходу... от Филипповых заговен»³, «Иванку Горохову... от Филипповых заговен»⁴. Таких отметок о пребывании в детенышах на срок меньший года имеется несколько.

«Книга ключей» позволяет произвести наблюдения и более широкого масштаба. Благодаря тому, что она из года в год дает полный перечень детенышей, мы можем составить себе представление не только о количестве детенышей в монастыре, но и о степени устойчивости кадров этой категории монастырских работников.

В списке детенышей 1559 г. попадают люди, бывшие в более старых списках — 1547, 1549, 1550, 1553, 1557, 1558 гг., больше всего — последних двух-трех лет. Некоторые из детенышей попадают в списках 1547, 1549 гг., исчезают в 1557 г. и снова появляются в 1559 г.

Детеныши по размеру заработной платы делятся на несколько категорий: по 4 гривны (наиболее многочисленная группа) в год получает высший разряд, дальше идут меньшие расценки — 13, 12, 11½, 11, 10, 9 и 6 алтын.

Несомненно, при большом разнообразии хозяйственных задач монастыря не может быть и речи о каком-либо однообразии в хозяйственном назначении детенышей. Их нанимают для выполнения тех или иных работ, считаясь с их выучкой, если она у них была, а чаще всего на полевые работы.

В писцовой книге по Московскому уезду времени царя Федора Ивановича, можно сказать, нет монастыр-

¹ «Книга ключей», л. 17 об.

² Там же, л. 3 об.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, л. 2 об.

ской вотчины, где бы не упоминались детеныши, всегда с обозначением, что они пашут монастырскую пашню, которая систематически противопоставляется пашне крестьянской. Например: «Сельцо Никоново, а Никольское тожа, на речке на Восточне Федоровские вотчины Иванова сына Хобарова; а в сельце *монастырском пашни* монастырские добрые земли 6 четьи, пашут монастырские *детеныши*, да крестьянские пашни 4 четьи, да лесом поросло 48 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 150 копен».

Иногда детеныши пашут наездом: «Пустошь, что было сельцо Назаровское на речке на Восточне; пашни паханые наездом *на монастырь детеныши пахали* средние земли 7 четьи, да лесом поросло 47 четьи в поле, а в дву потому ж сена по р. по Восточне 100 копен»¹. (Курсив везде мой.— Б. Г.)

Обычно монастырская земля так и распределялась: 1) «пашня паханая, что пашут детеныши на монастырь»; 2) крестьянская пашня; 3) пашня наезжая, которую иногда пашут «из найму» (сданная в аренду).

В писцовой книге 1592—1593 гг. по Переяславлю Залесскому называются детеныши Троице-Сергиева монастыря, которые на монастырь косят сено². Но что бы детеныши ни делали, они всегда работают не на себя, а на монастырь.

Труд детенышей применяется в монастырях во всем Русском государстве.

Возникают совершенно естественные и неизбежные вопросы: почему детеныши встречаются только в монастырях, почему их нет в светских вотчинах, почему они являются как работники на монастырской пашне довольно поздно?

На все эти вопросы едва ли можно дать точный ответ. Приходится ограничиться гипотезами.

В монастырях издавна скоплялось значительное количество народа, либо не находившего себе применения в других местах, либо связанного с монастырем как с учреждением специфическим. Мы могли наблюдать это явление еще в Киевской Руси. В Уставе вел. кн. Всево-

¹ Писцовые книги XVI в., изд. Географическим обществом, отд. 1. ч. 1, стр. 60. Ср. стр. 68, 82 и др.

² «Писцовые книги XVI в.», стр. 842.

лода «о церковных судах и о людех и мирялах торговых» 1125—1136 гг. мы уже видим довольно значительный перечень людей церковных: игумен, игуменья, поп, дьякон и дети их; попадья, чернец, черница, проскурница, паломник (в др. варианте — пришелец), свещегас, сторонник, слепец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгой¹. Прибавим на самом законном основании: «и дети их» (конечно, тех, кто имел право иметь детей).

В Кирилло-Белозерском монастыре дело призрения малолетних сирот было хорошо организовано. Тут существовал детский приют под именем «голышни». Голышня находилась под присмотром специально приставленного к ней старца. Монастырь сирот кормил и одевал. По мере подрастания их приспособляли к различным работам. «Малые робята, которые работают в поварне, рыбу чистят». Подросших переводили на более ответственные работы. «Ивашко Кама Меньшей, крестьянский сын, взят из голышни в работники, жалуется в повара», «Мишка Семеновский Кобыляк из села Семеновского, крестьянский сын, взят в голышню за сиротство, работает всякие работы, жалуется нарядами»².

Монастырские дети, или детеныши, таким образом, действительно являются спецификой монастыря. Светские вотчинники не располагали такими кадрами. Вот почему источники знают только монастырских детенышей. Светские вотчинники тоже пользовались наемным трудом, но своих наемных работников они не имели никаких оснований называть детенышами, так как это терминология чисто монастырская³.

Привлекая детенышей на свою пашню, монастырь имел еще одну выгоду. Он мог смело и точно утверждать, что для обработки своей земли не отвлекает пла-

¹ М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия, вып. 1, стр. 245.

² В. А. Петров, Монастырская голышня. «Дела и дни», 1922, кн. III, стр. 145.

³ В светских вотчинах детенышам, быть может, соответствуют «вскормленники» и «найденыши», которых светские землевладельцы склонны были считать своими крепостными. Порядная 8 дек. 1640. Рукопись Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; М. А. Дьяконов, Акты тягло населения, вып. 1, № 25 и 46; Г. Обручева-Анциферова, Жилые записи. «Журнал Министерства народного просвещения», 1917, № 2, отд. 2, стр. 257 (прим.).

тельщиков государевых податей — крестьян, а свою землю на себя, на собственный обиход, «пашет собою». Правительство резко различало эти два способа обработки собственной монастырской пашни. Крестьян оно облагает податями, а детенышей не облагает.

Общий вывод относительно детенышей напрашивается сам собой:

1. В монастырских хозяйствах в момент возникновения и расширения собственной запашки были использованы люди, с детства попадавшие в монастырь. Отсюда появление термина «монастырский детеныш».

2. Монастырскими детенышами стала называться и часть работников, привлеченных по найму, поставленных в соответственные условия.

3. Функциями сельскохозяйственных работников обязанности детенышей не исчерпывались. Среди детенышей есть и ремесленники и слуги, выполняющие различные поручения монастырской администрации.

4. Монастырским детенышам соответствуют в светских вотчинах категории работников, привлекаемые на работу либо в виде прямого найма, либо в замаскированной форме серебреничества.

* *
*

Перечисленными категориями не исчерпывается вся пестрота хозяйственного и правового положения зависимого сельского люда. Это только наиболее часто встречающиеся в наших источниках разновидности. В XVII в. эта пестрота значительно уменьшается. Почти все эти категории сливаются в одну крестьянскую массу, куда не вошли только так называемые люди дворовые. Но и часть дворовых, будучи посажена на землю «за двором», получившая отсюда название людей «задворных», тоже влилась в основные крепостные кадры крестьянства. Правовое положение всей зависимой крестьянской массы к этому времени очень серьезно изменилось. Все эти большие перемены в судьбе зависимого крестьянства были результатом дальнейшей экономической эволюции и больших политических событий, пережитых русским обществом во второй половине XVI и первой половине XVII в., требующих специального изучения.

§ 8. Разорение 70—80-х годов XVI в.

Факт запустения в 70—80-х годах Русского государства, так ярко отмечаемый рядом наблюдателей-современников, конечно, не мог не обратить на себя внимания русских исследователей. Но размеры этого бедствия на Руси, его причины и дальнейшие связанные с ним события понимались по-разному.

Тут можно отметить два основных направления: одно, видящее в хозяйственном потрясении страны следствие органических и систематически действующих причин; самому явлению при этом придается характер длительный: начавшийся давно отлив населения из центра лишь усилился во второй половине XVI в. и продолжался едва ли до первой четверти XVII в.; второе, считающее хозяйственное потрясение явлением, порожденным временными причинами, не общего органического, а частного характера, и длящимся сравнительно недолго.

По первому пути шли, как правило, исследователи старые, не имевшие в своих руках писцовых книг или знавшие их в очень ограниченном размере. К ним по мало понятным причинам примкнула и часть исследователей, которые могли пользоваться данными писцовых книг в полном объеме.

По второму пути пошли те, кто сумел освободиться от гипноза старых авторитетов, и заново подвергли пересмотру имеющиеся источники.

Не маловажную роль в этих разногласиях играли и общие представления о ходе русской жизни, особенно в XV—XVI вв.

В конечном счете определяющим препятствием для решения вопроса этими исследователями было отсутствие правильных методологических предпосылок.

С. М. Соловьев объясняет разорение 70—80-х годов склонностью русского народа к бродяжничеству, которому способствовал рост и без того обширной русской территории, и непрерывной колонизацией пустых земель¹.

Бродит русский крестьянин и у П. Н. Милюкова². А. С. Лаппо-Данилевский даже в великокняжеском

¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 2, стб. 650—651.

² «Служивый класс закрепил под собою крестьянство, давно уже лишенное в процессе колонизации своих племенных связей, продол-

хозяйстве XII—XIV вв. видел следы «полукочевого быта»¹.

И. Д. Беляев выдвинул другую причину переселений крестьян — это истощение почвы. По его мнению, при первобытном хозяйстве выжигание леса и поднимание новины представляло больше выгоды, чем удобрение земли, истощенной многократными посевами. Но И. Д. Беляев в то же время очень далек от мысли считать русского крестьянина бродячим².

Через 20 лет И. Д. Беляев нашел поддержку своим взглядам на прочную оседлость крестьян у экономиста-историка П. А. Соколовского.

П. А. Соколовский — враг теории бродяжничества. Но ему кажется неубедительным и мотив «истощения почвы». Сам П. А. Соколовский видит причину бегства крестьян с насиженных мест в условиях общественных. Он ссылается при том на жалобы самих крестьян, заявлявших, что «многие деревни запустели от прежних... наместников, и от тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот, и от лихих людей, и от татей, и от разбойников»³. Иногда крестьяне объясняют запустение «от государевых податей» и от подвод, «от опричного правежу», «от свейских немец», казаков, татар. Иногда ссылаются на мор.

«Очевидно,— заключает автор,— что никакая почва, никакой климат, никакие усовершенствованные системы хозяйства не могли парализовать разрушительного влияния таких общественных условий и чтобы бежать от них, вовсе не нужно было иметь романтической склонности к «брожению».

Не соглашаясь с таким объяснением причин запустения многих сел и деревень, А. П. Соколовский, однако, жавшее еще бродить по русской земле и сядившееся на землю, большей частью, на положении временных поселенцев на условиях частного найма» (П. Н. Миллюков, Очерки по истории русской культуры, т. 1, стр. 144).

¹ «Древнее великокняжеское хозяйство (в XII—XIV вв.) еще отзывается следами полукочевого быта, ибо основным его элементом были, по-видимому, звериная и рыбная ловля, скотоводство и отчасти земледелие» (А. С. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве, СПб. 1890, стр. 1).

² И. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, стр. 92—93.

³ ААЭ, т. 1, № 234, 344; АИ, т. 1, № 200, «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою экспедициею» (далее — ДАИ), т. I, № 298.

признает самый факт бегства крестьян. Для прекращения этих побегов правительство пошло по «пути насильственного прикрепления крестьян к земле»¹.

В. О. Ключевский² и С. Ф. Платонов, ссылаясь друг на друга, тоже верят в «разброд населения», чему якобы способствовали громадные земельные приобретения Москвы и поощрение правительством колонизации. Отсюда же для прекращения передвижения крестьян и необходимость крестьянского прикрепления. Однако в отличие от В. О. Ключевского С. Ф. Платонов считает причиной переселения крестьян увеличение служилого землевладения и переход крестьян в частную зависимость. Вместе с тем С. Ф. Платонов очень хорошо знает, что «писцовые книги» и летописи того времени объясняли сильное запустение центральных и южных областей государства главным образом татарским набегом 1571 г., когда хан дошел до самой Москвы, а отчасти «мором поветрием» и «хлебным недородом». Но почему-то С. Ф. Платонов не хочет принять этих причин, а настаивает на том, что «это были второстепенные и позднейшие причины: главная причина заключалась в «потере земли»³.

Естественно, здесь возникает ряд вопросов. Почему же самое обеспечение частных владений крестьянским трудом в течение многих веков не вызывало кризиса, подобного потрясению 70—80-х годов XVI в.? Почему Россия в течение более чем 100 лет шла к своему хозяйственному расцвету и при наличии поместного землевладения? Почему причины, выставленные современниками, переживавшими грозные события 70—80-х годов XVI в., Платонов считал «позднейшими»? И, наконец, о какой «потере земли» говорит он. Кто ее потерял? Служилый человек, согласно признанию автора, ее получил, а если

¹ П. А. Соколовский, Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом, стр. 172—173. Против теории «бродяжничества» решительно возражали многие (В. И. Сергеевич, Древности русского землевладения. «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, № 9—10; Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси, 1907, стр. 63—67; Н. Огановский, Закономерность аграрной эволюции, т. II, стр. 66).

² В. О. Ключевский, Боярская дума, стр. 306—307.

³ С. Ф. Платонов, Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., СПб. 1901, стр. 127.

крестьянин ее покидал, то с тем, чтобы променять на другую в другом месте. Стало быть, ни крестьянин, ни помещик без земли не оставались.

Н. А. Рожков подтверждает факт запустения страны в 70—80-х годах XVI в. и вместе с Ключевским готов признать значение колонизации, как фактора, действовавшего на протяжении всего XVI в. Но у Рожкова своя точка зрения на причины запустения Русского государства в 70—80-х годах XVI в. Он, как и С. Ф. Платонов, не придает значения объяснениям современников, переживавших бедствие. Он критикует мнение датского посланника Ульфельда и иезуита Антония Поссевина; первый ссылался на опричников, второй — на поход Батория (шведов и крымского хана). Автор справедливо замечает при этом, что ни иноземное нашествие, ни поход Грозного на Новгород не могли *«надолго»* (курсив мой.— Б. Г.) лишить Новгородскую землю населения. В доказательство Н. А. Рожков ссылается на новгородские писцовые книги, где ясно видно, что по миновании временной опасности большая часть деревень снова наполнилась населением¹.

Казалось бы, тут надо было признать показания писцовых книг решающими вопрос, а разруху — явлением, в конце XVI в. изживаемым. Но Н. А. Рожков этого не делает. Уже из заголовка отдела, где у него об этом идет речь, видно, что он, вопреки показаниям писцовых книг, считает запустение продолжающимся до самого конца века (*«Отлив населения из Центральной области в последнем тридцатилетии XVI в.»*)².

Объяснение нежеланию Н. А. Рожкова согласиться с показаниями современников и данными писцовых книг заключается в его убеждении, что причина колонизационного движения, или, иначе, отлива населения из центра, лежит не во временных и скоропроходящих обстоятельствах, а в целой системе землевладения и хозяйства, действующей на протяжении длительного времени.

Он видит источник всенародного бедствия в развитии поместного и монастырского землевладения, в юридической природе поместья, не позволявшей помещику рас-

¹ См. Н. А. Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, стр. 367.

² Там же, стр. 511.

поряжаться землей и вызывавшей крайнюю подвижность поместий. Помещик смотрел на поместье как на владение временное и поэтому нерасчетливо старался извлечь из него возможно больше пользы для себя, «не заботясь о том, как это отразится на дальнейшей производительности почвы»¹.

В эти рассуждения Н. А. Рожкова, в значительной мере соглашаясь с ним, внес свою поправку Н. Огановский. По его мнению, не юридическая природа поместий повинна в разорении страны, а количество поместий, не хищническое отношение к земле помещика, а к крестьянам, которые непосредственно служили объектом помещичьей эксплуатации. Главную причину разорения Н. Огановский видит «в размножении не производительных классов — служилого дворянства и духовенства»².

В 1915 г. вышла специальная работа Н. Ф. Яницкого: «Экономический кризис в Новгородской области XVI века», написанная на основании изучения новгородских писцовых книг. Автор констатирует на конкретном материале бесспорный факт «громادного, ужасного по своим размерам бедствия», разразившегося «над коренными землями Руси во второй половине XVI в.»³

Отвергая мнение о колонизации, как причине запустения, и соображения Н. А. Рожкова и Н. Огановского о поместной системе, якобы вызвавшей кризис (ведь запустели не только поместья, а все виды хозяйства), Н. Ф. Яницкий считает необходимым искать более глубокую и общую причину и в конечном счете приходит к заключению, что причина эта есть «реальное повышение крестьянского оброка землевладельцу, перевод натурального оброка на денежный — и то и другое в связи с общими неблагоприятными условиями жизни Новгородского края — с потерей им торгового транзитного пути в Европу и зарождающейся сменой натурального хозяйства денежным»⁴.

Нужно отдать автору справедливость. Он действительно дошел до высокой степени обобщений. Но дело

¹ Н. А. Рожков, *Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке*, стр. 456—561.

² Н. Огановский, *Закономерность аграрной эволюции*, ч. II, *Очерки по истории земельных отношений в России*, стр. 137, 140—141.

³ Н. Ф. Яницкий, *Экономический кризис в Новгородской области XVI в.*, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 131.

то в том, что все указываемые автором причины начали действовать уже со второй половины XV в. (только беломорская торговля началась в середине XVI в., но сама по себе она никому ничем не угрожала) и, однако, не только не принесли никакого ущерба хозяйству, а способствовали его заметному подъему, продолжавшемуся до 70-х годов XVI в., что легко проследить по материалам тех же писцовых книг.

Книга Н. Ф. Яницкого дала много ценных наблюдений, но не разрешила вопроса о причинах хозяйственного потрясения 70—80-х годов.

Иначе (и на мой взгляд совершенно конкретно и более убедительно) подошел к решению вопроса Ю. В. Готье. В истории XVI в. он выделяет 70—80-е годы, как «разгар» хозяйственного упадка. Ю. В. Готье затем, хотя и осторожно, отмечает, что в «Замосковном крае были... некоторые местности, где в 80-х годах замечается довольно значительный экономический подъем».

Далее он приводит достаточное количество фактов, которые позволяют ему прийти к выводу о временности бедственного положения Руси. Данные письма Троицких вотчин 1592—1594 гг. позволяют ему говорить о «высшей степени интересном явлении начинавшегося исцеления от кризиса XVI века, резко затем прекращенного позднейшими событиями». Автор имеет в виду «смуту»¹.

Мои собственные наблюдения над жизнью Новгородского края, в частности над жизнью Новгородского Софийского дома, дают мне все основания признать точку зрения Ю. В. Готье наиболее правильной.

Документы о хозяйственной жизни Двора новгородского архиепископа в городе Новгороде позволили мне совершенно конкретно показать, что в первой половине XVI в. двор находился в цветущем хозяйственном состоянии. В 80-х годах XVI в. он переживает очень тяжелое время: из огромного количества слуг во дворе осталось только 26%; расходы свелись к приобретению пищевых продуктов. Дом уже не может позволить себе прежней роскоши. В 1593 г. процент слуг уже увеличился до 38, ожило несколько замерших было учреждений. Софийский дом за 12-летний промежуток времени, несом-

¹ См. Ю. В. Готье, Замосковный край в XVII веке, 1906, стр. 234—236.

ненно, успел сделать значительные успехи в деле восстановления разрушенного хозяйства. Конец века решительно непохож на 70—80-е годы¹.

Те же явления я наблюдал и относительно собственного хозяйства новгородского архиепископа. Появившаяся в 30—40-х годах XVI в. собственная софийская запашка сильно сократилась в 70—80-х годах. В 90-х годах она даже переросла свои прежние размеры. Появился весьма энергичный проект, поддержанный царем, о дальнейшем развитии собственного владычного сельского хозяйства, проект, начавший тогда же и осуществляться².

Этого предмета на основании материалов Волоколамского монастыря касался и И. И. Смирнов, который тоже пришел к заключению, «что 80-е годы характеризуются экономическим подъемом, признаками которого было восстановление хозяйства, увеличение вспашки, распашка запустевших земель, рост торговли и т. д.»³

Причин разорения страны в 70—80-е годы XVI в. было много, хотя они и действовали с разной силой. Это, прежде всего, длительные и дорогостоящие войны Ивана Грозного; Казанский поход и связанное с его успехом продвижение по Волге и на Северный Кавказ; опустошительное нашествие крымских татар, дошедших до Москвы и опустошивших все лежавшее на их пути; наконец, тяжелая, крупнейшая из всех войн, какие вела Россия в XVI в., Ливонская война, тянувшаяся с 1558 по 1583 г. Если к этому прибавить внутренние затруднения, выливавшиеся часто в события, потрясавшие народное хозяйство не меньше, чем война (борьба опричнины с земщиной), то станет понятно, в каких условиях заметно истощилась «великая и страшная мощь московита»⁴.

В источниках неоднократно встречаются и объяснения причин разорения населения: в одном месте крестьяне разбежались «от царевых податей», в другом кре-

¹ Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома XVI—XVII вв., Софийский двор в гор. Новгороде, ЛЗАК вып. XXXIII, стр. 263—264 и др.

² Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома XVI—XVII вв., Собственное сельское хозяйство. ЛЗАК, вып. XXXIV, стр. III и др.

³ И. И. Смирнов, Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в., «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 68—69.

⁴ Донесение представителя Ливонии германскому императору Карлу V 1551 г. (Р. Ю. Виппер, Иван Грозный, 1944, стр. 43).

стьянские дворы «сожгли опричные» и т. д. В среднем к 1582 г., когда производилась перепись населения с целью выяснить состояние страны, ее внутренних ресурсов, в деревнях не досчитывалось около 40% населения. Город Новгород (в прифронтовой полосе) потерял 83% своего населения. Другие города пострадали несколько меньше. Бегство населения на окраины в поисках более сносных условий жизни, катастрофическое опустение центра, сокращение запасов, иногда полное превращение сел и деревень в пустыри — такова конкретная сущность «кризиса».

От хозяйственного потрясения страны страдали прежде всего бедняки. Но и землевладельцы-хозяева не могли не почувствовать на себе создавшегося тяжелого положения. Не только середняк-помещик, служилый человек, отвлекаемый от своего хозяйства непрерывными войнами, но даже более привилегированные хозяева-монастыри испытывали на себе недостаток в рабочих руках, и многие из них на время просто прекратили свое существование. Между прочим, и из монастыря Константина и Елены, с которым нам приходилось встречаться выше, в это время монахи от нечего есть разбежались и собрались вновь только в конце XVI в.

Крестьянин стал большой ценностью, и землевладельцы наперебой не только старались удержать за собой своих собственных крестьян, но переманить к себе новых.

Приходо-расходные книги монастырей XVI в. с полной ясностью показывают, что переманивание к себе крестьян по мере углубления хозяйственного упадка принимало все более и более заметные размеры. Крестьянские «выходы» все чаще и заметнее стали превращаться в «вывозы» их помещиками, монастырями, епископскими кафедрами и другими землевладельцами.

§ 9. «Юрьев день» и «заповедные годы»

Как только замолчали на ливонском фронте пушки, правительство Московского государства принимает энергичные меры в борьбе с хозяйственным потрясением страны в целях поднятия ее обороноспособности.

Главнейшими из этих мер были: 1) организация новой переписи земли с целью приведения в известность ее

состояния, степени разорения городов и деревень, 2) специальные меры, рассчитанные на скорейшую ликвидацию разрухи и на поднятие доходности поместий, обеспечивающих боевую готовность армии.

Вполне понятная тревога за боеспособность армии естественно подводила к вопросу об обеспечении поместий рабочими руками, т. е. в конечном счете к вопросу крестьянскому. Право крестьянского выхода для служилых людей и поддерживавшего их правительства явно делалось неудобным. Вопрос о целесообразности существования Юрьева дня всем ходом событий ставился на очередь.

Мы знаем деятельность власти в этом направлении только из отдельных намеков, дошедших до нас источников, но и этого достаточно, чтобы распутать сложный вопрос, интересующий нашу науку уже очень давно.

Историк XVIII в. В. Н. Татищев имел в своих руках ценнейший материал, до нас, к сожалению, дошедший только в кратком пересказе самого Татищева, который позволил ему высказать совершенно правильное мнение о том, что сама власть отменила Юрьев день и «заказала» крестьянам выход. Это мнение принял и Н. М. Карамзин. Он прямо говорит о «законе об укреплении сельских работников, целью своею благоприятном для владельцев средних или неизбыточных»¹.

Но уже в то время, когда Карамзин писал процитированные мною строки (том X написан им в 1823 г.), действовало, как мы уже отмечали, распоряжение министра народного просвещения от 1818 г. о том, чтобы в журналах и отдельных сочинениях ничего не печаталось ни в защиту, ни в опровержение крепостного права. Запрещение это повторялось несколько раз и действовало до конца 50-х годов, т. е. до того момента, когда само правительство убедилось в невозможности дальнейшего сохранения крепостного права².

Строго говоря, только с этого момента началась систематическая разработка вопроса, мнения по которому весьма осложнились и запутались.

¹ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. XI, стр. 120—121.

² В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб. 1888, стр. XIX и сл.

В 1858 г. М. П. Погодин напечатал свою статью «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права», где он в отличие от Карамзина утверждал, что крестьяне были прикреплены к земле и земле-владельцам не законом, а действием стихийных сил, как он выражался — «обстоятельствами».

Тогда же его статья подверглась критике Костомаровым, который защищал указное закрепление крестьян, относимое им к 1592 г.

В споре приняли участие все видные представители тогдашней науки: К. Аксаков, И. Д. Беляев, проф. Юрьевского университета Энгельман, а позднее такие крупные исследователи, как Ключевский, Сергеевич, Дьяконов, Владимирский-Буданов, Милюков, Самоквасов, П. И. Беляев и др. Вопрос в нерешенном виде дошел и до нашего времени.

Попробуем в нем разобраться.

Мы не ошибемся, если скажем в самом начале, что это один из таких вопросов общественной и политической жизни нашей страны, в определенном решении которого были заинтересованы прежде всего помещики, а на страже которых стояла власть. Таким образом, для нас делается совершенно очевидным, что московское правительство XVI в. не могло быть нейтральным зрителем ожесточенной борьбы, развернувшейся в связи с разрешением крестьянской проблемы. Московская власть в лице Ивана Грозного и его преемников есть прежде всего власть тех же помещиков. Каждый шаг московского правительства подтверждает это положение.

В нашем распоряжении имеется достаточный фактический материал для доказательства этого тезиса. В разгар военных действий между русскими войсками и Стефаном Баторием, когда успех склонялся в сторону Батория, 15 января 1580 г. по инициативе Ивана Грозного был созван церковный собор по вопросам не строго церковного характера. Ставился вопрос, какими дополнительными мерами к уже принятым царским правительством решениям церковь может помочь государству и, в частности, «воинскому чину», пришедшему «в оскудение велие». (Речь шла о монастырских землях и привилегиях.) Царь с боярами уже имел суждение по этому предмету. Была составлена не дошедшая до нас «уложенная грамота», и поместный приказ получил

распоряжение действовать «по той грамоте и по уложению»...

Духовенство принуждено было «уложить» то, что требовал от них политический момент и царь, т. е. отказаться от расширения и без того громадных своих земельных владений. Служилый человек требовал земли; иначе он не мог крепко ополчаться против врага.

20 июля 1584 г., стало быть, уже после заключения тяжелого для Московского государства мира и при новом царе Федоре Ивановиче, вновь созванный церковный собор не только подтвердил это решение, но и расширил самую постановку вопроса. Тут речь шла уже не только о сокращении притока новых земель «по душе» в монастыри, но говорилось и о податных привилегиях монастырей, являвшихся приманкой для мятущегося в поисках лучшей жизни крестьянства. Поскольку монастырские земли находятся во льготе, говорилось в постановлении Собора, «воинство, служилые люди, те их земли оплачивают, и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы; а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людям прииде»¹.

Тут имелось в виду и настоящее и недавнее прошлое, приведшее к обеднению служилый люд Московского государства. (В 1584 г. Юрьев день, как мы увидим дальше, уже не действовал.)

Таким образом, церковь приглашалась принести материальные жертвы в пользу служилых людей. Собором было постановлено, что с 1 сентября 1584 г. тарханы отменяются «на время до государева... указу», «покамест земля поустроится и помочь во всем учинитца царским осмотрением». С того момента церковь должна платить всякие царские подати и земские разметы «со всеми людьми ровно», все земли, заложенные в монастыри и другие церковные учреждения, отбираются на государя, т. е. в казну поступает очень значительный земельный фонд, конечно, предназначенный в поместную раздачу. Церковной земле частично пришлось пережить ту же судьбу, что в гораздо большем масштабе во время опричины пережила земля боярская.

¹ СГГиД, т. I, № 202, стр. 594.

Интересы служилого человека стоят на первом плане. Вопрос о крестьянах, без которых земельный фонд не имел никакой ценности, решительно и неизбежно вплелся в сложную политическую программу, которую надлежало разрешить теперь же, так как никогда еще служилый человек не попадал в столь затруднительное положение, и вопрос о боеспособности армии ставился с исключительной остротой. Весьма вероятно, что правительство «уложение», о котором говорилось выше, касалось не только земли, но и дальнейшей судьбы крестьян. Такое допущение тем более вероятно, что 1581 г. уже был «заповедным годом», в который крестьянский выход был запрещен, и закон о Юрьевом дне не действовал.

Обстановка, вызвавшая введение «заповедных годов», для нас совершенно ясна. Но закона о «заповедных годах» у нас в руках нет. Он, конечно, был, но до нас не дошел. О его содержании позволяют судить лишь косвенно другие материалы, имеющиеся в нашем распоряжении.

Можно утверждать, что 1581 г. был первым «заповедным годом», так как в 1580 г. и до него крестьяне еще уходили от своих господ по Судебнику, а в 1581 г. крестьяне этого права уже не имели. О том, что крестьяне вплоть до 1580 г. и в этом году пользовались правом Юрьева дня, у нас имеются совершенно бесспорные доказательства.

В тверской писцовой книге 1580 г. зафиксированы крестьянские выходы из вотчины Симеона Бекбулатовича¹. В дошедших до нас приходо-расходных книгах Волоколамского монастыря отмечены крестьянские выходы, начиная с 1573 по 1580 г. включительно: за год 1579—1580 отмечено 96 случаев «выхода» из-за монастыря и 20 случаев «выхода» за монастырь. В приходо-расходной книге 1581 г. нет ни одного случая ни выхода, ни входа². Не подлежит ни малейшему сомнению, что за-

¹ «Московские писцовые книги», ч. 1, отд. II, Описание вотчины Симеона Бекбулатовича.

² Только под 7 сентября 1581 г. имеется одинаковая запись: «привез из Мамошина приказчик Степан Катеринин полтину денег — взял выходу на крестьянина на Степана Овдокимова». По-видимому, эти деньги остались от прошлого года. Деньги он привез к началу нового отчетного года (ЦГАДА, Волокол. книга № 4, л. 31 об.).

прещение выхода падает именно на 1581 г. Из других документов, по преимуществу судебного характера, с несомненной ясностью вытекает, что с 1581. по 1586 все годы были заповедными. Затем в наших источниках есть некоторый пробел в показаниях до 1590 г., а относительно 1590, 1592, 1594 и 1595 гг. нам известно, что они тоже были заповедными.

Из указов Бориса Годунова 1601—1602 гг. выясняется, что практика заповедных годов стала правилом¹, а выход, разрешенный Борисом Годуновым для нескольких годов начала XVII в., несомненно, считался из этого правила исключением.

Далее встает перед нами вопрос о сроке действия закона о «заповедных годах» и районе его распространения.

На этот вопрос довольно определенно отвечает интересная запись в приходо-расходной книге Волоколамского монастыря от 6 января 1595 г. Тут речь идет о сборе долгов с монастырских крестьян. Монастырский старец Мисаил Безнин по этому предмету сделал распоряжение, чтобы не собирать долгов с тех крестьян, которые живут и впредь собираются жить за монастырем. «А будет государь изволит, продолжает старец, крестьяном выходу быть, и которые крестьяне пойдут из-за монастыря, и на тех крестьянах по тем кабалам деньги имати...»²

Значит, в 1595 г. крестьяне выходом не пользовались, но монастырская администрация, очевидно, знала, что в любой момент государь может объявить «выход». О том же говорят и другие факты. Крестьяне в своих порядных записях 80-х годов XVI в. иногда писали, что они крепки своим хозяевам только на время заповедных годов, «до государеву указу», как они в таких случаях выражались, или еще точнее: «до государевых выходных лет».

Все это говорит о том, что закон о «заповедных годах» был известен как мера временная, рассчитанная на временное действие, вероятно, как и отмена тарханов — «покамест земля поустроится». Но эта временность

¹ ААЭ, т. II, № 20 и 24.

² Б. Д. Греков, Очерки по истории феодализма, стр. 156.

затянулась, и, как мы знаем, закон прочно и надолго лег в основу дальнейшего развития крепостного права в России.

Что касается района распространения действия этого закона, то едва ли можно сомневаться в том, что он был распространен на все Московское государство. Об этом говорят и соображения общего характера и, хотя и косвенные, указания источников.

Поскольку мера была вызвана интересами служилых людей — помещиков и среднего достатка вотчинников, она должна была действовать там, где имелись землевладельцы средней руки, т. е. почти на всем пространстве Московского государства. Правительство не ограничивало района действия своих распоряжений о монастырских землях и монастырских податных привилегиях в связи с желанием облегчить положение помещиков. Не было у него никаких оснований и отменять Юрьев день только на определенных частях государственной территории. В других странах мы видим то же самое. Стоит вспомнить хотя бы постановления польской власти по тому же предмету, распространяемые на все государство.

Но, кроме этих, достаточно убедительных общих соображений, у нас имеются на этот счет вполне определенные показания источников. В указе Бориса Годунова о предоставлении крестьянам выхода в годы 1601 и 1602 прямо говорится: «пожаловали во всем своем государстве от налога и продаж велели крестьянам давати выход»¹. Разрешать можно то, что было запрещено. Если разрешение распространяется на все государство, стало быть, и запрещение действовало на всей его территории. Такой же смысл имеет и известный в сообщении Татищева закон 1607 г. с его знаменитым предисловием, вызвавшим в нашей науке столько споров. У нас есть все основания считать предисловие не выдумкой Татищева, а лишь небольшой его переделкой в целях сделать его текст с точки зрения Татищева более понятным для читателя. Там совершенно четко говорится о русских, зависимых от своих господ, крестьянах вообще, без всяких территориальных изъятий. В своей комментари к

¹ ААЭ, т. II, № 20.

закону 1607 г. Татищев с полным основанием сопоставляет его с законом 1601 г.

В подтверждение этой мысли можно сослаться еще и на факты известности и применяемости закона «о заповедных годах» на территориях Новгородской, Рязанской, Псковской, Вологодской и Московской. И наоборот, в источниках нет решительно ни одного намека на территориальные ограничения действия этого закона.

Итак, «заповедные годы» стали действовать с 1581 г. Эта мера была рассчитана на все Московское государство, но сначала предполагалась в качестве меры временной, однако вследствие заинтересованности помещиков в ее сохранности и впредь превратилась в факт весьма длительного действия.

Факт отмены Юрьева дня есть результат борьбы помещиков и вотчинников за более прочное владение крестьянским трудом, что соответствовало интересам всех землевладельцев, перед которыми в 80-х годах XVI в. с совершенно неприкрытой остротой стал вопрос о сохранении доходности их имений. Между крупными землевладельцами и землевладельцами бедными или средней руки была лишь та разница, что богатые землевладельцы имели возможность собственными средствами не только сманивать к себе рабочие руки, но и удерживать их за собой. Мы имеем блестящее подтверждение этому в деятельности Троицкой Сергиевой лавры, которая сумела своими собственными средствами организовать и привлечение на свои земли крестьян, и их оберегание от попыток бегства, и выслеживание каждого шага беглого, и его розыски. Можно просто удивляться тонкости работы монастырского аппарата в этом направлении. Но такая организация дела была доступна только богатейшему из землевладельцев. Ни один среднего достатка помещик и мечтать об этом не мог. Не даром в течение первой половины XVII в. помещики сначала слезно, а потом и с угрозами просили правительство о полной отмене Юрьева дня, указывая при этом на незаконное сманивание крестьян крупными боярами, монастырями и Троицкой лаврой, в частности. После выхода закона «о заповедных годах» его выгоды для себя почувствовали все виды и разряды землевладельцев.

§ 10. Выступление холопов и крестьян на рубеже XVI и XVII вв.

Дальнейшая эволюция крепостничества

Несмотря на всю свою приниженность и забитость, крестьяне не примирились с новым своим положением. Всеми имевшимися в их распоряжении средствами они протестовали, как могли и умели.

Об этом говорят многочисленные факты. Так, например, в 1594 г. в Волоколамском монастыре было серьезное крестьянское движение, прекращенное вмешательством государственной власти¹.

Самой обычной и массовой формой протеста крестьян против усиления феодального гнета было бегство.

Чем тяжелее становилась зависимость крестьян, тем чаще они прибегали именно к этой форме протеста. Это их стремление поисков лучших условий жизни пытались использовать наиболее богатые, предприимчивые и несклонные считаться с законами землевладельцы. Они переманивали к себе крестьян, не считаясь с уголовным кодексом, а переманив, принимали все меры, явные и тайные, к удержанию за собой незаконно принятых или же ими сманенных крестьян. Чем богаче и могущественнее был землевладелец, тем был он труднее досягаем для властей, менее уязвим и еще более агрессивен.

Для мелкого или среднего землевладельца борьба с крестьянскими побегамы была затруднительна по многим причинам: служилый человек часто отлучался из своего поместья, он не имел средств организовать охрану своего «живого инвентаря», наконец, он ничем не мог содействовать властям в поисках бежавших. Часто помещик, будучи в походах, просто не знал, в каком положении его хозяйство; а когда он возвращался домой, то нередко заставал тут картину настолько безнадежную, что трудно было найти выход из положения.

Надо иметь также в виду, что и аппарат государственной власти был далеко не достаточен, чтобы поспевать с выполнением бесчисленных челобитных, которые сыпались с разных сторон от служилого люда.

В такой обстановке появился знаменитый указ от 24 ноября 1597 г. Этим указом устанавливалась пяти-

¹ См. Б. Д. Греков, Очерки по истории феодализма, стр. 154—155.

летняя давность исков на беглых крестьян. Землевладельцы, у которых выбежали крестьяне за 5 лет до 1597 г. и которые успели в этот срок подать челобитье о сыске беглых, имели право рассчитывать на содействие государственной власти: таким землевладельцам, говорит указ, «давать суд и сыскивать накрепко всякими сыск и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил». А относительно крестьян, выбежавших за 6, 7, 10 и более лет до 1597 г. и относительно которых в течение этого срока от их господ не было челобитья, «суда не давати и назад их, где кто жил, не возити».

В нашей науке этот указ подвергался толкованию неоднократно, во-первых, потому, что он интересен сам по себе как один из важнейших законов в истории крестьянства, во-вторых, потому, что очень долгое время это был едва ли не единственный документ, говоривший о крепостных и беглых с некоторой определенностью. Больше всего интересовал ученых вопрос о том, почему устанавливается именно 5-летняя давность исков и что могло произойти в судьбе крестьян за пять лет до 1597 г., т. е. в 1592 г.

Карамзин утверждал, что в 1592 г. по инициативе Бориса Годунова был отменен Юрьев день. Такого же мнения держались и Костомаров, И. Д. Беляев и отчасти Сергеевич. Последний отодвигал время отмены Юрьева дня к началу царствования Федора Ивановича. Погодин, Ключевский, Владимирский-Буданов были другого мнения. Они в этом указе не видели никаких намеков на законодательное прикрепление крестьян. М. М. Сперанский высказал мнение о том, что закон этот имел в виду упорядочение судебного делопроизводства, слишком осложнившегося и запутавшегося в связи с усилением крестьянских побегов.

Закон явно компромиссного характера. С одной стороны, он признает, что крестьянин крепок своему хозяину и не имеет права от него уходить, конечно, без разрешения господина, а с другой — он мирится с фактом бегства и даже его легализует, в случае если бегство произошло больше чем за 5 лет до опубликования указа и если хозяин беглого не обратился в суд в течение этого срока нахождения в бегах своих крестьян. Закон был выгоден тем, к кому бежали крестьяне и кто мог

их прятать в течение указанного срока, т. е. людям богатым и сильным.

Служилой мелкоте этот закон доставлял много огорчений, чего они и не скрывали перед властью.

Между тем помещики — служилые люди, зная, сама власть мало задумывались о том, в какой мере можно рассчитывать на терпение народной массы. Правда, едва ли в Москве не знали, что было в Германии в 1525 г. и позднее.

Не удивительно, что усиливалось бегство крестьян не только к другим землевладельцам, но и туда, где крестьянин надеялся обойтись без всякого землевладельца и жить так, как ему казалось нужным. Не удивительно, что благодаря большому скоплению «холопов»¹ в городах, где они в условиях городской жизни имели возможность общаться друг с другом, они при удобном случае выступают со своими требованиями от общего имени. Не удивительно, что сама власть, наконец, начала прозревать и вынуждена была в особо острые моменты идти на уступки именно холопам прежде всего.

Все это, вместе взятое, указывало на резкое обострение социальных противоречий.

Над Борисом Годуновым сгушались тучи. Боярство давно было против него.

Никакие мелкие уступки, сделанные знати, не могли привлечь ее на сторону Бориса, которого она привыкла считать своим врагом.

Служилому люду он старался угождать, но делать это он мог прежде всего за счет крестьянской и холопской массы, которая скоро показала, что она далеко не бессловесна и не невесома в общем ходе жизни Руси. Каждая уступка крестьянству или холопству неизбежно вызывала недовольство служилых людей — помещиков. А не делать этих уступок правительство Бориса не могло.

Отношения запутались и обострились. Мы имеем ряд свидетельств о том, что правительство Бориса Годунова было вынуждено предпринять шаги к некоторому облег-

¹ Под «холопами» здесь понимаются все виды закрепощенных слуг и закрепощенные «кабальные» люди и добровольные слуги прежде всего (конечно, и доживающие свой век полные холопы).

чению положения крестьян, холопов и бедняков. Об одном из таких его шагов свидетельствует уже упоминаемый нами указ от 1601 г. В этом указе говорится, правда, весьма туманно о том, что Борис вынужден был дать крестьянам выход «от налог и продаж», т. е. учитывая их тяжелое положение. Эта туманность выражения несколько разъясняется в пересказанном Татищевым докладе дьяка в Боярской думе 1607 г. Тут уже прямо говорится о том, что «царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие,.. переход крестьянам дал». Тот же документ говорит о том, что «распри и насилия и многие разорения и убийства смертные и многие разбои и по путям грабления содержащаяся и содеваются»¹, т. е. не только были раньше, до 1601 г., но продолжают и сейчас, в 1607 г.

Даты опубликования указа Бориса тоже говорят нам о многом. Ведь Юрьев день по старому стилю приходится на 26 ноября. Обычная законная практика отказов падала на неделю до этого дня и неделю после этого дня, т. е. с 19—20 ноября до 2—3 декабря. Если бы правительство было намерено дать выход к этому сроку, оно должно было бы заготовить указ и опубликовать его по крайней мере за несколько дней до 19 ноября. Между тем указ 1601 г. дан окольниковому Морозову в Москве только 28 ноября, т. е. два дня после Юрьева дня. Указ 1602 г. подписан 24 ноября, прибыл в Новгород 29 ноября, воевода разослал его пятиконецким старостам 30 ноября. Правда, срок отказов продлен, но именно и продлен потому, что дан не вовремя. Едва ли мы ошибемся, если допустим, что правительство не собиралось давать указа о выходе и было вынуждено это сделать ввиду особых обстоятельств («волнение велие»).

Закон рождался в обстановке далеко не мирной. Что мы не ошибаемся, видно из текста указа 1602 г., который имеет только то новое по сравнению с предшествующим (1601 г.), что запрещает бесчинства, сопутствующие прошлогодним крестьянским вывозам: землевладельцы, чтобы не лишиться своих крестьян, насильно удерживали их самих и их имущество, делали

¹ Уложение о крестьянах и холопах Василия Шуйского. (В. Н. Татищев, Судебник, ст. 241.)

всякие «зацепки» и «продажи», в результате чего во время вывозов возникали бои и грабежи.

Больше чем вероятно, что и в следующем, 1603 г., правительство не в силах было справиться со стихией. Об этом говорят некоторые факты: 1) в указе Лжедмитрия 1606 г. выделены голодные годы, 1601—1603, в особую категорию; 2) в отдельных на поместья книгах 1603—1606 гг. находим много легальных выводов крестьян за 1601—1603 гг.; 3) Троицкий монастырь получил в 1614 г. право возвращать беглых крестьян, начиная с 1 сентября 1604 г.¹, монастырь это право использовал в точности; 4) в отводной книге на владении Александровского монастыря в Обонежской пятине Пиркинского погоста записаны случаи законного выхода крестьян в 1603—1604 гг.²

Только в 1606 г. правительство Самозванца задним числом решило разобраться в вопросе о нарушении права выхода по существу. В указе 1 февраля 1606 г. различаются крестьяне, выбежавшие от своих хозяев от голода, и крестьяне, выбежавшие не от голода. Первым разрешается оставаться у своих новых хозяев, вторых возвращают обратно. Указ имеет в виду время между 1601 и 1604 гг.³

Знаменательны и меры Бориса Годунова по отношению к кабальным холопам. 16 августа 1603 г. царь Борис велел «кликать» в Москве и городах, чтобы холопы, ушедшие от господ своих вследствие голода и не получившие от господ отпускных, шли бы в Холопий приказ, где им будут даны отпускные помимо воли господ⁴.

¹ «Памятники хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры», т. II, стр. 6 и 50; М. А. Дьяконов, Заповедные и выходные лета, стр. 16—18.

² «Да по сказке волостных людей ис тое деревни в 111 году вышел крестьянин... Андришка Долгой с зятьями с Левкою да с Сенькою в Гедевской погос в Ньюиничи за Федора Лодыгина, да во 112-м году с тое деревни вышел крестьянин Андришка Яковлев с братом с Сергушкою в Ымоченский погост в Шириницы за Григорья Белеутова» (Актовые книги Александровского монастыря 1606 г.). Тут же попадают ушедшие в 1604 г. крестьяне, о которых говорится «сшол» без указания, за кого именно (Архив Института истории АН СССР).

³ ААЭ, т. II, № 40. Разбор этого указа см. И. И. Смирнов, К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1938, № 19.

⁴ М. Ф. Владимировский-Буданов, Христоматия, вып. III, стр. 85—86.

Это распоряжение Бориса очень интересно во многих отношениях. Прежде всего оно находится в самой тесной связи с указами того же царя в отношении вывоза крестьян. Тяжелое положение крестьян, безусловно, сыграло известную роль в предоставлении им выхода «от налог и продаж». Относительно холопов царь Борис Федорович и его сын Федор Борисович высказались гораздо решительнее, но побудительный мотив к изданию закона остался тот же — тяжелое положение холопов. Тут цедая драма: «бояре и дворяне и приказные люди и дети боярские и гости и всякие служилые и торговые люди» в голодные годы своих холопей выгоняли от себя, не давая им, однако, отпускных, с намерением по миновании голодных годов вернуть их обратно, если, конечно, эти холопы не умрут от голода.

Указ написан в очень энергичном тоне и заканчивается общим распоряжением по всему государству: «да и в городах про тех холопей велети кликать, не по один день, чтоб те боярские и всяких людей холопи для отпускных приходили в приказ Холопя суда».

Что это распоряжение власти не было мертвой буквой, видно из того, что в напечатанных кабальных книгах за последние месяцы 1603 г. и за 1604 г. имеется серия отпускных, выданных холопам при жизни их господ в противоположность обычным актам этого рода, выдававшимся холопам после смерти их господина¹.

Этот указ интересен и тем, что он, как и указ о вывозе крестьян, был вызван «волнением велиим» в народе, в частности выступлением холопов. Указ дан 16 августа 1603 г., а И. Ф. Басманов, посланный на усмирение Хлопка и Косолапа, был в сражении с ними убит в сентябре того же года². Следовательно, указ об облегчении положения холопов был дан в разгар холопского движения.

Состояние русского общества при преемнике Бориса Василии Шуйском стало еще сложнее. Один, царь бояр и купцов, сидел в Москве, а другой, ставленник Польши (Лжедмитрий II), — в Тушине. Между ними шла война.

¹ Е. Н. Кушева, К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. «Исторические записки», т. XV, стр. 92.

² Исаак Масса, Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 71—72. Обстоятельный разбор хронологии этих событий см. указ. соч. Е. Н. Кушевой, стр. 91—92.

Сражались не только оружием. Пускали в ход прокламации и обещания, сманивали людей чинами, деньгами и землями, прибегали и к другим средствам, рассчитанным на ослабление противника и усиление своих собственных позиций. Весьма показательно в этом отношении, что в январе 1606 г. Лжедмитрий подтверждает запрещение записывать кабального человека одновременно за двумя родственниками во избежание превращения кабальной зависимости в потомственную. При нарушении этого правила кабальный человек освобождался полностью¹.

Летом 1606 г., как известно, началась крестьянская война под предводительством Ивана Болотникова. Движение продолжалось более года, до осени 1607 г.²

В условиях этой войны Василий Шуйский был вынужден 7 марта 1607 г. подтвердить и расширить уже преданный было забвению принцип добровольности кабального холопства. Проработавший «полгода или год или больше» может, вопреки ясному смыслу закона 1597 г., и не давать на себя кабалы, если этого не пожелает³. После этого люди стали жить без кабал лет «по 5, 6, 10 и больше» и не думая давать на себя кабал. В 1608 г. (закон 9 марта) Шуйский в этом направлении идет еще дальше. Он решительно возвращается к Судебнику 1550 г. и дает распоряжение о том, чтобы на вольных людей записей о пожизненной службе не брать и в записные книги Холопьяго приказа таких сделок не записывать, «а имати записи на вольных людей всяким людем на урочные лета по прежнему уложению», т. е. по Судебнику Ивана Васильевича Грозного⁴. Мотивы власти не трудно понять, если представить себе во всей конкретности условия, при которых Шуйский отважился на столь решительный шаг.

Когда же правительство Шуйского после поражения тушинцев (Лжедмитрия II и поляков) летом 1609 г. почувствовало под собою более прочную почву, вопрос

¹ Указ 7 января 1606 г. Указная книга приказа Холопьяго суда (М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия, вып. III, стр. 92).

² Последнее капитальное исследование крестьянской войны 1606—1607 гг. принадлежит И. И. Смирнову (И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, Л. 1949).

³ М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия, вып. III, стр. 87—88.

⁴ Там же, стр. 91—92.

о кабальных людях был поставлен в Боярской думе, и 12 сентября 1609 г. «бояре все тот прежний приговор 115 (1607 г.) указали отставить, а приговорили: о добровольном холопстве быти той статье по государеву прежнему указу, как уложено... блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси 105 (1597) году»¹. Иными словами, Дума восстановила самый суровый о кабальных людях закон.

Так рухнули все надежды добровольных и кабальных слуг на улучшение их правового положения. Для них вернулось старое, самое тяжелое время, время указа 25 апреля 1597 г.

По отношению к крестьянам правительства Лжедмитрия I и Шуйского вели более прямую линию. Временное и частичное разрешение возки крестьян, данное Годуновым в голодные годы, было ликвидировано, вероятно, самим Годуновым перед его смертью либо предано было забвению при Василии Шуйском. Во всяком случае Лжедмитрий I в указе от 7 января 1606 г. трактует частновладельческих крестьян крепкими своим господам.

Крестьяне, бежавшие от своих господ за год до голодных лет (1601—1602), должны быть возвращены на свои старые места к «старым помещикам». Крестьяне, бежавшие в голодные годы, тоже возвращаются старым вотчинникам и помещикам, если не будет доказано, что они ушли, спасаясь от голодной смерти. Крестьянин, давший в голодное время на себя кабалу, остается за новым своим хозяином². Очень интересна мотивировка последней мысли законодателя. Он не сомневается, что крестьянин дает на себя кабалу только в крайнем случае, при очень тяжелых обстоятельствах, приравниваемых в данном случае к спасению себя от голодной смерти: «а не от самые бы нужи в холопи он (крестьянин.— Б. Г.) пошел». Этим же законом подтверждается и пятилетняя давность исков на беглых крестьян. О заповедных годах здесь нет ни звука. Из временной меры они, очевидно, превратились в постоянную.

Совершенно тех же принципов держится и Шуйский в своем указе 9 марта 1607 г. Этот указ интересен во многих отношениях.

¹ М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия, вып. III, стр. 88—89.

² ААЭ, т. II, № 40.

Он рассматривался в Боярской думе и составлен в целях борьбы с крестьянским движением, вызванным якобы половинчатыми мерами Бориса Годунова. «И ныне,— читаем в докладе Боярской Думе,— великие в том учинились распри и насилия; и многим разорения и убивства смертные и многие разбои и по путем грабления содеяшася и содеваются. Сего ради приговорили есми и уложили...»

Без всякой шатости новый указ объявляет всех частновладельческих крестьян, записанных за своими господами в писцовые книги 1592 г., крепкими: крестьяне должны «быть за теми, за кем писаны».

Далее тот же закон устанавливает: 1) на беглых крестьян и холопов 15-летний срок исков; 2) вводит 10-рублевый штраф за принятие к себе беглого; 3) увеличивает «пожилое» до 3 рублей в год, вкладывая в этот термин новый смысл: теперь это уже не плата хозяину при выходе крестьянина, а штраф за держание у себя беглого; 4) разрешает нанимать чужих крестьян на временную работу только с ведома господина, которому принадлежит крестьянин; 5) устанавливает обязательный сыск беглых крестьян¹.

Согласно общему смыслу этого закона крестьянин находится в крепкой зависимости от своего господина и трактуется вместе с холопом: «А которые после сего уложения крестьяне, или холопи, или раба побежит...», «А примут чьего холопа, или крестьянина, или рабу...», «А государю искати своего холопа, и рабу и крестьянина в 15 лет от побега...»² и т. п.

Этот закон действовал очень недолго. Он как законодательный акт канул в вечность вместе с падением Шуйского, но дух его был жив. Он не умирал и не мог умереть, поскольку землевладельцы требовали дальнейшего укрепления за ними рабочих рук и поскольку власть находилась в руках землевладельцев.

Уложение Шуйского для нас имеет огромное познавательное значение. Мы тут ясно видим, в каком направлении трактовался крестьянский вопрос в это бурное время.

Если тот же Шуйский за два дня до этого указа вынужден был подписать указ о разрешении доброволь-

¹ В. Н. Татищев, Судебник, стр. 240—246.

² Там же, стр. 245—246.

ной службы, т. е. пойти на отмену закона 25 апреля 1597 г., то по отношению к крестьянам мы в действиях правительства не видим никаких послаблений.

Надо, впрочем, сказать, что, несмотря на достаточно определенный курс, взятый правительством по отношению к крестьянам, несмотря на ясную формулировку уложения Шуйского, в котором крестьяне считаются крепкими по записи в писцовые книги 1592 г. без всяких ссылок на «заповедные лета», в отдельных случаях на практике мы встречаемся со старым представлением о временном лишении крестьянина права выхода.

Когда мы сравниваем отношение власти в период «смуты» к частновладельческим крестьянам, кабальным холопам и добровольным слугам, нам не может не броситься в глаза некоторая разница. Сомневаться не приходится, что крепостнические тенденции никогда не покидали законодателя, но ему, несомненно, приходилось лавировать среди разбушевавшейся стихии и против своей воли делать уступки там, где в более мирной обстановке никаких колебаний и не предполагалось.

Почему же этих вынужденных уступок по отношению к крестьянам делалось гораздо меньше, чем в отношении добровольных слуг и кабальных людей?

Ответ, мне кажется, мы можем найти в современных событиях источниках.

Вот перед нами глава сказания Авраамия Палицына «О зачале разбойничества во всей России». Она начинается с указания на то, что Борис Годунов в отношении своих к «воинскому чину» был последователем Ивана Грозного и особенно стремился увеличить количество служилых людей в украинских городах, в частности в Польской и Северной Украинах.

Именно тут благодаря мероприятиям Грозного и Годунова собралось большое количество беспокойных элементов, вербовавшихся из людей мало надежных («злодействующих» и осужденных на смерть).

Далее автор разъясняет, откуда вербовались люди, принявшие участие в «разбойничестве». При этом ни разу автор не вспоминает крестьян и очень много говорит о холопах.

Этим я отнюдь не собираюсь отрицать выступление крестьян. Мы могли видеть их поведение: они бегут от

своих господ, иногда отказывают им в повиновении, немало крестьян-беглецов оказалось на «украинах» среди казаков. Все это факты несомненные. Но все-таки господа и помещичье государство боялись восставших и организованных холопов больше, чем крестьян. Это объясняет нам разницу в законодательных мероприятиях, принимаемых властью по отношению к крестьянам и холопам в период обострения классовой борьбы и интервенции.

События развивались. Крестьянский и холопский вопросы не снимались с очереди и решались каждый раз в новой обстановке.

Если первый самозванец, а за ним и Шуйский не вспоминали о временности заповедных годов, считая крестьян крепостными, то после падения Тушина, когда в надежде на умиротворение страны тушинцы обратились к Сигизмунду с просьбой дать им в цари своего сына Владислава, землевладельцы обнаруживают опасение, как бы новая власть не вернулась к старой практике и, в частности, не восстановила бы Юрьев день. Опасение достаточно неосновательное, так как и Польша в это время была страной вполне крепостнической.

В договоре 4 февраля 1610 г., заключенном под Смоленском тушинской делегацией с королем Сигизмундом, введена специальная статья о том, что в отношении общественного строя новая власть гарантирует крепостной порядок. За землевладельцами остается право на землю, на крестьян и на холопов:

«16. Мужиком хрестьяном до Литвы з Руси, а з Литвы до Руси и на Руси всяких станов людем русским промеж себе выходу не кажет король его милость допускати.

17. Холопов невольников боярских заховывати рачит его королевская милость при давних звычайех, абы бояром альбо паном своим служили по первшому; а волности им господарь его милось давати не будет рачить»¹.

Статья 16 изложена несколько туманно, но смысл ее проясняется при сопоставлении с аналогичной статьей договора с Сигизмундом 17 августа того же года. Там

¹ АЗР, т. IV, № 180, стр. 317.

смысл этой статьи раскрыт полностью: «Торговым и пашенным християном в Литву з Руси и в Литвы на Русь выходу не быть; также и на Руси промеж себя християном выходу не быти. Бояром и дворяном и всем чыном держати крепостных людей по прежнему обычаю по крепостям»¹.

Помня недавнюю практику Вáсилия Шуйского, тушинская делегация вставляет в договор особую оговорку о том, что вольности крестьянам и холопам-невольникам государь давать не будет. Владислав, насколько можно судить по скудным источникам, как будто держался золотой середины: он не давал вольности крестьянам, но и не отнимал у них надежды на облегчение их положения. В наказе 1610 г. от имени королевича Владислава С. Левшину для управления Чухломой предписывалось крестьян «беречи... от продаж и от насильств и крестьян из-за государя никуды не выпускать и самому не вывозить ни от кого до государева указу»².

В той части России, которая в это тяжелое время подпала под власть шведов, мы видим то же самое. Новгородское правительство, поставленное с согласия шведов, дает наказ Вельяшову для управления дворцовыми волостями. Тут указывается «крестьян из тех погостов никуды не выпускати и возити их из-за государя никому не давати, и а за государя в те погосты крестьян до государева указу ни из-за кого не возити ж, опроче вольных людей»³.

После низложения Шуйского (7 июля 1610 г.), когда от имени Сигизмунда III в переговорах с Русью выступил Станислав Жолкевский, был заключен 17 августа 1610 г. новый договор, в котором повторена та же основная мысль⁴.

От 15 мая 1611 г. мы имеем жалованную грамоту Сигизмунда Якову Маржерету на вотчину. В грамоте написано: «ему, капитану... тою вотчиною владети, а крестьяном его слушати во всем, пашню на него пахать и доход ему всякий платити, да крестьяном же из-за него

¹ СГГид, т. II, № 199, стр. 396; № 200, стр. 404.

² «Древняя Российская Вифлиофика», изд. 2, т. XI, стр. 368—369.

³ ДАИ, т. 1, № 167, стр. 296.

⁴ СГГид, т. II, № 190 и 200.

за бояр наших, и за окольных, и за дворян, и за детей боярских, и за патриарха, и за монастыри не выходить и никому их не вывозить». Вышедших, т. е. беглых, велено возвращать назад¹. Собравшись под Москву вместе с казаками, в самую критическую минуту 30 июня 1611 г. дети боярские не забыли приговорить «крестьян и людей по сыску отдавать назад старым помещикам»².

После крестьянской войны начала XVII в. и «смуты» пятилетний срок исков перестал удовлетворять землевладельцев. Даже Троицко-Сергиев монастырь, несмотря на все свои возможности, не мог в пятилетний срок справляться с розыском и возвращением на старые места своих разбежавшихся крестьян. Он стал просить правительство о продлении этого срока и 22 февраля 1614 г. получил просимое: срок был удлинён для монастыря до 9 лет.

Но и удлинение срока помогло мало. Через год монастырь опять жаловался, что те землевладельцы, в которых жили беглые троицкие крестьяне, «учинились сильны.., крестьян вывозить им за себя не дали, а которые были вывезены, и они тем крестьянам хлеба не дали, и те крестьяне к ним, к хлебу, опять выбежали, а иных к себе насильством поимали». Одни из таких нежелавших отдавать беглых троицких крестьян, вроде думного дворянина Кузьмы Минина, отказывали вежливо: «мне-де тех троицких крестьян без государева указу не отдавать, потому что теми крестьяны государь пожаловал меня», а другие поступали иначе: князь Роман Петрович Пожарский «учинился силен» и, «скопясь против государева указу великим скопом, да свозчика... и троицких крестьян, которые с ним (свозчиком) приеждяли, хотели побить до смерти и впредь к себе для тех троицких крестьян въездяти не велел: государева-де мне указу не слушивати». Монастырь докладывал о таких случаях государю, но дело сбирания и водворения крестьян на старые их места двигалось плохо. Это у богатейшего монастыря. Что же говорить о среднем дворянстве, служилом человеке.

¹ АЗР, т. IV, стр. 409—410.

² Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. XII, прим. 793.

От дворян-помещиков сыпались царю жалобы не только на невозможность вернуть своих крестьян, но и на тех землевладельцев, которые, собирая своих беглых, требовали от помещиков крестьян, незаконно у них прижившихся. Жаловались, между прочим, и на Троицкий монастырь в том, что этот последний вывозит от них не только бежавших за 9 лет перед этим, но и за 20 лет и больше.

Царь даже обещал ограничить энергию монастырских свозчиков, но этого почему-то не сделал.

После хозяйственной разрухи 70—80-х годов XVI в. и особенно после крестьянской войны и «смуты» появилось в правительственной и частновладельческой практике новое отношение к земле и рабочим рукам. Если до этих событий землевладелец традиционно привык смотреть на крестьянина как на естественную принадлежность своей земли, которая его исправно кормит, то во время крупнейших общественных и политических потрясений в стране землевладельцы легко могли убедиться в том, что крестьянин отделим от господской земли. Опыт показал, что сам крестьянин не склонен терпеть любые условия пребывания на господской земле. Пришлось отказаться от прежнего привычного взгляда на землю. Если в XV—XVI вв. подати собирались с пашни, т. е. с обрабатываемой земли, и в основу составления писцовых книг клался именно этот показатель, то после «смуты» составляются уже не писцовые, а переписные книги, где учитывается не земля, а количество крестьян, причем не только взрослых, работоспособных, но и детей в качестве будущих работников.

С конца XVI в. уже подготовлялась эта новая практика. Отдельщики поместий обращают прежде всего внимание на количество крестьянских и бобыльских дворов, а потом уже отмечают и количество земли. В 1625 г., например, вологодские помещики жаловались: «А дачи за нами... небольшие, и в оклады нам не сполнено, а на 100 четвертей доставалось всего по 4 крестьянина, а на 80 по 3 крестьянина, а на 50 по 2 крестьянина»¹.

¹ «Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому у. в XVII в., собр. В. Н. Сторожевым», вып. I стр. 34—38.

В связи с этим стоит и введение так называемой «живущей четверти». С 1620 г. в разное время для разных городов стали издаваться указы, «по чему крестьян и бобылей в живущую пашню в четь класть». Помещики становятся на ту точку зрения, что они служат с крестьян, а не с земли, и правительство с ними соглашается: в 1633 г. перед отправлением в Смоленский поход служилые люди обратились к царю с просьбой выдать им жалованье, так как они бедны, и им с наличного количества крестьян «подняться и на службе быть не мочно». На это последовал приговор: «выдать государева жалованья беспоместным и пустопоместным по 25 руб., у кого до 15 крестьян — 20 рублей, а за кем больше 15 крестьянинов, и тем жалованья не давать».

Так подготовлялся переход исчисления доходности имения с количества распаханной земли на количество крестьянских душ.

В 20-х годах XVII в. хозяйственное расстройство всей Русской земли было еще более серьезным, чем в 70—80-е годы XVI в.; вопрос о материальном обеспечении служилого человека стал острее, и его политическое значение выросло.

Хозяйственный развал ликвидировался успешно, но получивший в свое распоряжение крестьянские руки землевладелец не только не склонен был от них отказаться, но обнаруживал давнюю тенденцию к расширению своих прав. Его решительно не удовлетворяли «урочные годы», даже и доведенные до 10—15 лет. В ходе борьбы за их отмену мы имеем возможность следить едва ли не за каждым шагом служилого человека. Настойчивость, с какой дворянин добивался своей цели, очень показательна. Она говорит нам о том, что дворянин не был нейтральным зрителем процесса закрепощения и в XVI в. Недостаток документов, способных осветить эту борьбу за крестьян в XVI в., не должен нас смущать. Утрата этих документов есть только потеря для науки, но нисколько не говорит об отсутствии активности борющихся сил за свои кровные интересы. В 30—40-х годах XVII в. дворяне, пользуясь всяким удобным случаем, посылают царю коллективные челобитья.

20 февраля 1637 г. дворяне в челобитной писали, что сильные люди сманивают у них крестьян и отводят в дальние свои поместья и в вотчины, «надеючись на...

государевы на указные годы на 5 лет». «И как твои государевы указные годы и выйдут,— продолжают жаловаться дворяне,— и они (сильные люди) привозят тех наших беглых крестьян и людюшек в ближние свои поместья и в вотчины, которые их поместья с нами... смежно, и емлют на них ссудные записи во многих ссудах и достальных наших крестьянишек... Милосердый государь и великий князь Михаил Федорович всея Руси. Пожалуй нас, холопей своих, за прежнюю нашу службишку и за крови для нашей бедности и разорения... как было при прежних государях... вели, государь, те урочные годы пять лет отставить...»¹

Подобные челобитья подавались и в 1641 г.

В 1642 г. правительство Михаила Романова увеличило срок возврата беглых до 10 лет, а увезенных («вывозных») даже до 15 лет², но дворянину этого было мало. Фактически он не мог использовать этот закон за отсутствием каких-либо средств розыска и свозки своих беглых. Дворянину-служилому человеку хотелось полного уничтожения «урочных годов», т. е. полного права на крестьян, и он поставил себе целью добиться этого.

В год смерти Михаила Федоровича дворяне подают уже более резкое заявление о том, что «от служб обедняли и одолжали великими долги и коньми опали и поместья их и вотчины опустели и дома их оскудели и разорены без остатку от войны и от сильных людей»: так они мотивировали требование отменить «урочные лета»³. Новый царь ответил отказом: «той статье о крестьянах быть по уложению прежних государей, и, как учинено при его государеве отце., во 149 (1641) году, что перед уложением прежних государей прибавлено пять лет и учинено вдвое 10 лет» (указ 19 октября 1645 г.)⁴.

В следующем, 1646 г., правительство, однако, в наказе писцам к предстоящей новой переписи населения дало разъяснение: «как крестьян и бобылей дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне

¹ П. П. Смирнов, Челобитные дворян, стр. 38—42.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 49.

и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет»¹.

Это, однако, только обещание. Дворяне имели основание не верить, и в 1648 г., когда опять зашаталась Московская земля и явно встал призрак большого народного движения, дворяне снова обратились с челобитьем к царю, в котором слышится больше угроз, чем просьб. Они снова указывали на то, что, бывая на царских службах «по вся годы», лишены возможности в течение 10-летнего срока бороться с сильными людьми за возвращение своих беглых. Еще и еще они рассказывали повесть о своих бедствиях и требовали: 1) полной отмены урочных лет, 2) запрещения принимать беглых и наложения наказания за их прием, 3) пытки для убежавших и скрывающихся под чужим именем крестьян².

Это челобитье слушалось в обстановке московского восстания 1648 г., в котором дети боярские принимали самое активное участие. Оно имело успех. Созванный, по совершенно справедливому замечанию патриарха Никона, «боязни ради и междуусобия от всех черных людей», Земский собор, где, однако, решительно преобладали служилые и посадские люди, полностью удовлетворил все эти требования. Глава XI Уложения, утвержденного Собором 1648—1649 гг., особенно статьи 2, 3 и 22 ответили на все эти пункты в том смысле, как этого хотели служилые люди.

Беглые крестьяне, если они были записаны за землевладельцами в писцовых, отдельных или отказных книгах, насильно возвращаются на старые места «без урочных лет», возвращаются они «с женами, детьми и со всеми животы (имуществом) и с хлебом стоячим и с молочным»; если крестьянские дети, не желая возвращаться к прежним владельцам, будут отказываться от своих отцов и матерей, таких детей для выяснения правды Уложение предписывает подвергать пытке. В то же время Уложение узаконило старые сделки на крестьян и тем самым подчеркнуло законность сделок на крестьян без земли. У кого из землевладельцев до Уложения относительно беглых крестьян и бобылей были заключены «полюбовные сделки», «кто кому своих

¹ ААЭ, т. IV, № 14, стр. 26.

² АИ, т. IV, № 30.

крестьян поступился и записью укрепился или челобитные мировые подали» — все эти соглашения Уложение признает вполне законными и не подлежащими новому рассмотрению. Уложение 1649 г. — блестящая победа помещика, итог его полувековой борьбы за отмену урочных лет, за установление крепостного права в самом полном значении этого термина.

* *
*

Итак, в середине XVII в. положение различных категорий зависимого сельского населения оформилось с достаточной четкостью. Но на этом дальнейшее развитие крепостного права не остановилось. Начавшийся процесс превращения поместья в вотчину окончательно завершился при Петре I. Положение крепостных крестьян стесняется еще больше. В 1741 г. крепостные устраняются от принесения присяги на верность государю, т. е. уже и формально вычеркиваются из числа граждан. Указ 14 декабря 1747 г. разрешает помещикам продавать крестьян кому угодно для отдачи в рекруты; указ 13 декабря 1760 г. позволяет помещикам ссылать своих крепостных в Сибирь.

При Екатерине II феодально-крепостнические отношения достигают высшей точки своего развития, но в то же время жизнь настойчиво ставит вопрос о хозяйственной целесообразности крепостного права. Та же Екатерина II в Вольном Экономическом обществе в 1765 г. вынуждена поставить на обсуждение вопрос о том, что выгоднее для России — крепостной или свободный труд.

Феодально-крепостнический строй завершает на наших глазах полный круг своего диалектического развития. В XIX в. вместо феодально-крепостнических отношений в русской деревне утверждаются капиталистические отношения, правда, сочетавшиеся еще долгое время с остатками крепостничества. Полное освобождение от всякого рода эксплуатации крестьянству нашей страны принесла Великая Октябрьская социалистическая революция.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИЯХ НА ИСТОЧНИКИ

- ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук».
- АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России».
- АИ — «Акты, исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией».
- АЮБ — «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. 1, СПб. 1857, т. II, СПб. 1864.
- ГВНиП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л. 1949.
- ДАИ — «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической экспедицией», т. 1, СПб. 1846.
- ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л. 1950.
- ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии».
- НПК — «Новгородские писцовые книги».
- ПВЛ — «Повесть временных лет», ч. 1 и 2, М.—Л. 1950.
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».
- РИБ — «Русская историческая библиотека».
- СГГид — «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел».
- Чтения ОИДР — «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете»
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Б. Д. Греков как историк русского крестьянства	—
Введение	24
I. Крестьянство в период становления феодальных отношений	31
§ 1. Предварительные замечания	—
§ 2. Развитие производительных сил. Место земледелия в хозяйстве восточных славян	34
§ 3. Разложение первобытно-общинного строя и генезис феодальных отношений на Руси	40
§ 4. Феодальное землевладение в Киевской Руси и положение зависимого крестьянства в IX—XII вв.	61
II. Крестьянство в период господства ренты продуктами	81
§ 1. Предварительные замечания	—
§ 2. Феодалы и сельское население Галицко-Волынской земли в XII—XV вв.	83
§ 3. Сельское население Новгородско-Псковской земли	99
а) Новгородское крестьянство XIII—XIV вв.	
б) Сельское население Псковской земли в XV в.	
§ 4. Сельское население Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв.	119
III. Крестьянство в период господства отработочной ренты	134
§ 1. Предварительные замечания	—
§ 2. Рост внутреннего рынка	136
§ 3. Разорение боярства и вопрос о новых кадрах землевладельцев	147
§ 4. Рост барской запашки	153
§ 5. Сокращение применения труда холопов. Крепостной и наемный труд	155
§ 6. Начало регламентации положения крестьян в общегосударственном масштабе	166

§ 7. Основные категории феодально-зависимого сельского населения в XV—XVI вв.	170
а) Крестьяне-старожильцы	
б) Крестьяне-серебренники	
в) Крестьяне-новопорядчики	
г) Деревенские бобыли	
д) Половники	
е) Монастырские детеныши	
§ 8. Разорение 70—80-х гг. XVI в.	195
§ 9. «Юрьев день» и «заповедные годы»	202
§ 10. Выступление холопов и крестьян на рубеже XVI— XVII вв. Дальнейшая эволюция крепостничества	210
Сокращения, принятые при указаниях на источники	228

Греков Борис Дмитриевич
Краткий очерк истории русского крестьянства

Редактор *В. Антонов*

Мл. редактор *О. Бочкова*

Оформление художника *А. Соколова*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *З. Лобова* и *Т. Тонконогова*

Сдано в набор 2 апреля 1958 г. Подписано в печать

5 сентября 1958 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Бум. л. 3,625.

Учетн печ. л. 11,9. Учетно-изд. л. 12,12.

Тираж 30 000 тыс. экз. А 07013. Заказ № 3523.

Цена 5 р. 15 к.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с готового набора в 5-й тип. Углетехиздата.
Москва, Южно-портовый 1-й пр., 17. Зак. 676

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ВЫПУСКАЕТ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Тарле Е. В., Северная война и шведское нашествие на Россию
1708—1709 гг. 480 стр.

Рашин А. Г., Формирование рабочего класса в России. Исто-
рико-экономические очерки. 623 стр.

Федосов И. А., Революционное движение в России во второй
четверти XIX в. (Революционные организации и круж-
ки). 415 стр.

Левин Ш. М., Общественное движение в России в 60—70-е го-
ды XIX века. 511 стр.

Смирнов Н. А., Политика России на Кавказе в XVI—XIX ве-
ках. 244 стр.

Григорян Э. Т., Присоединение Восточной Армении к России
в начале XIX века. 186 стр.

Арутюнян Ю. В., Вылцан М. А., Историческая роль МТС и их
реорганизация. 158 стр.

3

0.52 ✓

Б. А. ГРЕКОВ и ИСТОРИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

